

Раздел VI. Военные аспекты международного права. Военное право зарубежных государств

Глава 22

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЕГО ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ

§ 1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В человеческом обществе идеи правопорядка всегда противопоставляются хаосу и произволу. Правопорядок устанавливается посредством принятия к исполнению норм права, под которыми понимается норма поведения, обеспеченная властной волей государства. В каждом конкретном государстве сосуществуют и взаимодействуют национальный уровень и межгосударственный уровень правового регулирования. Внутригосударственный порядок в отношениях между различными субъектами регулируется внутренним законодательством, но с выходом на межгосударственный уровень взаимодействия возникает проблема соответствия норм права различных стран друг другу. Субъекты международного права на добровольной основе возлагают на себя обязательства по выполнению тех или иных требований, достигают договоренностей по вопросам в различных сферах деятельности, о механизмах реализации договоренностей, обеспечивающих выполнение правовых предписаний, а также определяют меру (степень) ответственности за нарушение договорных положений.

Международное общение в эпоху глобализации, в период изменения геополитического доминирования, нарастания конфликтного потенциала между ведущими странами, несмотря на некоторый спад авторитета международного права, по-прежнему регламентируется нормами международного права. Будучи живым организмом, международное право подвержено изменениям по мере развития отношений между государствами. Таким образом, *международное право* — юридическое состояние межгосударственных отношений, выраженных

политическими взглядами и соответственно предпринимаемыми государством шагами в рамках данной позиции по отношению к другим государствам, а также ответные действия других государств на данные действия в соответствии с их политическим курсом¹. Как справедливо отмечал профессор А.Н. Вылегжанин, «в XX—XXI веках дипломатические соглашения, резолюции и конвенции международных организаций формируют широкую глобальную правовую среду, которая объединяет все стороны системы международных отношений в структурированное поле правового сотрудничества»². С учетом системности и взаимосвязанности мира любое государство является частью глобальной межгосударственной системы. Все государства связаны международными отношениями, но каждое государство действует в своих интересах и в соответствии со своими интересами реагирует на действия других государств. Как могут строиться международные отношения? Какими они могут быть? Мирные, правовые, взаимоуважающие отношения возникают благодаря созидательному взаимодействию, сотрудничеству, а не противостоянию.

Международное право следует трактовать как совокупность правовых норм, призванных контролировать международное взаимодействие в целях сохранения мирного сотрудничества между участниками. В определении термина «международное право» международное сотрудничество обозначено основной целью. Сотрудничество — это взаимоотношения между субъектами в процессе какой-либо деятельности, характеризующиеся согласованностью и если не единством, то слаженностью, гармонизацией взглядов, мнений, действий.

Международное сотрудничество — один из основополагающих принципов построения международного права, берущий свое начало еще в глубокой древности. Развитие невозможно в условиях подавления, войны, конфронтации и противостояния. Плодотворное поступательное развитие возможно при созидании, а не при разрушении, соответственно именно этот принцип заложен в добрососедских отношениях между государствами. Человечество для своего развития выбирает сотрудничество. Межрегиональное сотрудничество из обычая постепенно переформатируется в принцип. Приори-

¹ Современные международные отношения: учеб. / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Малыгина. М., 2018. 688 с.

² Вылегжанин А.Н. Становление глобального правового пространства в XXI веке // Международ. процессы. 2010. Т. 8. № 2. С. 15—29.

тет сотрудничества перед иными способами и методами международных отношений подчеркивается конвенционным закреплением уже в XX в. в качестве *обязательного принципа*, отраженного в Уставе Организации Объединенных Наций (далее — Устав ООН). Государства, являясь участниками международного сотрудничества, вне зависимости от их государственного устройства (политических взглядов, системы управления, географических особенностей расположения) обязуются взаимодействовать друг с другом, находя компромисс, и путем мирного обсуждения вопросов находить выходы для разрешения возникающих вопросов во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Основной же целью их мирного сотрудничества остается обеспечение мира и безопасности каждого члена мирового сообщества¹.

Основными принципами здравого международного сотрудничества, отраженными в Уставе ООН, являются такие принципы, как:

— *принцип суверенного равенства государств*, заключающийся в юридическом равноправии государств мира, в их праве на самостоятельное определение вектора дальнейшего развития во всех сферах, в соблюдении остальными участниками сотрудничества суверенности любого, даже самого маленького по площади и численности населения государства, а также в невозможности посягательств на территориальную целостность государства;

— *принцип невмешательства в ведение государством внутренней политики*, заключающийся в воздержании от внешнего вмешательства во внутренние конфликты страны, в абсолютной недопустимости применения любых мер в целях порабощения другого государства, а также в запрете любого характера содействия организациям, целью которых являются действия захватнического характера в отношении другой страны;

— *принцип защиты прав и свобод человека*, отражающийся в соблюдении приоритетов общечеловеческих ценностей, а также гуманизации общества;

— *принцип добросовестного выполнения международных обязательств*, иными словами, обязанность всех участников выполнять положения действующего договора;

¹ Устав Организации Объединенных Наций: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г., с изм. и доп. от 20 дек. 1971 г. URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 01.07.2021).

— принцип сотрудничества государств, включающий обязанности государств осуществлять международное сотрудничество в целях сохранения мира и безопасности, в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства¹.

Вышеперечисленные принципы являются основополагающими в сфере военного взаимодействия стран мирового сообщества.

Под *военной сферой* жизни общества принято понимать исторически сложившуюся систему общества, обеспечивающую объективную потребность в военной безопасности населения, т. е. потребность в мирной жизни, осуществляемую средствами военной организации государства, нормами и институтами военного права. Чем выше вероятность военной угрозы, тем выше статус и значимость военной сферы. Современный мир существует в условиях постоянной военной конфронтации и конкурентного противостояния, но при отсутствии реальных боевых действий на территории своей страны у населения возникает иллюзия в отсутствии необходимости военной организации, жители забывают, что именно усилиями военных не допускаются, предотвращаются трагические действия глобальных масштабов.

Международное сотрудничество осуществляется во многих отраслях государственной деятельности. В связи с этим следует дать точную трактовку понятия «международное военное сотрудничество» с точки зрения его теоретического определения и рассмотрения данного понятия в правовом аспекте. Международный характер сотрудничества констатируется субъектным составом правоотношений. Международные отношения строятся между субъектами международного права. Общепринятыми субъектами международного права в настоящее время являются государства и межгосударственные организации. Основной же субъект международного права — это государство. Иными словами, с одной стороны, под международным сотрудничеством мы понимаем принцип международного права, на котором основывается деятельность субъектов международного права, а с другой — это непосредственная деятельность субъектов международного права.

Различным сферам международного сотрудничества посвятили свои труды такие известные ученые, как член-корреспондент Ака-

¹ Устав ООН.

демии военных наук А.А. Бартош¹, доктор военных наук В.В. Круглов и кандидат военных наук В.И. Якупов², профессор О.В. Дамаскин и профессор И.В. Холиков³

В теории международных отношений выделяют типы международного сотрудничества: переговоры (распределение благ от взаимодействия); согласование политики (заключение договоров и соглашений о совместной деятельности); создание специализированных объединений (институтов), призванных содействовать развитию сотрудничества (институты ООН). Чтобы реализовать международное сотрудничество, должна сложиться триада условий: общность целей, ожидание благоприобретений и взаимный характер действий. Международное военное сотрудничество, являясь одним из направлений международного сотрудничества, строится на общих для всех направлений принципах и условиях.

По-прежнему особое значение в международных отношениях имеет принцип сотрудничества. Существует огромное количество глобальных проблем и всеобъемлющих вызовов, разрешение которых возможно совместно с другими государствами.

Глобализация мирового пространства влечет за собой обязательное постоянное взаимодействие всех государств мира между собой, целью которого является обеспечение мирного сосуществования всего мирового сообщества.

Обращаясь к тексту Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640, можно смело утверждать, что Российское государство является активным сторонником мер по внедрению правовых норм в международные отношения и их соблюдения, а также прилежным исполнителем международно-правовых обязательств, возлагаемых на нее общепринятыми международными соглашениями в сфере межгосударственного мирного взаимодей-

¹ Бартош А. Североатлантический альянс в эпоху смены западных элит // Независимое воен. обозрение. 2017. № 8.

² Круглов В.В., Якупов В.И. О методологии прогнозирования вооруженной борьбы // Воен. мысль. 2017. № 4. С. 5—14.

³ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Миротворчество на современном этапе // Обозреватель — Observer. 2002. № 9—10. С. 47—52; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала: моногр. М., 2002. 160 с.; Его же. Правовые проблемы международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения: моногр. СПб., 2004. 280 с.; Его же. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 34 с.

ствия, международного сотрудничества. Поддержание и укрепление международного правопорядка — один из ведущих принципов российской внешней политики. Верховная позиция права в межгосударственных отношениях гарантирует мирное и плодотворное сосуществование всех участников, с соблюдением баланса их интересов, а также стабильность мирового сообщества в целом.

Государственная политика в области международного военного сотрудничества как составной части внешней политики Российской Федерации — это совокупность взаимосвязанных единым замыслом политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных, организационных, военных и иных специальных средств, направленных на построение межгосударственных отношений в военной, военно-политической и военно-технической сфере. Государственная военная политика опирается на положения Конституции Российской Федерации, а также нормы федеральных законов: от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами», на заявленные положения Военной доктрины Российской Федерации, на позиции указов Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 26 апреля 2021 г. № 249 «О некоторых вопросах военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» и др.

Следуя своим внешнеполитическим принципам, Российская Федерация активно сотрудничает со многими международными организациями, среди которых необходимо выделить: Совет Безопасности ООН; ближневосточный «квартет» (объединяющий с 2002 г. Евросоюз, Россию, США и ООН в целях усиления мер, предпринимаемых для мирного урегулирования арабо-израильского конфликта); Российско-Арабский форум сотрудничества; Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); Организация исламского сотрудничества. Присутствие России на

Ближнем Востоке прежде всего продиктовано необходимостью соблюдения ее национальных интересов и урегулирования политической обстановки в целях достижения стабильности и недопущения конфликтов в регионе. Предпосылками успеха в решении поставленной задачи являются территориальное расположение России относительно Ближневосточного региона (далее — БВР), а также налаженное сотрудничество со многими государствами данного региона; например, активное участие России в геологической разведке углеводородных месторождений, совместный вклад России и представителей региона в разработку и дальнейшую реализацию добываемых ресурсов на мировых рынках, что способствует дальнейшему усилению политической и экономической позиций России в БВР¹.

Принцип международного сотрудничества предполагает взаимодействие субъектов (участников) в целях реализации в какой-либо сфере их взаимных интересов по согласованию своих позиций, координации действий, разрешению общезначимых проблем и принятию взаимоприемлемых решений.

Международное сотрудничество Российской Федерации многогранно и разнообразно. Государство, являясь субъектом международного права и участником международных отношений, реализует свои национальные интересы через государственные органы, функцией которых является осуществление международного сотрудничества в той или иной сфере.

Государство осуществляет свои функции посредством реализации своих полномочий различными государственными органами. Одним из таких органов является Министерство обороны Российской Федерации (далее также — Минобороны России), которое, будучи федеральным органом исполнительной власти, в соответствии с п. 1 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 (в редакции от 5 марта 2021 г.) «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» (далее также — Положение), осуществляет функции по выработке и реализации государственной

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 30 нояб. 2016. № 640. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2021).

политики, нормативному правовому регулированию в области обороны и иные функции, установленные федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, функции в области обороны, а также, являясь уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Минобороны России организаций, реализует властные полномочия в сфере международного сотрудничества¹. В вышеназванном документе в подп. 10 п. 3 в качестве одной из основных задач Минобороны России указаны выработка и реализация государственной политики в области международного военного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями (далее — международное военное сотрудничество) и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями (далее — военно-техническое сотрудничество). В п. 7 определены полномочия, осуществляемые Минобороны России. В подп. 7 и подп. 72 отмечается, что Минобороны России осуществляет в качестве органа в области обороны совместно с иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» разработку планов запусков космических аппаратов экономического, научного и иного назначения, а также планов запусков космических аппаратов по программам международного сотрудничества, участвуя в их реализации на договорной основе. Кроме того, Минобороны России разрабатывает предложения по формированию государственной политики в области международного военного сотрудничества и военно-технического сотрудничества, реализует ее в пределах своей компетенции и осуществляет управление в этой области.

Помимо данных полномочий, в международной деятельности Минобороны России вправе, точнее сказать, в соответствии с подп. 73 и 77 п. 7 Положения, имеет полномочия осуществлять в пределах своей компетенции внешнеполитическую деятельность по вопросам обороны и военной безопасности Российской Федерации, международное военное сотрудничество и военно-техническое

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/21315> (дата обращения: 01.07.2021).

сотрудничество, координировать отправку военных и гражданских лиц, по роду деятельности связанных с ведомствами Вооруженных Сил, в зарубежные ведомства и формирования в целях обеспечения плодотворного международного военного сотрудничества и военно-технического сотрудничества¹.

На основании приведенных позиций вышеуказанного нормативного правового акта можно сделать вывод, что в сфере обороны Российское государство опосредованно через полномочия Минобороны России в сфере международного сотрудничества разрешает задачи по выработке и реализации государственной политики в области международного военного сотрудничества и международного военно-технического сотрудничества, ведет международную деятельность по следующим направлениям:

- 1) космическое направление;
- 2) внешнеполитическая деятельность по вопросам обороны и военной безопасности;
- 3) международное военное сотрудничество;
- 4) военно-техническое сотрудничество;
- 5) координация направления военных и гражданских лиц в зарубежные ведомства в целях обеспечения плодотворного международного сотрудничества в военной и военно-технической сферах;
- 6) сотрудничество с военными ведомствами иностранных государств.

При изучении указанных шести направлений возникает вопрос, свойственный юридической науке в целом и военному праву в частности, об уточнении понятийного аппарата. Международное сотрудничество в целом (очевидно, прерогатива Министерства иностранных дел России (МИД России) — многонаправленная деятельность, охватывающая все сферы деятельности государства: политика, безопасность, экономика, экология, здоровье и благополучие населения, образование, культура и пр. Если принять международное сотрудничество в целом за родовую элемент, соответственно видовым становится международное военное сотрудничество как часть целого.

Под *международным военным сотрудничеством* мы понимаем совместную военную деятельность двух и более государств, других

¹ URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

субъектов мировой политики и их вооруженных сил, т. е. деятельность в сфере международных отношений. Международное военное сотрудничество охватывает политическую, экономическую, техническую, научную, оперативно-стратегическую, кадровую и другие области. Однако исходя из Положения становится очевидным несоответствие: с одной стороны, международное военное сотрудничество — родовый элемент, но, с другой стороны, в соответствии с названным нормативным правовым актом этот элемент одновременно тождественен таким понятиям, как военно-техническое сотрудничество, сотрудничество с военными ведомствами иностранных государств (в политической, организационной, космической и прочей деятельности).

С точки зрения классификации направленности международного сотрудничества, т. е. по предмету, на который направлено юридическое действие, фактически международное военное сотрудничество разделяется на две укрупненные группы: военно-политическое сотрудничество и военно-техническое сотрудничество. Военно-техническое сотрудничество в данном контексте выступает самостоятельным направлением, а военно-политическое становится комплексным направлением, включающим все остальные перечисленные выше направления. Об этом свидетельствуют положения военных доктрин 2010 г. и 2014 г., в которых прямо указывается деление международного военного сотрудничества на военно-политическое и военно-техническое¹. Аналогичное деление на военно-политическое и военно-техническое сотрудничество используется и в п. 24 новой Стратегии национальной безопасности².

Формами военно-политического (или военного) сотрудничества являются такие виды деятельности, как:

— *международно-договорная деятельность*. Например, Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил

¹ О Военной доктрине Российской Федерации»: указ Президента Рос. Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 (прекратил действовать); Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. № Пр-2976. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики¹; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области обороны²; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Конго о военном сотрудничестве³ и пр.;

— *содействие иностранным государствам в строительстве их национальных вооруженных сил* (институт военных советников, военных специалистов, военных инструкторов, обучение национальных кадров в военных учебных заведениях⁴ и т. д.);

— *организация и проведение совместной оперативной и боевой подготовки войск и штабов*. Совместные российско-китайские учения «Взаимодействие-2021», маневры «Мирная миссия»; совместные стратегические учения Вооруженных Сил Российской Федерации и Республики Беларусь «Запад-2021»; Военно-морские учения России, Казахстана, Азербайджана и Ирана в Каспийском море 2021 г.; крупнейшие учения «Молниеносный удар 2021» (состоялись в горах на юго-западе Сербии);

— *обмен военными делегациями различного уровня*. Например, только на международном форуме «Армия-2021» общее количество представителей иностранных военных ведомств составило 320 человек;

— *миротворческие операции*. На момент распада СССР представители России находились в составе групп военных наблюдателей

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 14 октября 2016 года № 376-ФЗ, вступило в силу 12 ноября 2016 года, письмо МИД России от 22 ноября 2016 г. № 20737/дп). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области обороны от 29 марта 2021 года (вступило в силу 9 июля 2021 года). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Конго о военном сотрудничестве от 24 октября 2019 года (вступило в силу 15 апреля 2021 года). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики об обучении несовершеннолетних граждан Лаосской Народно-Демократической Республики в находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации общеобразовательных организациях, реализующих образовательные программы основного общего и среднего общего образования, интегрированные с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе, от 23 декабря 2020 года (вступило в силу 7 июня 2021 года). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

ООН на Ближнем Востоке (Египет, Израиль, Сирия, Ливан, граница Ирака и Кувейта), в Западной Сахаре, Камбодже и Югославии. Российские военнослужащие входят в миротворческий контингент Организации Договора о коллективной безопасности с октября 2007 г.; принимали участие в операции ООН по поддержанию мира в Сьерра-Леоне в 2000—2005 гг. В состав миротворческих сил ООН входит 70 россиян: 26 военных наблюдателей, 25 участников полицейских миссий и 19 штабных офицеров¹. Россия занимала 70-е место из 120 по общему вкладу в состав сил (с учетом предоставленных полицейских). Россия участвует в девяти миротворческих миссиях ООН: на Ближнем Востоке, в Южном Судане, Центральноафриканской Республике, Западной Сахаре, Демократической Республике Конго, Судане, Косово, Колумбии и на Кипре. В настоящее время выполняется миротворческая миссия в Нагорном Карабахе на основании Федерального закона от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ (в редакции от 4 июня 2014 г.) «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»;

— *организация, проведение международных конференций, семинаров, симпозиумов, конкурсов и участие в них.* Международный военно-технический форум «Армия-2021», Международная выставка «Интерполитех», Международная военно-историческая конференция (2020 г.); конкурс «Кубок моря-2021»; Армейские международные игры-2021;

— *военно-медицинское сотрудничество.* Военных медиков большинства стран объединяет Международный комитет военной медицины (МКВМ), членом которого является и Россия. Военные медики оказывали высококвалифицированную помощь в 2020 г. в Италии в борьбе с коронавирусной инфекцией; в 2014 г. в Гвинее организовывали работу военно-полевого инфекционного госпиталя для противодействия лихорадке Эбола²; в 2005 г. оказывали

¹ По состоянию на конец августа 2020 года. URL: <https://tass.ru/info/9959301?amp> (дата обращения: 28.07.2021).

² *Жданов К.В., Холиков И.В.* Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журн. инфектологии. 2015. Т. 7. № 1. С. 5—17; *Sazonova K.L., Kholikov I.V.* The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York, 2018. P. 38—51.

помощь Индонезии, пострадавшей от катастрофического цунами¹, в 1999 г. осуществляли медицинскую помощь местным жителям, персоналу миссии ООН и военнослужащим миссии КФОР в Косово² и пр.³;

— *реализация иных международных программ в военной области* (наука, искусство, спорт, социальная сфера и т. д.). Вооруженные Силы Российской Федерации представлены всемирно известным спортивным клубом ЦСКА, творческим коллективом Театра Российской Армии, крупнейшим военно-музыкальным коллективом России, академическим ансамблем песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова; единственным в мире государственным творческим объединением военных художников — Студия имени М.Б. Грекова; Институтом военной истории; Центральным музеем Вооруженных Сил Российской Федерации и многими иными творческими, научными коллективами, известными всему миру и пропагандирующими гуманистическое мировоззрение.

Военно-техническое сотрудничество — деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения⁴.

Формами военно-технического сотрудничества являются такие виды деятельности, как:

- *поставка вооружения и военной техники*;
- *подготовка технических специалистов* и иных военных кадров для вооруженных сил иностранных государств;
- *услуги военного назначения по ремонту военной техники* и вооружения иностранных заказчиков;

¹ Деятельность сил и средств медицинской службы в условиях ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (опыт работы российского военно-медицинского контингента в Республике Индонезия) / И.В. Холиков [и др.] // Военно-мед. журн. 2007. № 3.

² Холиков И.В., Бояринцев В.В., Яковлев С.С. Гуманитарно-правовые аспекты медицинского обеспечения многонациональных миротворческих сил в Югославии // Военно-мед. журн. 2000. Т. 321. № 4. С. 14—19.

³ Холиков И.В. Гуманитарная роль российской военной медицины на международном и национальном уровнях // Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск // ИМЭМО РАН. 2018. № 1. С. 197—206.

⁴ О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: федер. закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ (ред. от 8 дек. 2020 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2021).

— помощь в *обучении национальных кадров на местах* силами российских военных специалистов;

— *проведение совместных учений.*

На основе анализа представленных в фундаментальном научном труде профессора В.В. Кудашкина «Правовые основы военно-технического сотрудничества» правовых актов иностранных государств в сфере военно-технического сотрудничества можно отметить наличие существенного различия в правовом регулировании международного оборота продукции военного назначения в зависимости от особенностей национальных правовых систем, государственного устройства, развитости собственной промышленности участвующего в таком обороте государства¹. В свою очередь, такое разнообразие средств правового воздействия на специфичные отношения, отсутствие универсальности в мерах государственного контроля создают условия для вовлечения продукции военного назначения в нелегальный оборот, что приводит к дестабилизирующим накоплениям оружия в различных регионах мира, разжиганию конфликтов и войн. Все это обостряет необходимость создания универсального правового регулирования на основе Международного договора о торговле оружием (МДТО)².

Международное военное сотрудничество осуществляется и Министерством обороны Российской Федерации, и Федеральной службой по военно-техническому сотрудничеству, и государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос», и федеральным государственным унитарным предприятием «Рособоронэкспорт», и пр. Необходимо отметить институт военного представительства (например, военные атташе, военные специалисты). Таким образом, уровень властных полномочий у субъектов правоотношений в сфере международного военного сотрудничества разнообразен.

По функциональной наполненности международное военное сотрудничество представляется многообразием сфер деятельности, а именно: создание межгосударственных систем безопасности; поддержание обороноспособности; деятельность в системе межгосударственных объединений ООН, ОДКБ, ШОС, СНГ и др.; миро-

¹ Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества: науч.-практ. коммент. к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»: в 3 т. 3-е изд. М., 2018. Т. 3.

² Договор о торговле оружием (ДТО) (вступил в силу 24 декабря 2014 г.). URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/> (дата обращения: 28.07.2021).

творческая деятельность; разработка и реализация международных соглашений в области контроля над вооружением и операции по поддержанию и восстановлению мира.

Данная проблематика требует комплексного, всестороннего научного анализа и теоретического осмысления правовых основ международного сотрудничества.

Международное военное сотрудничество является абсолютным полномочием органов государственного управления Российской Федерации. Вопросы развития взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными государствами составляют основу принципов внешней политики Российского государства, направленных на обеспечение его военной безопасности. Российская Федерация готова к активному взаимодействию и мирному обсуждению мер, способных обеспечить мир и безопасность всего мирового населения, с представителями всех стран, в рамках соблюдения ее собственных интересов и принципов, прописанных в Уставе ООН.

Международное военное сотрудничество может иметь форму односторонней безвозмездной помощи какой-либо стране, равно как и взаимовыгодного согласования мер, способных обеспечить национальную безопасность страны.

Правовая основа международного военного сотрудничества, документально зафиксированная в различного рода договорах и соглашениях, активно применяется в целях координации и регулирования деятельности большинства военных структур. Международное военное сотрудничество в первую очередь включает в себя: достижение консенсуса в вопросах военного строительства и ведения военной политики, согласование военных доктрин государств; обмен военной информацией; совместные военные (боевые) действия; координацию военно-политической деятельности; совместные оперативно-стратегические, оперативно-тактические, тактические и командно-штабные учения (КШУ); военно-техническое сотрудничество, торговлю оружием и поставки военной техники и вооружения; обмен опытом в вопросах боевой подготовки; взаимодействие в подготовке военных кадров, совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; обмен научно-технической информацией и др.

Международное направление работы Минобороны России осуществляется усилиями Главного управления международного воен-

ного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (далее — ГУ МВС). Предтечей этого управления было созданное в 1951 г. 10-е Главное управление Генштаба СССР, основной задачей которого было обеспечение оказания военно-технической помощи союзникам и партнерам Советского Союза. В настоящее время круг задач, стоящих перед ГУ МВС, значительно расширен: он включает налаживание сотрудничества с армиями других стран, соблюдение и совершенствование договорно-правовой базы в сфере безопасности и контроля над вооружениями, обеспечение военно-технического сотрудничества и военной деятельности за рубежом, т. е. исполнение функций для разрешения задач, указанных в Положении о Министерстве обороны Российской Федерации. Помимо ГУ МВС, в международное сотрудничество вовлечены и другие подразделения Минобороны России, например Главное управление кадров (обучение и командирование специалистов Минобороны России за рубежом).

Международное сотрудничество в военной отрасли выделено в отдельный род деятельности Минобороны России, направленный на соблюдение интересов всех подразделений военного управления различных родов войск. ГУ МВС призвано обеспечивать повышение обороноспособности страны путем проведения мирных переговоров, увеличивая и укрепляя взаимовыгодные партнерские связи с другими государствами, тем самым усиливая авторитет российских Вооруженных Сил за рубежом.

Взаимодействие с ООН является одной из важнейших сфер международного военного сотрудничества Минобороны России. В подтверждение данного факта следует отметить успешное сотрудничество со службой ООН по вопросам разминирования ЮНМАС (*UNMAS — United Nations Mine Action Service*). Результатом данной успешной кампании является достижение полного понимания между сторонами, которое было документально зафиксировано подписанием меморандума о взаимопонимании. Следующим важным шагом в этом направлении послужило создание филиала ЮНМАС в Дамаске. Военные силы Российской Федерации обеспечивают население Сирии предметами первой необходимости, а также принимают активное участие в транспортировке гуманитарной помощи иностранных государств (например, успешная транспортировка грузов

из Армении и Франции для Сирийского подразделения известной благотворительной организации Арабского Красного Полумесяца). Нельзя переоценить вклад представителей российских Вооруженных Сил в работу межведомственного российско-сирийского координационного штаба. Данное формирование призвано разрешать складывающиеся проблемные ситуации, возникающие в ходе восстановительных мероприятий. При данном штабе была сформирована рабочая группа, занимающаяся освобождением пленных, поиском пропавших и возвращением тел погибших. Также усилиями данной группы производится обмен лицами, которые удерживаются вооруженными силами оппозиции.

Количество стран, с которыми имеются соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве, постоянно растет и превышает сотню. Одно из основных направлений международного сотрудничества — это восточное направление. На востоке, в Центральной Азии, в основном расположены союзники России по ОДКБ и ШОС, с которыми совместно решаются задачи противодействия терроризму, исходящему из этого региона.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе сформированы ключевые международные площадки, деятельность которых носит глобальный характер. В первую очередь это страны АСЕАН, взаимодействие с которыми по военной линии проводится в формате механизмов «СМОА плюс». Высоко ценится осуществляемое сотрудничество с традиционными партнерами России в этом регионе — Китаем, Индией, Вьетнамом, Мьянмой. За последние несколько лет на данном направлении достигнуты серьезные, прорывные результаты¹.

Важным направлением в международном военном сотрудничестве является взаимодействие представителей Содружества Независимых Государств. Руководящий состав Минобороны России принимает активное участие в заседаниях Советов министров обороны СНГ и ОДКБ, а также заседаниях Комитета начальников штабов вооруженных сил государств — участников СНГ и Военного комитета ОДКБ (на основе Решения Совета глав государств СНГ «О Концепции военного сотрудничества государств — участников

¹ См. подробнее: *Холиков И.В., Дмитракович Д.В.* Политические и организационно-правовые основы сотрудничества в области военной медицины в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Военно-мед. журн. 2014. Т. 335. № 12. С. 19—22.

Содружества Независимых Государств до 2025 года», принятого 18 декабря 2020 г.)¹. Военное сотрудничество государств — членов СНГ — одна из наиболее востребованных областей взаимодействия этих государств. 14 февраля 2021 г. отмечалось тридцатилетие образования Совета министров обороны государств — участников СНГ (с основным рабочим органом СМО СНГ — Секретариатом Совета министров обороны государств — участников СНГ). Секретариат осуществляет планирование деятельности Совета министров обороны, координирует взаимодействие оборонных ведомств стран в развитии военного сотрудничества по приоритетным направлениям взаимодействия и пр. Совет министров обороны СНГ — основной коллегиальный орган Совета глав государств СНГ по вопросам военной политики, военного строительства, военного сотрудничества. Совет занимает ключевые позиции в формировании идеологии развития многостороннего сотрудничества в русле всесторонней интеграции стран Содружества.

Военное сотрудничество строится на основе партнерства и добрососедских отношениях. Соблюдение взаимных интересов позволяет каждому государству вносить свой вклад в достижение общей благой цели, обеспечение общей системы безопасности на пространстве Содружества².

В рамках сотрудничества проводятся совещания министров обороны стран ШОС, целью подобных встреч является установление дружественных отношений между государствами в военной сфере, обсуждение принимаемых мер по обеспечению стабильности и безопасности на всем мировом пространстве, а также координация предпринимаемых мер по противостоянию возникающим новым вызовам и угрозам³. Следует также отметить такой важный факт, как создание экспертной рабочей группы при совещании министров обороны, собранной по инициативе министра обороны Российской Федерации генерала армии С. Шойгу.

¹ Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by> (дата обращения: 05.07.2021).

² Холиков И.В., Амонулов Ш.П. Деятельность Содружества Независимых Государств в сфере военного сотрудничества и обеспечения региональной безопасности // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 9. С. 47—56.

³ См. подробнее: Амонулов Ш.П., Холиков И.В. Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества // Воен. право. 2020. № 4. С. 205—211.

Важная роль в рамках международного военного сотрудничества отведена совместной боевой подготовке личных составов армий сотрудничающих государств. Она включает в себя проведение совместных военных учений по ликвидации конфликтных ситуаций и предотвращению террористических актов. Многие из таких учений проводятся на территории нашего государства (например, такие масштабные учения, как «Боевое братство» и «Мирная миссия»). Заданной целью данных учений является отработка всего комплекса мероприятий по предотвращению, сдерживанию и разрешению военного конфликта.

Один из немаловажных пунктов, который следует упомянуть при рассмотрении областей военного сотрудничества Российской Федерации, — это деятельность представительств Минобороны России за рубежом. На сегодняшний день 14 представительств и две группы российских военных специалистов успешно работают в государствах Азии, Африки и Латинской Америки; если быть более точными, российские представительства успешно сотрудничают с 27 государствами в данных регионах. Деятельность вышеупомянутых организаций заключается в оказании справочно-консультативной поддержки локальным военным командованиям, а также техническом обслуживании боевого оружия и военной техники, выпущенных на российских и советских заводах.

Военные учебные заведения России активно практикуют обучение специалистов на базе международного обмена опытом, в рамках которого проводится обучение и повышение квалификации представителей военной отрасли дружественных государств. Кроме того, Москва регулярно проводит всевозможные мероприятия, во время которых зарубежные коллеги могут посетить с ознакомительным визитом многие воинские части в практически всех военных округах, а также различного рода конференции, встречи, организованные руководством Минобороны России.

Сирийская ситуация продолжает занимать основную позицию в обсуждениях с США и со странами Запада. Остро ставятся вопросы, связанные с мирным разрешением возникающих конфликтных ситуаций и с национальной безопасностью. Плановые мероприятия по реализации международных соглашений в области контроля над вооружением также занимают одну из важнейших позиций в ходе

обсуждений руководства Минобороны России и Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации с западными коллегами¹.

Первым серьезным мирным соглашением, объединившим многие государства в их общей цели противостоять террору и сохранить мир на всем мировом пространстве, являлись антигитлеровские коалиции в ходе Второй мировой войны. Следующим достаточно весомым и серьезным шагом мирового сообщества с целью укрепить мирные отношения и расширить сферу международного военного сотрудничества послужило событие глобального масштаба — создание Организации Объединенных Наций. Однако долгие послевоенные годы «камнем преткновения», определявшим степень международного военного сотрудничества, было послевоенное противостояние двух социально-политических систем (Организация Североатлантического договора и Организация Варшавского договора), которое привело к долгой «холодной войне». В настоящее время какая-то часть противоречий между государствами разрешена, какие-то противоречия возникают вновь, но добрая воля, стремление к миру и безопасности, включенность Российской Федерации в процессы миротворчества и гуманизма, приверженность России делу укрепления суверенной государственности, обеспечения национальной безопасности, внутреннего единства и укрепление обороноспособности страны гарантируют России самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и возможность эффективного противостояния внешним вызовам. Международное военное сотрудничество активно развивается и направлено на предотвращение угроз безопасности невоенными методами.

§ 2. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Военно-техническое сотрудничество² в системе социально-экономических отношений российского общества. Законодательно определено, что военно-техническое сотрудничество (далее также — ВТС) — это область международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции

¹ URL: <http://mil.ru>; URL: <http://rus.sectsco.org>; URL: <https://www.nato.int>; URL: <https://odkb-csto.org>; URL: <https://www.mid.ru/ru/home>; URL: <https://www.un.org/ru>; URL: <https://tass.ru>; URL: <https://www.redcross.ru> (дата обращения: 05.07.2021).

² *Кудашкин В.В.* Указ. соч.

военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения¹. Российская доктрина² исходит из того, что международные отношения включают как межгосударственные отношения, так и общественные отношения субъектов внутригосударственного права, выходящие за рамки одного государства, т. е. имеющие в своем составе иностранный элемент или характеристику.

Межгосударственные отношения в области военно-технического сотрудничества являются составной частью международной системы и регулируются международным правом.

Международные отношения частного характера, опосредуемые сделками между субъектами различных государств, предметом которых является продукция военного назначения (далее также — ПВН), относятся к системе внутригосударственных отношений каждого из государств и регулируются международным частным правом, т. е. национальными правовыми системами.

Отношения между государственными органами и управомоченными хозяйствующими субъектами одного государства по поводу внешнеторгового оборота ПВН также являются составной частью системы внутригосударственных отношений и регулируются нормами различной отраслевой принадлежности внутригосударственного права.

Таким образом, военно-техническое сотрудничество охватывает: 1) международные отношения, включающие как отношения между государствами, так и отношения между управомоченными хозяйствующими субъектами этих государств, опосредующие поставки ПВН одних государств и хозяйствующих субъектов другим; 2) внутригосударственные отношения, объектом которых является ПВН, а предметом — поставки указанной продукции в иностранные государства в соответствии с установленным в каждом государстве порядком.

Международно-договорная система в области военно-технического сотрудничества. По предмету регулируемых отношений международные договоры о военно-техническом сотрудничестве можно разделить на следующие виды: 1) двусторонние соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностран-

¹ Статья 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

² Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982.

ных государств о военно-техническом сотрудничестве; 2) соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами государств — участников СНГ о производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности; 3) соглашения о развитии военно-технического сотрудничества с отдельными государствами СНГ; 4) двусторонние соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств по отдельным вопросам военно-технического сотрудничества; 5) соглашения в области ВТС в рамках Организации Договора о коллективной безопасности; 6) соглашения о взаимной охране интеллектуальной собственности в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества; 7) соглашения о взаимной защите секретной информации в сфере военно-технического сотрудничества; 8) внешнеполитические соглашения по контролю над поставками обычных вооружений, товаров и технологий двойного назначения в иностранные государства; 9) двусторонние соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о порядке осуществления контроля за наличием и целевым использованием ПВН; 10) двусторонние соглашения между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств об оказании военно-технической помощи.

Всего Российской Федерацией заключено более 200 международных договоров по различным вопросам военно-технического сотрудничества с иностранными государствами.

В заключенных международных договорах определены основные направления военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и соответствующим иностранным государством.

Источники внутреннего российского законодательства в области военно-технического сотрудничества. Важнейшим источником внутреннего права является Конституция Российской Федерации (Основной Закон). В соответствии с Конституцией в ведении Российской Федерации находятся внешняя политика и международные отношения (п. «к» ст. 71), внешнеэкономические отношения (п. «л» ст. 71), определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества (п. «м» ст. 71).

Специальным законодательным актом, регулирующим вопросы международной торговли российской ПВН, является Федеральный

закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (далее — Закон о ВТС), устанавливающий принципы внешнеторговой деятельности в отношении ПВН, правовые и организационные основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации, принципы государственного регулирования и финансирование работ в этой сфере, порядок участия в осуществлении военно-технического сотрудничества разработчиков и производителей продукции военного назначения.

Основопологающим подзаконным актом является Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», который определяет порядок осуществления военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, порядок предоставления российским организациям права осуществления внешнеторговой деятельности в этой сфере, их права и обязанности; порядок рассмотрения официальных обращений иностранных заказчиков и согласования проектов решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации о поставках ПВН; порядок лицензирования в Российской Федерации ввоза и вывоза ПВН, импорт и экспорт которой подлежит контролю и осуществляется по лицензиям.

Соотношение международно-правового и внутригосударственного правового регулирования военно-технического сотрудничества. Международная система не содержит действенных институциональных механизмов, контролирующих поставки вооружения и военной техники (ВиВТ) в иностранные государства, а международное право — общепризнанные нормы и принципы регулирования оборота этой продукции.

Объяснение особенностей международно-правового регулирования в области военно-технического сотрудничества (ВТС) необходимо искать в специфике отношений такого сотрудничества.

Два фактора — специфичность потребительских свойств ПВН и необходимость обеспечения суверенных государственных интересов — определяют доминирование внутригосударственного правового регулирования международного оборота обычных ВиВТ, основанное на том, что на современном этапе развития международного сообщества не все государства заинтересованы в создании дейст-

венных международных механизмов поставок ПВН в иностранные государства.

В 2014 г. вступил в силу Международный договор о торговле оружием (далее — МДТО). По состоянию на апрель 2019 г. МДТО подписали 130 государств, ратифицировали — 96, в том числе все члены Европейского союза. Из крупнейших импортеров и экспортеров оружия участниками МДТО не являются Индия, Пакистан, Саудовская Аравия, а также все без исключения государства — члены ОДКБ (в рамках СНГ к нему присоединилась только Молдавия; в сентябре 2014 г. МДТО подписала, но до сих пор не ратифицировала Украина). США, традиционно занимающие лидирующие позиции на мировом рынке вооружений, подписали МДТО в сентябре 2013 г., но ратифицировать его не планируют.

Столь широкий охват подписавших МДТО государств создает условия для признания его универсального характера. Однако анализ его содержания и практической реализации показывает обоснованность такой квалификации МДТО, так как регулирование вопросов международной торговли продукцией военного назначения в МДТО носит преимущественно отсылочный характер к регулированию национальных правовых систем.

В результате, несмотря на серьезные усилия международного сообщества по регламентации вопросов передачи ПВН, в настоящее время можно сделать вывод, что МДТО не является сколь-нибудь значимым элементом международно-правового регулирования вопросов передачи продукции военного назначения между государствами.

Однако, несмотря на то, что международным сообществом не выработаны специальные общепризнанные принципы и нормы международного права, регулирующие поставки обычных вооружений и военной техники, в международно-правовое регулирование ВТС включены действующие общепризнанные принципы и нормы международного права. Абсолютное большинство стран руководствуются ими при поставках ПВН в иностранные государства. Многие из общепризнанных принципов и норм международного права имплементированы в российскую правовую систему в виде внешнеполитических принципов государственной политики в области ВТС.

Принципы государственной политики в области военно-технического сотрудничества. Специфика общественных отношений военно-технического сотрудничества заключается в том, что они затрагивают интересы иностранных государств и опосредуются межгосударственными отношениями в процессе хозяйственного оборота российской военной продукции на мировых рынках вооружений. Вследствие этого самые существенные стороны таких отношений должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права.

Федеральным законом «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» определены следующие внешнеполитические принципы государственной политики в области военно-технического сотрудничества:

а) к внешнеполитическим принципам межгосударственных отношений в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами относятся:

— принцип соблюдения международных договоров в области международной безопасности при осуществлении ВТС;

— принцип соблюдения международных обязательств Российской Федерации в области контроля за экспортом ПВН, товаров и технологий двойного назначения;

— принцип сохранения и поддержания политических, экономических и военных интересов Российской Федерации;

— принцип соблюдения взаимовыгодных военно-политических и экономических интересов в области ВТС на приемлемых для Российской Федерации условиях;

б) к внешнеполитическим принципам поставок продукции военного назначения в области ВТС относятся:

— принцип отказа от поставок ПВН в государства, находящиеся в состоянии вооруженного конфликта, за исключением случаев выполнения международных соглашений;

— принцип отказа от передачи оружия в нарушение принципов Устава ООН;

— принцип сдержанности.

Комплексный анализ наиболее значимых аспектов военно-технического сотрудничества показывает наличие объективных закономерностей и взаимосвязей их правового регулирования, существен-

ные стороны которого определяются закономерностями поведения субъектов правоотношений (государственных органов и субъектов внешнеторговой деятельности).

Принципы государственного управления в области военно-технического сотрудничества (специализированные принципы в конкретно-определенной области) являются руководящими началами деятельности государственных органов, осуществляющих управление в области военно-технического сотрудничества, а принципы внешнеторговой деятельности в отношении ПВН — руководящими началами внешнеторговой деятельности в отношении ПВН.

К принципам государственного управления в области ВТС относятся:

- приоритетность интересов Российской Федерации при осуществлении ВТС;
- государственная монополия на деятельность в области ВТС;
- защита государством прав и законных интересов юридических лиц, связанных с разработкой, производством и реализацией ПВН;
- государственный протекционизм в области ВТС;
- недопустимость нанесения ущерба обороноспособности и безопасности Российской Федерации при осуществлении ВТС;
- подконтрольность федеральных органов исполнительной власти и всех российских юридических лиц, участвующих в ВТС;
- подотчетность федеральных органов исполнительной власти и всех российских юридических лиц, участвующих в ВТС;
- принцип исключительного ведения федеральных органов исполнительной власти;
- принцип исключения неоправданного вмешательства государственных органов во внешнеторговую деятельность российских субъектов ВТС.

К принципам внешнеторговой деятельности и сделок в отношении продукции военного назначения следует отнести:

- принцип исключительной компетенции Президента Российской Федерации;
- принцип правительственной контрассигнации;
- принцип обеспечения равных условий участия в осуществлении ВТС для субъектов военно-технического сотрудничества;

— принцип недопустимости конкуренции на внешнем рынке нескольких субъектов ВТС;

— принцип ограниченной автономии воли субъектов военно-технического сотрудничества при совершении внешнеторговых сделок в отношении ПВН и осуществлении субъективных прав, вытекающих из них.

Государственная монополия — основополагающий принцип государственной политики в области военно-технического сотрудничества. В соответствии со ст.ст. 4 и 5 Закона о ВТС основным средством публично-правового регулирования в области ВТС выступает государственная монополия. Правовая природа государственной монополии состоит в том, что она является правовым механизмом, обеспечивающим управляющие воздействия со стороны государства на все отношения, связанные с внешнеторговым оборотом продукции военного назначения, в целях обеспечения реализации государственных интересов Российской Федерации и соблюдения международных обязательств.

Сущность государственной монополии заключается в формировании состояния защищенности интересов государства при осуществлении ВТС.

Согласно ст. 4 Закона о ВТС содержанием государственной монополии на внешнеторговую деятельность в отношении продукции военного назначения являются: осуществление исключительных полномочий органов государственной власти Российской Федерации в области ВТС; введение разрешительного порядка экспорта и импорта ПВН; регламентирование военно-технического сотрудничества в соответствии с военно-политическими и экономическими интересами Российской Федерации; проведение единой государственной политики в области формирования внешнеторговых цен на продукцию военного назначения; обеспечение бюджетного финансирования экспорта и импорта продукции военного назначения, осуществляемых во исполнение международных обязательств Российской Федерации.

Государственная монополия обеспечивает устойчивость системы ВТС через институциональные структуры и правовые механизмы, прежде всего систему экспортного контроля и лицензирование ввоза и вывоза ПВН, которые в соответствии со ст. 5 Закона о ВТС являются методами государственной монополии.

Государственный контроль за осуществлением военно-технического сотрудничества. Государственный контроль экспорта продукции военного назначения является одним из центральных вопросов государственно-управляющего воздействия на область специфических общественных отношений военно-технического сотрудничества. Контроль необходим как над управляющим субъектом военно-технического сотрудничества, т. е. государственными органами, осуществляющими управление в данной сфере общественных отношений, так и над управляемыми объектами, экономическими отношениями военно-технического сотрудничества и их субъектами.

Статьей 7 Закона о ВТС к объектам государственного контроля отнесены:

— эффективность системы государственного регулирования в области военно-технического сотрудничества;

— соблюдение международных обязательств Российской Федерации в области военно-технического сотрудничества;

— эффективность использования бюджетных средств, выделяемых на финансирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами;

— эффективность использования федеральной собственности субъектами военно-технического сотрудничества;

— ценообразование на экспортируемую продукцию военного назначения с учетом экономических интересов Российской Федерации;

— поступление, движение и использование доходов, получаемых от экспорта продукции военного назначения;

— исполнение нормативных правовых актов в области военно-технического сотрудничества.

Объектом государственного контроля в целом является система государственного управления военно-техническим сотрудничеством¹. В данном аспекте контроль осуществляется:

¹ Профессор С.А. Авакьян отмечает: «Специфика публичной власти состоит в том, что данная функция реализуется как внутри тех или иных систем, так и объектом контроля (надзора) становятся внешние объекты. Причем публичная власть предполагает переплетение, когда институты государственной власти становятся объектами контроля и надзора со стороны других государственных органов» (Современные проблемы организации публичной власти: моногр. / С.А. Авакьян [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2014.

а) над структурой государственных органов, осуществляющих регулирование и координацию в области экспорта вооружений и военной техники;

б) над системой управляющих воздействий управляющей подсистемы (государственного управления) на управляемую подсистему (внешнеторговую деятельность субъектов ВТС в отношении продукции военного назначения);

в) над ценовыми аспектами и финансовыми потоками при осуществлении внешнеторговой деятельности в сфере военно-технического сотрудничества;

г) над законностью деятельности как государственных органов, так и субъектов внешнеторговой деятельности в этой области.

Жесткий контроль за всеми этапами внешнеторговых операций в отношении продукции военного назначения является характерной чертой государственного управления военно-экспортной политикой всех ведущих стран — экспортеров оружия.

Так, в российской системе военно-технического сотрудничества к наиболее значимым элементам государственного контроля относятся следующие:

1) контракты с иностранными заказчиками и договоры с предприятиями промышленности субъект военно-технического сотрудничества может подписывать после принятия соответствующих решений ФСВТС России (Правительством Российской Федерации) либо до принятия соответствующих решений при условии включения в контракты оговорок об их вступлении в силу после принятия решений и в строгом соответствии со списками № 1 и 2;

2) вывоз ПВН в иностранные государства осуществляется только на основании лицензии ФСВТС России, выдача которой сопровождается контролем за соблюдением субъектом военно-технического сотрудничества требований законодательства о ВТС и соответствием поставки решению ФСВТС России (Правительства Российской Федерации);

3) контроль за пересечением таможенной границы ПВН, являющейся предметом внешнеторговой деятельности субъекта военно-технического сотрудничества, осуществляется ФТС России, которая проверяет соответствие вывозимой продукции военного назначения лицензии, выдаваемой ФСВТС России.

Продукция военного назначения как объект гражданских прав в области военно-технического сотрудничества. Правовая категория объекта гражданских правоотношений в сфере военно-технического сотрудничества имеет принципиальное значение в силу того, что в этом качестве выступает продукция военного назначения. Важность содержания этой правовой категории¹ предопределена тем, что «характер объекта нередко существенно влияет на права и обязанности лиц»², общее понятие объектов гражданских прав определяется через характер воздействия, которое на них может быть оказано³.

Именно специфика военной продукции как объекта исключительных государственных интересов предопределяет введение общего запрета на совершение наиболее значимых юридических действий по отношению к ней и разрешительный порядок регулирования правоотношений, направленный на гражданский оборот этой продукции, рассматриваемый как исключение из общего правила.

Свойства ПВН можно разделить на две группы.

Отнесение к первой группе предопределено сущностью и природой самой продукции военного назначения. Содержание этих свойств заключается в способности удовлетворять потребности иностранных государств в обеспечении необходимого и достаточного уровня защиты их национальных интересов. Возникающие при этом отношения не имеют в своей основе предпринимательского характера и регулируются публично-правовыми нормами страны, в которую поставлена российская ПВН, являющаяся предметом международного лизинга.

Вторая группа свойств ПВН предопределена ее способностью быть объектом гражданских прав, имеющих предпринимательский характер.

ПВН не относится к объектам, изъятым из гражданского оборота. В соответствии со ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов произ-

¹ Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6—77.

² Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 72.

³ Рыженков А.Я. Объекты гражданских прав: теоретические и философские аспекты // Гражд. право. 2017. № 6. С. 19—22.

водства, свободная реализация которых запрещена» Законом о ВТС как объект гражданских прав ПВН в обороте ограничена. Как на внутреннем, так и на внешнем рынках создан механизм осуществления в отношении этой продукции предпринимательской, в том числе внешнеторговой, деятельности, основу которого составляет разрешительная система совершения наиболее значимых юридических действий в отношении ПВН.

Формирование особого порядка обращения ПВН создает основу для использования ее потребительских свойств, совокупность которых характеризует данную продукцию в качестве товара и которые направлены в том числе на извлечение прибыли от такого оборота. Совокупность возникающих от использования этих свойств ПВН экономических и правовых отношений имеет предпринимательский характер.

Субъекты гражданских правоотношений в области военно-технического сотрудничества. Субъектами гражданских правоотношений в области военно-технического сотрудничества являются иностранные заказчики и российские субъекты ВТС.

К иностранным заказчикам относятся участники осуществления коммерческой, а не публично-правовой, в том числе международной публично-правовой, деятельности. Даже будучи публично-правовыми образованиями в статусе иностранного заказчика, они выступают субъектами не публичной, а имеющей предпринимательский характер внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения¹.

Всего могут быть выделены три основных вида участников указанной деятельности:

— международные организации. Особо подчеркнута, что в этом качестве выступают не любые, а международные межгосударственные организации, т. е. представляющие интересы иностранных государств;

— уполномоченные органы иностранных государств. Имеется в виду, что они уполномочены на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения в соответствии с законодательствами государств, от которых они уполномочены;

¹ Международное частное право. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Гл. 7; Международное частное право: учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2003. С. 269.

— иностранные субъекты военно-технического сотрудничества, т. е. иностранные юридические¹ и физические лица, имеющие право на осуществление военно-технического сотрудничества в соответствии с законодательствами своих государств.

Российскими субъектами гражданско-правовых отношений в области экспорта продукции военного назначения могут быть не любые, а строго определенные лица, получившие на это право установленным порядком. Общим правилом определения субъектного состава является то, что ими могут быть только юридические лица.

Статьей 12 Закона о ВТС на экспортно-оружейный рынок разрешен выход субъектам четырех типов:

— государственным посредникам, образованным в форме федерального государственного унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, либо в форме открытого акционерного общества, 100 % акций которого находятся в федеральной собственности или переданы в качестве имущественного взноса некоммерческой организации, созданной Российской Федерацией в форме государственной корпорации;

— предприятиям — разработчикам и производителям вооружения и военной техники, получившим такое право в порядке, установленном Президентом Российской Федерации;

— управляющим компаниям интегрированных структур;

— Государственной корпорации «Ростех», созданной Российской Федерацией на основании Федерального закона от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»».

Особую роль среди российских субъектов военно-технического сотрудничества играют государственные посредники.

Сфера военно-технического сотрудничества настолько специфична, и в ней настолько ярко выражены интересы национальной безопасности, что их совмещение с частными интересами хозяйствующих

¹ См. также: Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: моногр. / О.В. Гаврилюк [и др.]; отв. ред. Н.Г. Семилютина. М., 2015; *Асосков А.В.* Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003; *Варданян М.Л.* Правовой механизм участия иностранных компаний в предпринимательской деятельности на территории России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

субъектов в этой области возможно только в рамках специально созданных для этих целей субъектов — государственных посредников.

Соединение коммерческих интересов предприятий оборонного комплекса и одновременной реализации интересов государства при осуществлении военно-технического сотрудничества возможно только в рамках внешнеторговой деятельности специфического субъекта, соединяющего в себе преимущества коммерческой организации и возможности решения государственных задач.

В современных условиях России единственно возможной формой реализации государственной монополии, органично сочетающей в себе указанные выше качества, является государственный посредник.

Правоспособность юридических лиц осуществлять внешнеторговую деятельность в отношении продукции военного назначения. Особенностью внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения является то, что она может осуществляться только в рамках специальной правоспособности, устанавливаемой государством в нормативных правовых актах и актах индивидуального правоприменения — специальных решениях ФСВТС России (Правительства Российской Федерации).

Общим основанием правоспособности всех субъектов правоотношений в области ВТС являются правовые нормы указов Президента Российской Федерации в области военно-технического сотрудничества.

Особенным основанием правоспособности предприятий-экспортеров является распоряжение Президента Российской Федерации о предоставлении конкретному предприятию права осуществления внешнеторговой деятельности в отношении военной продукции, прямо указанной в этом распоряжении. Предприятие-экспортер правоспособно осуществлять экспорт только военной продукции, указанной в данном распоряжении.

Необходимо подчеркнуть, что объем правомочий в рамках установленной правоспособности государственных посредников и предприятий-экспортеров значительно различается. Предмет внешнеторговой деятельности государственных посредников значительно шире, чем у предприятий-экспортеров. Государственным посредникам разрешается экспортировать любую военную продукцию, включенную в список № 1 или определенную специальным указом

Президента Российской Федерации, в то время как предприятиям-экспортерам разрешено осуществлять внешнеторговые сделки только в отношении военной продукции, являющейся предметом их производственной деятельности, т. е. той, которую они производят.

Особенности правового регулирования в области военно-технического сотрудничества. В сфере военно-технического сотрудничества характер правового регулирования предопределяется специфическими свойствами объекта правоотношений, которым в данном случае выступает продукция военного назначения.

Два признака — специфичность потребительских свойств продукции военного назначения и государственный интерес в реализации целей национальной безопасности — в конечном итоге определяют то особенное, что позволяет отделить экономические отношения, связанные с воспроизводством продукции военного назначения, от других экономических отношений, а государственно-управленческие отношения в сфере военно-технического сотрудничества — от других государственно-управленческих отношений, а также предопределяют в этой сфере специфичность правовых отношений.

В конечном итоге порядок регулирования общественных отношений, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования, определяется понятием «правовой режим»¹.

Что касается правовых режимов в сфере военно-технического сотрудничества, то здесь необходимо различать два вида правовых режимов, относящихся к различным правовым отраслям — административной и гражданской, тесно детерминированных друг другом.

Речь идет об административно-правовом режиме внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения и гражданско-правовом режиме внешнеторговых сделок в отношении продукции военного назначения.

Основополагающим принципом правовых режимов внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения и внешнеторговых сделок в отношении продукции военного назначе-

¹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 197; Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журн. рос. права. 2001. № 9. С. 19—25.

ния является разрешительный порядок регулирования наиболее значимых для интересов государства правоотношений при их осуществлении¹.

Применительно к сфере военно-технического сотрудничества речь идет о тех областях частноправовых отношений, где исходя из ярко выраженного государственно-публичного интереса вследствие необходимости сохранения государственного суверенитета и национальной безопасности введен общий запрет либо же установлены жесткие локальные запреты в сферах общего дозволения.

Законом о ВТС общие запреты установлены только в четырех областях:

- 1) на экспорт и импорт продукции военного назначения (п. 2 ст. 4);
- 2) на деятельность в области военно-технического сотрудничества (ст. 5);
- 3) на объекты гражданских прав в сфере военно-технического сотрудничества — поставляться может исключительно продукция военного назначения, включенная в список продукции военного назначения, разрешенной к передаче иностранным заказчикам (п. 1 ст. 6);
- 4) на участие иностранных лиц в военно-техническом сотрудничестве — ими могут быть только уполномоченные органы иностранных государств, иностранные субъекты военно-технического сотрудничества, а также международные организации, представляющие интересы иностранных государств (ст. 1).

Административно-правовой режим внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения определяет правила поведения субъектов экономических отношений в сфере военно-технического сотрудничества в процессе международного обмена продукцией военного назначения.

К основополагающим принципам административно-правового режима внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения относится принцип исключительной президентской компетенции. Этот принцип представляет собой пронизывающее управляющее воздействие со стороны Президента Российской Феде-

¹ А.Ф. Ноздрачев подчеркивает: «Для значительного числа административно-правовых режимов характерны жесткие способы регулирования — запреты, правоограничения, обязывания, распоряжения и т. д., создающие те или иные ограничения для субъектов права» (Ноздрачев А.В. Административная разрешительная система в Российской Федерации: актуальные теоретические и практические вопросы функционирования // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 5—36).

рации по вертикали на все отношения системы военно-технического сотрудничества (управляющего субъекта) и внешнеторговой деятельности в этой сфере (управляемого объекта).

Еще одним принципом административно-правового режима внешнеторговой деятельности в области ВТС является принцип контрассигнации исключительной компетенции Президента Российской Федерации, который состоит в том, что любое решение Президента Российской Федерации о поставке продукции военного назначения в иностранное государство в последующем сопровождается актом индивидуального правоприменения — специальным решением ФСВТС России (Правительства Российской Федерации).

Названные выше принципы определяют особенности административно-правового режима внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения, характерной чертой которых является жесткий контроль со стороны уполномоченных государственных органов.

Характерной чертой гражданско-правового режима внешнеторговых сделок в отношении ПВН является мощное воздействие на них императивных предписаний нецивилистического характера, которые во многом обуславливают ограниченность действия основополагающих принципов гражданского права, а именно самостоятельности волеизъявления (поведения), автономии воли, равноправия сторон и др. Особенно это характерно для договорных отношений. Буквально каждый шаг управомоченного лица, направленный на заключение внешнеторгового договора в отношении продукции военного назначения, должен быть санкционирован решением уполномоченного государственного органа. Отступление от его императивно-нормативных предписаний может явиться основанием признания такой сделки ничтожной и, как следствие, основанием в последующем для отказа в выдаче лицензии, что повлечет невыполнение контрактных обязательств и явится основанием для лишения права на внешнеторговую деятельность в данной сфере.

Характеризуя в целом гражданско-правовой режим внешнеторговых сделок, необходимо подчеркнуть, что он отличается многослойностью правового регулирования, сложной системой ограничений и запретов, опосредующих гражданско-правовые отношения в области экспорта военной продукции.

§ 3. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ. ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Современное состояние международно-правового регулирования вооруженных конфликтов следует рассматривать как попытку государств установить определенный минимум норм и правил поведения противоборствующих сторон с целью облегчить страдания жертв таких конфликтов. Эти нормы, основанные на международных обычаях, изложены в международных договорах и признаются практически всеми членами мирового сообщества. Именно по инициативе российского правительства в 1868 г. в Санкт-Петербурге состоялась одна из первых конференций, заложивших основы гуманизации вооруженной борьбы. Эта конференция определила общие принципы ведения военных действий, которые сохранили свою значимость и по сей день¹. Инициатива созыва в 1899 г. первой Международной конференции в Гааге, давшей импульс кодификации законов и обычаев войны, также принадлежала правительству России. На основании этих соглашений был составлен «Наказ Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны», высочайше утвержденный 14 июля 1904 г. и 27 апреля 1912 г. как особое приложение соответственно к уставам полевой службы 1904 г. и 1912 г.²

Российская Федерация выступает стороной многих международных договоров в качестве *государства — продолжателя СССР*, отчасти — дореволюционной России. Важно подчеркнуть, что Декретом СНК о признании всех международных конвенций о Красном Кресте от 4 июня 1918 г. было объявлено, что «...международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1915 г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»³. Отметим, что в соответствии с Нотой МИД СССР от 7 марта 1955 г.

¹ Празднование 125-й годовщины подписания Санкт-Петербургской декларации 1868 года / МККК. Женева, 1994.

² Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. А.Е. Савинкин. М., 1996. С. 389.

³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Р.С.Ф.С.Р. с иностранными государствами. Изд. 2-е. Пб., 1922. Вып. 1. С. 226—227.

«Относительно Гаагских Конвенций и Деклараций 1899 и 1907 гг.»¹ Правительство Союза ССР признало ратифицированные Россией Гаагские конвенции и Декларации 1899 и 1907 гг.²

Концептуальной основой выработки современных подходов стала *теория континуитета*³. Нотификация в 1991—1992 гг. МИД России иностранным государствам и ООН о том, что Россия «продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров СССР»⁴ и просит рассматривать ее в качестве стороны всех таких действующих договоров вместо Союза ССР, включая договоры и другие международно-правовые документы, заключенные в рамках или под эгидой ООН, в том числе связанные с участием в международных организациях⁵, решила,

¹ Нота являлась ответом на просьбу Правительства Нидерландов (депозитария Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг.) сообщить ему, считает ли Правительство СССР себя связанным теми Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., которые были ранее ратифицированы Россией.

² При этом была сделана оговорка следующего содержания: «в той мере, в какой эти Конвенции и Декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР, такими, как Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств и Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны».

³ *Теория континуитета* — широко распространенное в международно-правовой доктрине учение, согласно которому правосубъектность государства является идентичной и непрерывной независимо от любых внутренних изменений, при условии сохранения той же территории и того же населения, и эта идентичность неразрывно связана с непрерывным действием международных договоров для данного государства. Изначально теория континуитета была направлена на обязательное правопреемство всех международных договоров государством-преемником при социальной революции (Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2002).

⁴ В ноте от 13 января 1992 г., направленной МИД России главам дипломатических представительств в Москве, и аналогичном письме № 11/Угп, датированном тем же числом, было сказано, что Российская Федерация продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных СССР. Исходя из этого, Правительство Российской Федерации будет выполнять функции депозитария по соответствующим многосторонним договорам вместо Правительства СССР. МИД России также высказал просьбу рассматривать Российскую Федерацию в качестве стороны всех действующих международных договоров вместо Союза ССР (Письмо МИД России от 13 января 1992 г. № 11/Угп. Текст письма опубликован в сборнике «Действующее международное право», т. 1).

⁵ МИД России на имя Генерального секретаря ООН была направлена нота от 26 декабря 1991 г. «О продолжении участия Российской Федерации вместо СССР в ООН, ее органах и международно-правовых документах». В этой ноте МИД России сообщил о том, что участие СССР в Организации Объединенных Наций, всех ее органах, а также во всех заключенных в ее рамках или под ее эгидой конвенциях, соглашениях и других международно-правовых инструментах, включая Венскую конвенцию об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г., продолжается Российской Федерацией. В связи с этим в ООН вместо названия «Союз Советских Социалистических Республик» должно использоваться наименование «Российская Федерация». См. ноту постоянного представительства Российской Федерации при ООН № 1089/н от 27 декабря 1991 г., а также письмо постоянного представителя Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке, адресованное Генеральному секретарю ООН, от 27 января 1992 г.

в частности, вопрос об участии Российской Федерации в Женевских конвенциях 1949 г.¹ и Дополнительных протоколах к ним 1977 г.².

Понятие международного гуманитарного права. В науке международного права до сих пор нет единого понятия, определяющего отрасль права, регулирующего ведение вооруженной борьбы и защиту жертв вооруженных конфликтов. Среди ученых отсутствует единство мнений относительно содержания и места этой отрасли в системе современного международного права³. Для ее обозначения наиболее часто применяются термины «право войны», «право вооруженных конфликтов», «законы и обычаи войны», «правила ведения вооруженной борьбы», «международное гуманитарное право». Проблема унификации терминологии не относится к разряду второстепенных. Ее решение важно как для теории, так и для практики.

Термин «*право войны*», используемый такими учеными, как Ф. Бербер, А. Фердросс⁴ и другими учеными, уже в своей основе содержит противоречие, так как война предполагает применение силы, а право ее отрицает, олицетворяя собой справедливость⁵. К тому же эти авторы под «войной» понимали вооруженную борьбу лишь между государствами.

Введение в употребление Д. Шиндлером⁶, Э. Давидом⁷, И.Н. Арцибасовым⁸ термина «*право вооруженных конфликтов*» призвано было

¹ Ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. (О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 года «О защите жертв войны»: указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 апр. 1954 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938—1975. Т. 2. М., 1975). Ратификационная грамота СССР депонирована правительству Швейцарии 10 мая 1954 г.

² Дополнительные протоколы I и II приняты на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г. и подписаны от имени СССР в Берне 12 декабря 1977 г. Ратифицированы Верховным Советом СССР 4 августа 1989 г.

³ Арцибасов И.Н., Егоров В.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 15.

⁴ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 429.

⁵ Право на законную оборону, бесспорно, признано Уставом ООН (ст. 1), и теоретически ООН может предпринять против агрессора действия военного характера (ст. 42), но международный вооруженный конфликт (война) уже не разразится, если только хотя бы одна из сторон, находящаяся в конфликте, не нарушит Устав ООН.

⁶ Schindler D. The Different Types of Armed Conflicts according to the Geneva Conventions // RCADI. 1979. Vol. 2. Т. 163.

⁷ Следует отметить, что Э. Давид признает, что эта отрасль права «более известна под наименованием международное гуманитарное право» (Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета / Международный Комитет Красного Креста. М., 2000. С. 34, 36).

⁸ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Указ. соч. С. 19.

адаптировать «право войны» к современным международным отношениям, поставившим войну вне закона. Новый термин предназначался для регулирования любого вооруженного конфликта, однако не нашел широкой поддержки среди ученых¹. Г.М. Мелков под «*правом вооруженных конфликтов*» понимает самостоятельную отрасль международного права — совокупность общепризнанного принципа соблюдения законов и обычаев войны и специальных (отраслевых) принципов и норм международного права, регламентирующих отношения между воюющими и затронутыми войной субъектами международного права по поводу начала войны и его последствий, театра войны, участников войны, средств и методов ведения войны, нейтралитета, защиты жертв войны, прекращения войны и ответственности физических лиц за нарушение этих норм². С.А. Егоров указывает, что соответствующая группа норм международного права «иногда условно именуется “право вооруженных конфликтов” и включает ряд договорных и обычно-правовых принципов и норм, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права относительно применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, регулирующих отношения между воюющими и нейтральными сторонами и определяющих ответственность за нарушение соответствующих принципов и норм»³. В другом издании С.А. Егоров в главе «Право вооруженных конфликтов — международное гуманитарное право» указывает менее категорично: «право вооруженных конфликтов, нередко называемое также международным гуманитарным правом»⁴.

Л.И. Савинский предлагал именовать данную отрасль «*международным правом и вооруженными конфликтами*», включив в нее «право предотвращения войны», «право запрещения войны» и «право вооруженных конфликтов»⁵. Однако «право предотвращения войны» и «право запрещения войны» рассматриваются доктриной как самостоятельная отрасль международного права («право международной безопасности»).

¹ Так, Г.И. Тункин применял формулировку «международное право в период вооруженных конфликтов» (Международное право / отв. ред. Г.И. Тункин. М., 1982. Гл. 22).

² Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. Г.М. Мелков. М., 2009. С. 594.

³ Международное право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 778.

⁴ Международное право: учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 824.

⁵ *Полторак А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 79.

Термин «*законы и обычаи войны*», используемый Л. Оппенгеймом¹, не вполне корректен, поскольку в международном праве законы отсутствуют, а употребление лишь термина «обычаи войны» означало бы отрицание наличия конвенционных норм.

Термин «*правила ведения вооруженной борьбы*» сужает предмет правового регулирования этой отрасли международного права, поскольку уже предполагает начало такой борьбы, а указание на «правила» говорит о наличии комплекса исключительно технических норм. Этот термин не охватывает правоотношения, которые возникают в связи с такой борьбой. В отдельных изданиях при определении данной отрасли права указывается, что «речь идет о правилах ведения войны»². Заимствуя зарубежный опыт, предлагается развивать «оперативное право».

В отношении термина «оперативное право» мы придерживаемся весьма прагматичной точки зрения, в соответствии с которой этот термин эквивалентен термину «правила осуществления военных операций», под ним может пониматься лишь совокупность правил действий войск в определенных условиях, следовательно, не предполагается регулирование каких-либо иных отношений.

В то же время А.В. Кудашкин указывает, что, «не оспаривая МГП как совокупность принципов и норм, устанавливающих правила ведения вооруженной борьбы, которые привели к формированию самостоятельной отрасли международного публичного права, отметим, что как раз за пределами МГП находятся нормы, регулирующие отношения, складывающиеся в процессе вооруженных конфликтов, которые образуют *право вооруженных конфликтов* (или *оперативное право*). ... Данные отношения, кроме правил и обычаев ведения вооруженной борьбы, касаются оперативно-тактического управления войсками»³. Эта сфера отношений традиционно выходила за пределы компетенции правовой науки и относилась к военным наукам (тактика, оперативное искусство, стратегия). Однако командная деятельность должна быть построена на праве, она протекает на основе и во исполнение законов и других правовых актов. Задача правовой науки состоит в том, чтобы, не вторгаясь в компетенцию

¹ Оппенгейм Л. Международное право. М., 1949. Т. 2. С. 246.

² Международное право: учеб. / под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 608.

³ Военное право: моногр. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: в 3 т. Т. I: Теория и история военного права (с предисловием). М., 2021. С. 453—454.

командира на поле боя в принятии им решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, все-таки установить границы, за пределами которых для него может наступить ответственность. Данная область отношений охватывается понятием *право вооруженных конфликтов (оперативное право)*¹.

Вместе с тем, представляется важным, что совокупность принципов и норм, устанавливающих правила ведения вооруженной борьбы, привела к формированию самостоятельной отрасли международного публичного права. И это положение в настоящее время никем не оспаривается.

Термин «*международное гуманитарное право*» наиболее полно и четко отражает суть проблемы. Он впервые был предложен в 1950-х гг. известным швейцарским юристом Ж. Пикте и за короткий период времени получил широкое распространение в публицистике, юридической литературе, а затем вошел в название Женевской дипломатической конференции (1974—1977 гг.) по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов.

Ряд авторов² под «международным гуманитарным правом» понимают совокупность норм, определяющих единые для международного сообщества стандарты прав и свобод человека (группы лиц, коллектива), устанавливающих обязательства государств по закреплению, обеспечению и охране этих прав и свобод и предоставляющих индивидам юридические возможности реализации и защиты признаваемых за ними прав и свобод³. Г.В. Игнатенко исходит из того, что гуманитарное право (права человека) действует и в условиях вооруженных конфликтов⁴, но обходит вниманием вопросы правового регулирования вооруженной борьбы и констатирует «соприкосновенность» вопросов защиты гражданского населения. И в

¹ См. подробнее: *Кудашкин А.В., Мельник Н.Н.* Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура // *Право в Вооруженных Силах*. 2021. № 1. С. 62—71.

² *Фельдман Д.И.* Система международного права. Казань, 1983. С. 62; *Колосов Ю.М.* Международные стандарты в области прав человека и проблемы советского законодательства // *Совет. журн. междунар. права*. 1991. № 2. С. 67, 68; *Международное право / под ред. Г.В. Игнатенко*. М., 1995. С. 239, 240; *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. М., 1999. С. 148, 149, 274.

³ *Международное право: учеб.* / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 460.

⁴ Там же. С. 490—491.

том же издании Л.А. Лазутин и Д.Д. Остапенко дают характеристику отрасли «права вооруженных конфликтов»¹.

Другой группой ученых выработан более узкий и точный подход, отраженный в следующих определениях. И.И. Котляров под международным гуманитарным правом понимает систему «международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения между государствами в период вооруженного конфликта с целью ограничения применения жестоких средств и методов ведения войны, защиты ее жертв и устанавливающих ответственность за их нарушение»². Е.Г. Моисеев определяет МГП как отрасль международного права, представляющую собой совокупность принципов и норм, регулирующих отношения государств в период вооруженных конфликтов³. В.Ю. Калугин под МГП понимает самостоятельную отрасль международного права — систему юридических принципов и норм, применяемых как в международных, так и в немеждународных вооруженных конфликтах, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права по запрещению или ограничению применения определенных средств и методов ведения военных действий, обеспечению защиты жертв в период вооруженного конфликта и определяющих ответственность за нарушение этих принципов и норм⁴. Аналогичного подхода придерживается и В.Л. Толстых⁵.

Международное гуманитарное право представляет собой самостоятельную отрасль международного публичного права, для обозначения которой можно предложить следующее определение. *Международное гуманитарное право* (далее — МГП) — это совокупность конвенционных и обычных норм, регулирующих отношения между участвующими в вооруженном конфликте и затронутыми им субъектами международного права по поводу применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиты раненых, больных, военнопленных и гражданского населения, а также уста-

¹ Международное право: учеб. / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. С. 544.

² Международное право: учеб. / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 452.

³ Международное публичное право: учеб. / Л.П. Ануфриева [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 671.

⁴ Калугин В.Ю. Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 67—68.

⁵ Толстых В.Л. Курс международного права: учеб. М., 2010. С. 753—808.

навливающих ответственность государств и отдельных лиц за нарушение этих норм¹.

Термин МГП широко используется в текстах международных договоров, резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, декларациях и других актах.

В договорных источниках впервые термин МГП использован в Преамбуле и ст. 2 Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов 1974 г.², что совпадает по срокам с началом работы дипломатической конференции (1974—1977 гг.). В дальнейшем этот термин использован в ст. 2 Конвенции об обычном оружии 1980 г.³, в подп. «д» п. 1 ст. 8 Протокола IV⁴ и п. 2 ст. 6 Протокола V⁵ к указанной Конвенции; в преамбуле Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 г.⁶; в ст. 7 Второго протокола 1999 г.⁷ к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.; в ст. 11 Конвенции о правах инвалидов 2006 г.⁸; в пп. 1, 4 ст. 38 Конвенции

¹ В Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (с. 10) дано следующее определение: «Международное гуманитарное право представляет собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий».

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3318 (XXIX) «Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов». Текст Резолюции официально опубликован не был.

³ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Нью-Йорк, 10 октября 1980 г.) // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1984. № 3.

⁴ Протокол о запрещении или ограничении применения мин, миноловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. (Протокол II с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.), прилагаемый к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // Бюл. междунар. договоров. 2006. № 1.

⁵ Протокол по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие) (Женева, 28 ноября 2003 г.) // Там же. 2009. № 6.

⁶ Конвенция «О запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении» (Осло, 18 сентября 1997 г.). Текст Конвенции официально опубликован не был.

⁷ Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (Гаага, 26 марта 1999 г.). Текст Протокола официально опубликован не был.

⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106 «Конвенция о правах инвалидов». Текст Резолюции официально опубликован не был. Конвенция о правах инвалидов вступила в силу 3 мая 2008 г.

о правах ребенка 1989 г.¹; в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г.²; в п. 2 ст. 16 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.³

Обязательство включать изучение соответствующих положений МГП в программы военного обучения закреплено в ст. 19 Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г.⁴ Важность сохранения целостности МГП отмечена в преамбуле Факультативного протокола 2005 г. к указанной Конвенции⁵.

Термин МГП прямо указан в наименовании Устава МВТ по бывшей Югославии⁶, а также в Уставе МВТ по Руанде⁷, Римском статуте МУС⁸.

Следует отметить, что собственно в источниках МГП — Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г., Гаагских конвенциях — термин «международное гуманитарное право» не используется. *В силу этого можно констатировать, что понятие «МГП» имеет доктринальное происхождение.* Так, Дополнительный протокол I в п. «b» ст. 2 содержит определение понятия «нормы международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов»⁹. Оно означает как нормы, применяемые в

¹ Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народ. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

² Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25 мая 2000 г., Нью-Йорк) // Бюл. междунар. договоров. 2009. № 5.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2006 г. № 61/177 «Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений». Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁴ Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (9 декабря 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2001. № 11.

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 2005 г. № 60/42 «Факультативный протокол к Конвенции о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала». Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁶ Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, от 22 февраля 1993 г. Текст Устава опубликован в сборнике «Действующее международное право», т. 1.

⁷ Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. Принят Советом Безопасности ООН. Текст Устава опубликован в сборнике «Действующее международное право», т. 1.

⁸ Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Документ вступил в силу 1 июля 2002 г.

⁹ Указанное понятие («нормы международного права, применяемые в период вооруженных конфликтов») используется в Дополнительном протоколе I, в частности: пп. 3, 4 ст. 31, ст. 37, п. 1

период вооруженных конфликтов, так и общепризнанные принципы и нормы международного права, применяемые к вооруженным конфликтам. Когда Совет Безопасности ООН решил создать Комиссию по расследованию в целях представления Генеральному секретарю ООН выводов «о серьезных нарушениях Женевских конвенций и других доказанных нарушениях международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии»¹, эта Комиссия допустила толкование полномочий в соответствии со своим мандатом, считая, что выражение «международное гуманитарное право» имеет то же значение, что и «нормы международного права, применяемые в вооруженных конфликтах»².

Подраздел сайта ООН называется «Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право»³, где констатировано, что ООН взяла на себя ведущую роль в усилиях по развитию МГП⁴. Генеральная Ассамблея как политический форум ООН содействовала разработке ряда инструментов МГП. В резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН четко прослеживаются ссылки на положения МГП⁵.

Отметим использование термина МГП и в документах рекомендательного характера — пп. 47—52 Декларации Хельсинской

ст. 43, п. 2 ст. 44, п. 3 ст. 49, п. 4 ст. 57, пп. 4, 7 ст. 59, п. 7 ст. 60. Однако оно не применяется в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительном протоколе II.

¹ S/Res. 780 du 6 octobre 1992, § 2.

² Давид Э. Указ. соч. С. 79.

³ URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/> (дата обращения: 30.08.2021).

⁴ На указанном сайте приведено следующее определение: «Международное гуманитарное право охватывает принципы и правила, регулирующие средства и методы ведения войны, а также гуманитарной защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных».

⁵ Так, в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 11 декабря 2020 г. 75/125, «Безопасность и защита гуманитарного персонала и защита персонала Организации Объединенных Наций» имеется прямая ссылка на Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним от 8 июня 1977 г. и напоминание об обязательстве всех сторон вооруженного конфликта соблюдать и обеспечивать соблюдение международного гуманитарного права во всех обстоятельствах. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/125> (дата обращения: 30.08.2021). В Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 7 декабря 2020 г. 75/85, «Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие» приветствуется приверженность Высоких Договаривающихся Сторон тому, чтобы продолжать вносить вклад в дальнейшее развитие международного гуманитарного права и в этом контексте держать в поле зрения разработку новых видов оружия и применение оружия, которое может иметь неизбирательное действие или причинять излишние страдания. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/75/85> (дата обращения: 30.08.2021).

встречи на высшем уровне 1992 г.¹; пп. 33—35 Решения Будапештского саммита СБСЕ 1994 г.²; п. 9 Декларации тысячелетия ООН 2000 г.³; п. 57 Декларации о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии 2001 г.⁴; преамбуле Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 2001 г. № 56/18⁵, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174⁶.

В преамбуле Основных принципов и руководящих положений, касающихся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 16 декабря 2005 г.⁷ через призму положений, обеспечивающих право на правовую защиту для жертв нарушений международных норм, проведена четкая дифференциация двух областей правового регулирования (сводов норм) — прав человека⁸ и международного гуманитарного права⁹.

¹ Декларация Хельсинской встречи на высшем уровне. Человеческое измерение (Хельсинки, 1992 г.). Текст Декларации официально опубликован не был.

² Решения Будапештского саммита СБСЕ 1994 г. Человеческое измерение (Будапешт, 1994 г.). Текст документа официально опубликован не был.

³ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (утверждена Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г.). Текст Декларации официально опубликован не был.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 июня 2001 г. № S-25/2 «Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии». Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 2001 г. № 56/18 «Поддержание международной безопасности — добрососедство, стабильность и развитие в Юго-Восточной Европе» (по докладу Первого комитета (A/56/530)). Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2003 г. № 58/174 «Права человека и терроризм». Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/147 «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» (64-е пленарное заседание). Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁸ Они содержатся во многих международных договорах, в частности в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, ст. 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, ст. 39 Конвенции о правах ребенка.

⁹ Они содержатся в ст. 3 Гаагской конвенции о законах и обычаях ведения войны на суше (Конвенция IV) от 18 октября 1907 г., ст. 91 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г., а также в ст.ст. 68 и 75 Римского статута Международного уголовного суда.

Ссылки на МГП содержатся в резолюциях Совета Безопасности ООН от 13 марта 2002 г. № 1397 по Израилу и Палестине¹, от 30 июля 2004 г. № 1556 по Судану² и др.³

В ряде актов содержится указание на неприменимость норм МГП к конкретным правоотношениям или ситуациям — ст. 19 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.⁴; ст. 21 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.⁵; ст. 32 Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 2002 г.⁶; пп. 1, 2 ст. 4 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.⁷

Так, п. «b» ст. 16 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.⁸ содержит оговорку о том, что Конвенция применяется без ущерба для права вооруженного конфликта и международного гуманитарного права, включая положения, касающиеся статуса комбатантов или военнопленных. Как видно, здесь понятия права вооруженных конфликтов и МГП дифференцированы.

На сайте Минобороны России размещен раздел «Международные договоры Российской Федерации, составляющие основу международного гуманитарного права»⁹. Действует Наставление по

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН от 13 марта 2002 г. № 1397. Текст резолюции официально опубликован не был.

² Резолюция Совета Безопасности ООН от 30 июля 2004 г. № 1556 (2004 г.). Текст Резолюции официально опубликован не был.

³ Резолюция 2573 (2021), принятая Советом Безопасности 27 апреля 2021 г., решительно осудила совершаемые в условиях вооруженных конфликтов нападения на гражданских лиц как таковых и на других находящихся под защитой лиц или гражданские объекты, равно как и неизбирательные или соразмерные нападения, приводящие к лишению гражданского населения объектов, обязательных для его выживания, как вопиющие нарушения международного гуманитарного права (URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2573\(2021\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2573(2021))) (дата обращения: 30.08.2021).

⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.).

⁵ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята Резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2003. № 5 (опубликована с датой от 10 января 2000 г.).

⁶ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2002 г. № 57/199 «Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». Текст Резолюции официально опубликован не был.

⁷ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 14 сентября 2005 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2008. № 12.

⁸ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.) // Действующее международное право: сб. Т. 2. М., 1997.

⁹ URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/order_gov.htm (дата обращения: 30.08.2021).

международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (2001 г.)¹.

Таким образом, понятие МГП, имея доктринальное происхождение, широко используется не только в доктрине, но и в международно-правовых актах, что позволяет говорить о его правовом закреплении и содержательном наполнении. Сейчас можно считать, что понятие «международное гуманитарное право» прочно вошло в международное право и четко выражает содержание комплекса международно-правовых норм, призванных ограничить зловещие последствия вооруженных конфликтов². Остается лишь высказать пожелание единообразного понимания и использования данного понятия в международном и внутригосударственном правотворчестве.

Источники и система международного гуманитарного права.

Под *источником МГП* понимается форма выражения и закрепления нормы международного права, основанной на согласовании воль субъектов международного права. Под *системой МГП* в широком смысле следует понимать комплекс норм МГП, наличие структуры, методов формирования и функционирования, а также развития этой системы в соответствии с присущими ей закономерностями. В узком смысле — это комплекс юридических норм, характеризующийся принципиальным единством и одновременно упорядоченным подразделением на относительно самостоятельные части (подотрасли и институты).

В соответствии с «географической» классификацией МГП состоит из двух разделов (подотраслей), определенных в соответствии с их договорными источниками: Гаагского права и Женевского права.

*Гаагское право*³ обуславливает права и обязанности воюющих сторон при проведении военных операций и ограничивает выбор средств нанесения ущерба, а также устанавливает понятия оккупации

¹ В Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (с. 10) дано следующее определение: «Международное гуманитарное право представляет собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий».

² *Калугин В.Ю.* Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 58.

³ Такое лаконичное наименование дано в честь города, где были приняты многие его нормы, в 1899 и 1907 Э. Давид именует его как «право насилия», регламентирующее ведение военных действий в интересах сохранения государства и находящегося на пересечении военной необходимости и требований гуманности (*Давид Э.* Указ. соч. С. 36).

и нейтралитета. Цель этого права — регулировать военные действия, и в соответствии с этим оно частично основано на понятиях военной необходимости и сохранения государства¹. Поэтому Гаагское право адресовано в основном командирам всех уровней и через них должно доводиться до всех военнослужащих в порядке подчинения². Типовое Гаагское право включает в себя: а) Гаагские конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, войны на море, войны в воздушном пространстве, о правах и обязанностях нейтральных держав (1899 г. и 1907 г.) и др.; б) различные соглашения, относящиеся к применению конкретных видов вооружений: Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (1868 г.); Гаагская декларация, касающаяся запрещения применения легко сплюсчивающихся и разворачивающихся в теле человека пуль (1899 г.); Женевский протокол о запрещении применения во время войны удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств ведения войны (1925 г.)³; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (1980 г.)⁴ и пять Протоколов к ней: о необнаруживаемых осколках; о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств⁵; о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия; об ослепляющем лазерном оружии⁶; по взрывоопасным пережиткам войны (2003 г.).

¹ Международное гуманитарное право. М., 1993. С. 9—10.

² Руководство по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права (пожалуй, единственный комплексный нормативный правовой акт в области МГП), введенное в действие приказом министра обороны СССР 1990 г. № 75, вообще обошло молчанием этот корпус норм международного права, указав лишь на «другие международно-правовые акты» (п. 2).

³ Декларация о присоединении Союза ССР к Женевскому протоколу от 17 июня 1925 г. (Женева, 2 декабря 1927 г.) ратифицирована Постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 7 марта 1928 г. № 136. Федеральным законом от 6 декабря 2000 г. № 143-ФЗ Российская Федерация сняла сделанные СССР оговорки к Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 г.

⁴ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1984. № 3.

⁵ В связи с внесением поправок получил новое название: «Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 года».

⁶ Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 153-ФЗ «О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокола об ослепляющем лазерном оружии (Протокола IV))».

Принятие Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 г.¹ и Дополнительного протокола I явилось поворотным пунктом в истории охраны окружающей среды во время вооруженных конфликтов².

*Женевское право*³, или собственно гуманитарное право, охраняет интересы военных, вышедших из строя, и лиц, не принимающих участия в боевых действиях⁴. Оно относится: к жертвам вооруженных конфликтов (военнопленным, раненым, больным, потерпевшим кораблекрушение, погибшим); к гражданскому населению в целом; к лицам, оказывающим помощь жертвам вооруженных конфликтов, в частности к медицинским службам. Типовое Женевское право включает в себя: а) Женевские конвенции 1864, 1906 и 1929 гг., замененные или дополненные; б) Женевские конвенции от 12 августа 1949 г.: об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, об обращении с военнопленными и о защите гражданского населения во время войны⁵.

Сотрудничество по защите жертв вооруженных конфликтов на универсальном уровне дополняется сотрудничеством на региональном уровне. 24 сентября 1993 г. 11 стран Содружества Независимых Государств, в том числе Российская Федерация, подписали Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов⁶. Данное Соглашение призвано способствовать применению МГП в вооруженных конфликтах, имеющих место на терри-

¹ Текст Конвенции официально опубликован не был.

² По мнению В.Ю. Калугина, Конвенция 1976 г. относится к источникам права международной безопасности, хотя и включается в состав норм МГП (Калугин В.Ю. Указ. соч. С. 46).

³ Такое наименование дано в честь города, где были приняты многие нормы МГП в 1864, 1906, 1929 и 1949 гг. Э. Давид именует его как «право оказания помощи», основной целью которого является защита жертв конфликта, оказавшихся во власти противной стороны (Давид Э. Указ. соч. С. 36).

⁴ Ж. Пикте полагает, что Женевское право систематизировало нормы о защите человека в случае войны, что «Женева открыла эру главенства интересов человека и принципов гуманности» (Пикте Ж. Международное гуманитарное право. Определение // Международное гуманитарное право. М., 1993. С. 9).

⁵ *Рей-Шур К.* Женевские конвенции 1949 г. — решающий прорыв / Междунар. журн. Красногорск: сб. ст. Женева, 1999. С. 104—105.

⁶ Соглашение вступило в силу 1 декабря 1994 г. // Содружество: информ. вестн. Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. № 4. С. 40.

тории СНГ, безотносительно к тому, каков их характер (международный или внутригосударственный).

Смешанное право, включающее положения как Гаагского, так и Женевского права, состоит: а) из Гаагской конвенции о защите культурных ценностей во время вооруженного конфликта (1954 г.) и двух Дополнительных протоколов к ней (от 14 мая 1954 г. и от 26 марта 1999 г.); б) из двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., а именно Дополнительного протокола I, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, Дополнительного протокола II, касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, и Дополнительного протокола III, касающегося принятия дополнительной отличительной эмблемы, от 8 декабря 2005 г.

Задачей МГП является регулирование военных действий в целях облегчения приносимых ими тягот и лишений. Поэтому МГП имеет своей конечной целью: а) свести к минимуму гибель людей и разрушение материальных ценностей; б) обеспечить уважительное (доверительное) отношение к МГП при любых обстоятельствах.

МГП устанавливает определенные ограничения в отношении: военных действий в целом; ведения боевых действий вооруженными силами; поведения комбатантов в бою; поведения гражданских властей и лиц во время войны; поведения по отношению к лицам и объектам во время войны, обращения с жертвами войны; управления оккупированной территорией и поддержания порядка (право военной оккупации); взаимоотношений между воюющими и нейтральными государствами (право нейтралитета). МГП применяется с самого начала военных действий («с первого выстрела»), когда имеют место: а) война, т. е. вооруженный конфликт между государствами; б) оккупация территории одного государства другим; в) длительные и согласованные военные операции в пределах границ одного государства.

Принципы международного гуманитарного права. В зависимости от содержания выделяют три группы принципов МГП: 1) системообразующие отраслевые принципы; 2) принципы, регулирующие средства и методы вооруженной борьбы; 3) принципы защиты участников вооруженной борьбы, а также гражданского населения¹.

¹ Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права. М., 1992. С. 238—241.

Системообразующие отраслевые принципы МГП лежат в основе всех других принципов данной отрасли права. К ним относятся: 1) принцип гуманизма, который предназначен для защиты прав человека в период вооруженной борьбы¹; 2) принцип недопустимости дискриминации, устанавливающий, что различия в обращении с индивидами могут вызываться только их состоянием²; 3) принцип ответственности за нарушение норм и принципов МГП, который включает в себя ответственность государства и уголовную ответственность физических лиц за преступное нарушение правил ведения вооруженной борьбы.

Вторую группу составляют принципы МГП, регулирующие средства и методы вооруженной борьбы³. К ним относятся: 1) принцип ограничения воюющих в выборе средств вооруженной борьбы⁴;

¹ Его содержание составляют: а) запрещение воюющим применять военное насилие (средства и методы ведения войны), которое не оправдывается военной необходимостью; б) обязательство уважать «технические границы, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия» (Петербургская декларация 1868 г.); в) требование использовать «успехи цивилизации для уменьшения, по возможности, бедствий войны» (там же); г) правовое регулирование вооруженной борьбы с позиции человеколюбия, в соответствии с постоянно развивающимися требованиями цивилизации (IV Гагская конвенция 1907 г.); д) обязательство «уменьшить бедствия войны, насколько позволяют военные требования» (там же); е) обязательство щадить культурные ценности в случае вооруженного конфликта (Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.); ж) требование гуманно обращаться с жертвами войны: военнопленными (ст. 13 III Женевской конвенции 1949 г.), ранеными и больными (ст. 18 I и II Женевских конвенций 1949 г.), гражданским населением (ст. 13 IV Женевской конвенции 1949 г.). С определенной уверенностью можно сказать, что все остальные принципы МГП формировались на основе принципа гуманизма и являются его конкретизацией.

² С индивидами, пользующимися покровительством гуманитарных конвенций, при любых обстоятельствах и без всякого различия на основе характера или происхождения вооруженного конфликта и причин, которые воюющие стороны приводят в свое оправдание или на которые ссылаются, следует обращаться без всякой дискриминации, независимо от их расы, цвета кожи, религии, пола, имущественного положения. Принцип находит свое конкретное выражение в Дополнительном протоколе I (п. 4 ст. 1, ст.ст. 9, 43, 44).

³ На этой системе принципов построено «Право Гааги».

⁴ Он состоит в том, что каждый воюющий имеет право применять только такие средства вооруженной борьбы, которые необходимы для подавления противника и нанесения ему человеческих потерь на минимально допустимом уровне. Применение силы допустимо лишь в той мере, в какой защищаемые ценности пропорциональны ценностям, которые при этом уничтожаются. Содержание указанного принципа раскрывается и конкретизируется в общих и специальных нормах, запрещающих применять определенные виды оружия. Специальные нормы — это нормы, включенные в международные договоры и запрещающие применение конкретных видов оружия. Общие же нормы обязывают воюющих не применять оружие: а) которое действует неизбирательно, т. е. как против военных, так и против гражданских объектов; б) причиняет излишние повреждения и страдания (п. 2 ст. 35 Дополнительного протокола I); в) используется в целях причинения обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде (п. 3 ст. 35); г) имеет «предательский, коварный характер».

2) принцип разграничения военных и гражданских объектов¹; 3) запрет применять недозволенные средства ведения вооруженной борьбы, некоторые виды оружия массового уничтожения, а также оружие, причиняющее излишние страдания.

В отдельную группу можно выделить принципы защиты участников вооруженной борьбы, а также гражданского населения². Эти принципы подразделяются на две подгруппы: 1) защиты законных прав комбатантов; 2) защиты прав гражданских лиц во время вооруженных конфликтов.

Можно предположить, что формирование и совершенствование принципов МГП будет продолжаться, способствуя кодификации системы этой отрасли международного права.

Институты международного гуманитарного права. Принципы МГП последовательно организуют нормы в определенные подсистемные целостные образования — подотрасли (Гаагское и Женевское право) и правовые институты.

Основным видам международных отношений, регламентирующих применение вооруженного насилия, соответствуют *отраслевые институты*, с одной стороны, определяющие статус участников и жертв вооруженной борьбы, правовые основания их защиты, а с другой — определяющие правовые режимы использования/применения средств и методов ведения вооруженной борьбы (устанавливающие границы применения вооруженного насилия). Например, к отраслевым институтам МГП могут быть отнесены следующие: ведения боевых действий (на суше, море, в воздухе, с возможным расширением сфер применения в космосе и информационном пространстве); средств ведения вооруженной борьбы; методов ведения вооруженной борьбы; военной оккупации; статуса и режима военных и гражданских объектов; международно-правовой охраны отдельных объектов в период вооруженных конфликтов (нейтрализованных зон (территорий), санитарных зон и местностей, санитарных и безопасных зон и местностей, необороняемых местностей, демилитаризованных зон, безопасных зон); охраны культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов (в рамках общего, специального и усиленного режимов правовой охраны); рек-

¹ Петербургская декларация (1868 г.) сформулировала его так: «Единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении сил неприятеля». Позже он был закреплен в других источниках МГП.

² На этой системе принципов построено «Право Женевы».

визий; военных трофеев; обязательств государств по МПГ; опознавания и обозначения лиц и объектов защитными знаками (эмблемами), сигналов оповещения; охраны прав лиц, принимающих непосредственное участие в боевых действиях; защиты жертв войны (раненых, больных военнопленных, гражданского населения); интернирования.

Многие международно-правовые нормы, регламентирующие отношения, связанные с применением вооруженного насилия, могут и должны стать особыми нормативными комплексами — *межотраслевыми институтами* (сложными комплексными образованиями, имеющими субинституты), регулирующими конкретную область правоотношений. Отдельные межотраслевые институты смогут образовать нормы, направленные: а) на установление индивидуальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений; б) на демилитаризацию и нейтрализацию отдельных территорий (пространств); безъядерных зон/ЗСЯО; на разрешение размещения военных объектов (баз) одним государством на территории другого государства.

Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов. Женевские конвенции (1949 г.), наряду с термином «война», применяют термины «международный вооруженный конфликт» (ст. 2) и «немеждународный вооруженный конфликт» (ст. 3). Действительно, вооруженный конфликт может иметь: 1) *международный характер* (с участием Российской Федерации и иного государства или нескольких государств, в том числе их объединений, коалиций); 2) *немеждународный (внутригосударственный) характер* (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории Российской Федерации).

Вооруженные конфликты международного характера (с участием двух или нескольких государств) могут иметь форму войны либо международного вооруженного конфликта. Современное международное право запрещает государствам обращаться к войне для урегулирования споров, агрессивная война запрещена международным правом: ее подготовка, развязывание и ведение — это международное преступление. Сам факт противоправного объявления войны рассматривается как агрессия¹. Развязывание агрессивной войны влечет за собой международно-правовую ответственность². Агрес-

¹ Статья II Конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г.

² Пункт 2 ст. 5 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии», принятой 14 декабря 1974 г.

сией будет являться применение вооруженной силы иностранным государством (или группой государств) против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости Российской Федерации¹. Никакие соображения политического, экономического, военного или иного характера не могут служить оправданием агрессии. Государству, действия которого образуют угрозу агрессии против Российской Федерации, должен заявляться ультиматум, при невыполнении условий которого Россия имеет право первой применить средства вооруженной борьбы, адекватные возникшим угрозам.

Международный вооруженный конфликт — это вооруженное столкновение (боевое или служебно-боевое действие) с определенными ограничениями по политическим целям, масштабу и времени, возникающее между вооруженными силами двух или нескольких государств, не объявленное войной, при сохранении дипломатических и договорных отношений, и не рассматривающееся как средство урегулирования межгосударственных политических споров². В этих случаях не имеет значения заявление одного из государств, что оно не ведет вооруженную борьбу против другого³, важно фактическое применение вооруженной силы одним государством против другого⁴. При этом боевые действия могут быть как весьма незначительными, так и не иметь места вообще (например, объявление о вторжении на территорию иностранного государства без последующего ведения боевых действий; вторжение, не встретившее вооруженного сопротивления, и т. п.). При вооруженном конфликте⁵ обычно преследуются более ограниченные, чем в войне, политические цели, которые не требуют кардинальной перестройки всего государственного меха-

¹ В Военной доктрине Российской Федерации 2010 г. (п. 21) специально указаны еще два случая возможной агрессии: 1) агрессия против Союзного государства (вооруженное нападение на государство — участника Союзного государства или любые действия с применением военной силы против него); 2) агрессия против всех государств — членов ОДКБ (вооруженное нападение на государство — члена ОДКБ).

² См. подробнее: *Зверев П.Г.* Дефиниции вооруженного конфликта в международном праве // Юр. исслед. 2015. № 5. С. 69—103. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14356 (дата обращения: 31.08.2021).

³ *Давид Э.* Указ. соч. С. 108.

⁴ Экономическое и политическое давление может рассматриваться лишь в контексте невооруженного вмешательства.

⁵ Вооруженный конфликт — это боевое (служебно-боевое) действие ограниченного контингента Вооруженных Сил, пограничных и внутренних войск, подразделений органов безопасности, а также специально сформированных миротворческих миссий с определенными ограничениями по политическим целям, масштабу и времени (*Усиков А.В., Яременко В.А.* Анатомия «малых войн» // Независимое воен. обозрение. 1998. № 42. С. 4.

низма и перевода экономики на военные рельсы, общество в целом не переходит в особое состояние — состояние войны.

Анализ международных правовых актов и российского законодательства позволяет сформулировать *перечень кризисных ситуаций*, которые могут характеризоваться как «международный вооруженный конфликт»: 1) борьба угнетенной нации или народа, признанных воюющей стороной, против колониального, расистского режима или иностранного господства (оккупации), в осуществление своего права на самоопределение (национально-освободительная война); 2) внутригосударственный вооруженный конфликт, в котором на стороне повстанцев участвует третья сторона — другое государство (эскалация немеждународного вооруженного конфликта в международный вооруженный конфликт)¹; 3) приграничный вооруженный конфликт²; 4) контртеррористическая операция, направленная на пресечение международной террористической деятельности на территории другого государства (без согласия законного правительства этого государства).

Под *внутригосударственным вооруженным конфликтом* (вооруженным конфликтом немеждународного характера) понимается вооруженное противоборство, происходящее в пределах государственной территории Российской Федерации между федеральными силами, с одной стороны, и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами — с другой, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью территории Российской Федерации, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные

¹ Формами вмешательства (участия) иностранного государства являются: 1) направление (засылка) войск для действий в интересах повстанцев (правительства или властных структур, созданных повстанцами); 2) направление военных советников (технических экспертов), которые действуют в качестве представителей иностранного государства, подчиняясь его воле, а не как частные лица, и их непосредственное участие в боевых действиях (в том числе консультирование по вопросам выбора стратегических или технических решений); 3) посылка наемников и добровольцев (либо допущение выезда таких лиц (волонтеров) для оказания помощи), если они *de facto* действуют как представители государства, из которого прибыли; 4) оказание технической или экономической помощи (финансовыми средствами либо военным снаряжением, средствами тылового обеспечения, сырьем), способной оказать существенное влияние на исход внутригосударственного вооруженного конфликта. При этом вмешивающееся государство указанные действия осуществляет открыто и несет ответственность за них.

² Он возникает как следствие долго не решаемых пограничных вопросов по поводу делимитации, демаркации, режима справедливого использования пограничного пространства. Такой конфликт может возникнуть вследствие: 1) вооруженного вторжения или нападения с территории сопредельного государства на территорию Российской Федерации; 2) вооруженных провокаций на государственной границе.

военные действия и применять нормы международного гуманитарного права. Отдельные авторы упрощают вышеприведенное понятие, указывая лишь на военные действия, происходящие в пределах территории одного государства¹. Понятие «немеждународный вооруженный конфликт», а также критерии, характеризующие его, закреплены в Дополнительном протоколе II (1977 г.) к Женевским конвенциям (1949 г.)². Внутригосударственный вооруженный конфликт может быть низкой³ либо высокой⁴ степени интенсивности.

Лица, входящие в состав антиправительственных сил (групп), сражаются в целях захвата власти, достижения большей автономии в пределах государства, отделения и создания собственного государства. Такого рода вооруженный конфликт является следствием сепаратизма либо экстремизма и может именоваться различным образом: вооруженное восстание, военный заговор, путч, мятеж, гражданская война. Однако по сути такая борьба ведется между силами законного правительства и силами повстанцев.

К правовым средствам урегулирования кризисных ситуаций в Российской Федерации отнесены специальные режимы, предусмотренные российским законодательством: военного положения, чрезвычайного положения; контртеррористической операции.

Сфера действия норм международного гуманитарного права. Для практики непосредственное значение имеет проблема *пределов действия* нормативных правовых актов. Она традиционно включает в себя вопросы действия во времени (с какого и по какое время нормативный акт имеет силу), в пространстве (на какую террито-

¹ Международное право: учеб. / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. С. 453.

² Согласно ст. 1 этого Протокола под немеждународным вооруженным конфликтом понимаются все не подпадающие под действие ст. 1 Дополнительного протокола I вооруженные конфликты, происходящие на территории какого-либо государства, «между его вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».

³ Внутригосударственный вооруженный конфликт низкой интенсивности характеризуется наличием антиправительственных вооруженных формирований (незаконных вооруженных формирований), которые целенаправленно используют оружие (ведут боевые действия) против федеральных сил, но такие вооруженные выступления носят разрозненный характер.

⁴ Внутригосударственный вооруженный конфликт высокой интенсивности характеризуется наличием ответственного командования повстанцев, ведением скоординированных и продолжительных военных действий, установлением антиправительственными вооруженными формированиями (незаконными вооруженными формированиями) контроля над частью территории Российской Федерации.

рию распространяется регулирующее влияние акта) и по кругу лиц (каковы его адресаты).

Рассматривая действие норм МГП во времени (*ratione temporis*), следует указать, что начало применения норм МГП должно соответствовать фактическому началу военных действий (т. е. моменту возникновения права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН). В случае вооруженного нападения на Российской Федерации другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации федеральным законом объявляется *состояние войны* (п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об обороне»). Объявление войны, даже если оно не сопровождается военными действиями, всегда приводит к *состоянию войны*, влечет за собой определенные правовые последствия¹. С момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает *военное время*, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения (п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об обороне»). Статья 2, общая для всех Женевских конвенций, устанавливает, что нормы МГП должны применяться в случае объявления войны или всякого другого вооруженного конфликта, даже если состояние войны участниками не признается.

Прекращение военных действий между воюющими сторонами может быть выражено в форме местного/общего перемирия, капитуляции либо *прекращения состояния войны* (например, путем издания односторонней декларации² либо подписания соглашения/совместной декларации о прекращении военных действий, мирного

¹ В частности, прекращаются мирные отношения; прерываются дипломатические и консульские отношения; дипломатический и консульский персонал отзывается; действие политических, экономических и иных договоров, рассчитанных на мирные отношения, прекращается или приостанавливается; устанавливается особый режим для граждан противника (они могут покинуть территорию воюющего государства в том случае, если их выезд не противоречит интересам Российской Федерации, к ним может быть применен специальный правовой режим, вплоть до интернирования или принудительного поселения в определенном месте); имущество, принадлежащее вражескому государству, конфискуется, за исключением имущества дипломатических и консульских представительств, имущество его граждан сохраняет свой статус.

² Так, 25 января 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией», в соответствии с которым прекратилось состояние войны и установились мирные отношения; утратили силу юридические ограничения в отношении германских граждан, рассматривавшихся в качестве граждан вражеского государства (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1955. № 2. Ст. 34).

договора). Вместе с тем, момент окончания вооруженного конфликта связывается не только с прекращением самих военных действий, но и с решением многих гуманитарных проблем, явившихся следствием вооруженного конфликта (в частности, военного плена, интернирования и оккупации — ст. 5 Первой Женевской конвенции, ст. 5 Третьей Женевской конвенции, ст. 6 Четвертой Женевской конвенции), а эти два аспекта часто не совпадают по времени.

Рассматривая пределы действия МГП в пространстве (*ratione loci*), следует указать, что они определяются территорией, на которую распространяются его предписания. Ведение военных действий сторонами, принимающими участие в вооруженной борьбе, должно осуществляться в определенных пространственных пределах, где может происходить вооруженный конфликт. Территория, ограничиваемая ими, называется театром войны или театром военных действий (ТВД). Под *театром войны* понимается вся территория воюющих государств (сухопутная, морская и воздушная), открытое море и воздушное пространство над ним. В театр войны может входить несколько театров военных действий. Под *театром военных действий* понимается территория, на которой вооруженные силы противоборствующих сторон фактически ведут боевые действия.

Нормы МГП содержат исключения из театра войны¹. Также из театра войны может быть исключена часть государственной территории в целях расположения там *специальных зон* (в частности, нейтрализованных зон, санитарных зон и местностей, санитарных и безопасных зон и местностей, необороняемых местностей, демилитаризованных зон, безопасных зон) как мест укрытия жертв вооруженных конфликтов от нападения. Они отвечают всем признакам гражданских объектов.

¹ Так, не могут считаться театром войны, а следовательно, и объектом нападения и уничтожения: 1) территория (сухопутная, морская и воздушное пространство над ней) нейтральных и других невоюющих государств; 2) территории и пространства (например, внеатмосферное пространство, морское дно), объявленные одновременно нейтрализованными и демилитаризованными (объявленные международными соглашениями безъядерные зоны в целом не исключаются из сферы вооруженного конфликта, но они не могут быть театром ядерной войны); 3) международные проливы и каналы; 4) части Мирового океана, острова, архипелаги, на которые распространен режим нейтрализованных и демилитаризованных территорий; 5) санитарные зоны и местности, в том числе на оккупированной территории; 6) культурные ценности, здания и центры культурных ценностей, имеющие национальное и общемировое значение, внесенные в Международный реестр культурных ценностей; 7) районы расположения атомных электростанций, дамб и плотин, разрушение которых чревато катастрофическими и опасными последствиями для гражданского населения.

Отметим, что в рамках МГП разработан ряд документов рекомендательного характера, в которых содержатся определенные правила применения вооруженного насилия *в определенной географической среде*, в частности: «Правила ведения воздушной войны» (приняты в г. Гааге в декабре 1922 г. — феврале 1923 г.)¹ и руководство Гарвардской программы по гуманитарной политике и исследованию конфликтов по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне 2009 г.; Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море (Ливорно, 1994 г.)². Таллинское руководство по применению юридических норм международного права к военным действиям в киберпространстве 2013 г.³ закладывает основы юридического обеспечения применения средств ведения информационно-технического противоборства в компьютерных сетях. Особый научный и практический интерес представляет Проект *MILAMOS (Manual on International Law Applicable to Military Uses of Outer Space)*⁴, который направлен на разработку документа в форме руководства, разъясняющего нормы международного права, применимые к военной деятельности и деятельности по обеспечению безопасности в космическом пространстве⁵. Указанные правила (руководства) создают основу для их переосмысления, переработки и восприятия в актах военного права (боевых уставах, наставлениях и др.).

¹ URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/16756> (дата обращения: 31.08.2021).

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753267> (дата обращения: 31.08.2021). Указанное Руководство во многих его аспектах развивает Оксфордское руководство по правилам морской войны, регулирующим отношения между воюющими сторонами, принятое Институтом международного права в 1913 г.

³ URL: <http://www.amazon.ca/TallinnManual-International-Applicable-Warfare/dp/1107024439> (дата обращения: 31.08.2021).

⁴ URL: <https://www.mcgill.ca/milamos/> (дата обращения: 31.08.2021).

⁵ В рамках Проекта планируется кодификация правил по следующим направлениям: применение международного права к космическому пространству, особенно в контексте военного использования космического пространства; делимитация космического пространства и воздушного пространства; запрещение угрозы силой или ее применения в международном праве применительно к космическому пространству; принцип невмешательства в международное право в отношении применения силы применительно к космическому пространству, а также в контексте военного использования космического пространства; применение международного гуманитарного права к космическому пространству; принцип проведения различия в международном гуманитарном праве применительно к космическому пространству; значение термина «международный вооруженный конфликт» применительно к космическому пространству и то, как по закону вооруженный конфликт может рассматриваться как интернационализированный в контексте космического пространства; правовые нормы, касающиеся вероломства и использования в контексте вооруженного конфликта в космическом пространстве; определение «военной космической деятельности» для разъяснения сферы применения космического пространства в военных целях, которая будет охватываться руководством.

Рассматривая действие норм МГП *по кругу лиц (ratione personae)*, следует указать, что субъектами международных правоотношений, возникающих в связи с вооруженными конфликтами (т. е. субъектами МГП), являются в первую очередь государства. Именно государства выступают главными адресатами норм МГП, на них возложено выполнение конвенционных норм. Международная деятельность государства в военной области представляет собой реализацию мер военного характера, непосредственно связанных с созданием военной организации, ее подготовкой и применением. В 1977 г. на дипломатической конференции, принявшей Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 г. о защите прав жертв вооруженных конфликтов, впервые было сформулировано понятие «вооруженные силы». Статья 43 Дополнительного протокола I определяет, что вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех *организованных* вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся *под командованием лица*, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Вооруженные силы *подчиняются внутренней дисциплинарной системе*, которая обеспечивает соблюдение норм МГП. Вооруженные силы создаются и организуются в соответствии с требованиями национальной безопасности и обороны¹. Если государство привлекает к выполнению военных задач (функций по обеспечению безопасности) частные военные компании, на него возлагается ответственность за соблюдение этими негосударственными акторами норм МГП.

В случае немеждународного вооруженного конфликта неправительственные или оппозиционные силы считаются вооруженными силами по смыслу Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, если они соответствуют дополнительным критериям:

¹ В состав вооруженных сил могут быть включены: а) полувоенные организации; б) вооруженные организации, обеспечивающие охрану порядка. Об этом сторона, находящаяся в конфликте, обязана уведомить другие стороны, находящиеся в конфликте. Дети моложе 15 лет не должны призываться на службу в вооруженные силы, а при наборе на службу лиц старше 15 лет, но не старше 18 лет в первую очередь набираются лица более старшего возраста (ст. 77 Дополнительного протокола I). Граждан государства-противника нельзя насильственно привлекать к участию в военных операциях против своего государства (ст. 130 Третьей Женевской конвенции; ст. 23 Гаагской конвенции IV (II)). Командование вооруженных сил должно подчиняться руководству воюющей стороны, к которой оно принадлежит, и нести ответственность за свои действия (ст. 43 Дополнительного протокола I, ст. 4 Третьей Женевской конвенции).

а) осуществляют контроль над частью территории государства; б) могут вести непрерывные и согласованные военные действия.

В связи с непосредственным участием в боевых действиях выделяют сражающихся (комбатантов) и не сражающихся (некомбатантов) (ст. 4 Третьей Женевской конвенции; ст. 13 Второй Женевской конвенции). Военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации с наступлением военного времени становятся *комбатантами* (от фр. *combattant* — воин, боец)¹ при условии их непосредственного участия в военных действиях.

Лишь в условиях международных вооруженных конфликтов задерживаются институт военного плена.

С разрешения государства за вооруженными силами могут следовать лица, не входящие в их состав непосредственно (некомбатанты); например, гражданские лица, входящие в состав экипажей военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил.

Статус лиц, принадлежащих к указанным выше категориям, должен получить закрепление в актах российского законодательства. В этой части следует указать как на «профильные» законы (Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (с изменениями), Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), так и на Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (с изменениями), содержащий в приложении перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации. Отметим, что п. 3 ст. 17 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и ст. 337 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации содержат важное указание о том, что в случае привлечения к обеспечению режима чрезвычайного положения на военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации распространяются положения законодательства Российской Федерации о войсках национальной гвардии Российской Федерации

¹ Комбатант участвует в боевых действиях, имеет право убивать, не может быть подвергнут преследованиям за участие в боевых действиях и за применение силы в рамках положений МГП, разрешается подвергать его нападению, он является военной целью, а будучи захвачен в плен, поддается статусом военнопленного.

в части, касающейся условий, порядка и пределов применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, гарантий личной безопасности, правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

Отметим необходимость регламентации взаимодействия военного командования со СМИ (журналистами), духовенством, органами местного самоуправления, а также вопросов аккредитации представителей международных межправительственных, благотворительных и иных организаций.

Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов. В МГП под *жертвами войны* (или покровительствуемыми лицами) понимаются лица, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях или прекратили такое участие с определенного момента. В условиях международных вооруженных конфликтов МГП предусматривает 14 категорий таких лиц¹. К четырем первым категориям относятся комбатанты, к остальным десяти — гражданское население, в частности: 1) раненые и больные в действующих армиях (Первая и Вторая Женевские конвенции, ст.ст. 8—20 Дополнительного протокола I); 2) лица, потерпевшие кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Вторая Женевская конвенция); 3) военнопленные (Третья Женевская конвенция, ст. 4 Первой Женевской конвенции, ст.ст. 43—47 Дополнительного протокола I); 4) медицинский и духовный персонал, принадлежащий вооруженным силам (ст.ст. 24—25 Первой Женевской конвенции, ст.ст. 36—37 Второй Женевской конвенции); 5) раненые и больные из числа гражданских лиц (ст.ст. 3, 16—23 Четвертой Женевской конвенции, ст.ст. 10—16 Дополнительного протокола I), в том числе роженицы, новорожденные и другие лица, которые могут нуждаться в неотложной медицинской помощи и уходе, такие как немощные и беременные женщины (п. «а» ст. 8 Дополнительного протокола I); 6) гражданский медицинский и духовный персонал (ст. 20 Четвертой Женевской конвенции, ст. 15 Дополнительного протокола I); 7) парламентареры; 8) персонал организаций гражданской обороны (ст. 62 Дополнительного протокола I); 9) персонал, участвующий в операциях по оказанию помощи (ст. 71 Дополнительного протокола I); 10) гражданское население и

¹ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой. М., 2004. С. 342—344.

гражданские лица (Четвертая Женевская конвенция), в частности: а) гражданское население в целом — оно не может быть объектом нападений, должно иметь возможность получать необходимую помощь (ст.ст. 48—76, 68—71 Дополнительного протокола I); б) гражданские лица, попавшие во власть противной стороны по причине военного конфликта или оккупации территории (ст.ст. 4, 27—141 Четвертой Женевской конвенции)¹; 11) лица, лишённые свободы, задержанные или интернированные (ст.ст. 41, 42, 79—135 Четвертой Женевской конвенции, ст. 75 Дополнительного протокола I); 12) население оккупированных территорий (ст.ст. 47—78 Четвертой Женевской конвенции, ст.ст. 63, 69 Дополнительного протокола I); 13) женщины и дети (ст.ст. 76—78 Дополнительного протокола I); 14) иностранцы, беженцы и апатриды на территории одной из сторон в конфликте (ст.ст. 35—46 Четвертой Женевской конвенции, ст. 73 Дополнительного протокола I).

В условиях внутригосударственного вооруженного конфликта МГП предусматривает пять категорий покровительствуемых лиц: 1) все люди без исключения, которым предоставляются основные гарантии (ст. 3, общая для Женевских конвенций, ст. 4 Дополнительного протокола II); 2) гражданское население (ст.ст. 13, 14 Дополнительного протокола II); 3) лица, лишённые свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом (ст. 5 Дополнительного протокола II); 4) раненые, больные и потерпевшие кораблекрушение (ст.ст. 7, 8 Дополнительного протокола II); 5) медицинский и духовный персонал (ст. 9 Дополнительного протокола II).

Таким образом, к зонам *интенсивного* правового регулирования МГП могут быть отнесены защита покровительствуемых лиц/жертв войны (раненых, больных, военнопленных, гражданского населения); применение средств и методов ведения вооруженной борьбы; защита культурных ценностей и др. К зоне *неинтенсивного* регулирования могут быть отнесены охрана прав комбатантов, отдельных объектов и местностей и др.

Ограничения в применении воюющими сторонами средств и методов ведения вооруженной борьбы. Одной из важнейших задач

¹ Граждане какого-либо нейтрального государства, находящиеся на территории одного из воюющих государств, и граждане какого-либо союзника воюющего государства не будут рассматриваться в качестве покровительствуемых лиц до тех пор, пока государство, гражданами которого они являются, имеет нормальное дипломатическое представительство при государстве, во власти которого они находятся (ст. 4 Четвертой Женевской конвенции).

МГП является исследованием целого комплекса юридических норм, регулирующих правомерное применение вооруженной силы в случае вооруженного конфликта¹. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г. содержит часть 3 раздела I «Методы и средства ведения войны». Однако нормы этого раздела (ст.ст. 35—47) требуют внимательного изучения и исследования с учетом развития современных вооружений, с одной стороны, и уровня развития науки международного права — с другой.

В ст. 36 Дополнительного протокола I содержится норма, которая гласит, что при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны государства обязаны «определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещение» норм международного права. Статья носит самый общий характер, а решение вопроса предоставляется самим суверенным государствам.

Под *средствами ведения вооруженной борьбы* следует понимать оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами воюющих для нанесения вреда и поражения противнику². К запрещенным

¹ Участие Вооруженных Сил СССР и Российской Федерации в вооруженных конфликтах может быть классифицировано следующим образом: а) поддержка одной из сторон вооруженного противостояния путем поставок ей вооружения и военной техники (большая часть национально-освободительных движений); б) непосредственное участие войск (сил) в ведении боевых действий внешнего или внутреннего характера (Китай, Афганистан, Корея, Вьетнам, Египет, Эфиопия, Чечня и др.); в) участие в ограниченных по времени военных действиях штатными соединениями Вооруженных Сил (Венгрия, Чехословакия); г) косвенное участие в боевых действиях составами военных советников и специалистов (Ирак, Ливия, Ливанский кризис (1982 г.) и др.); д) участие в вооруженном инциденте в качестве сдерживающей силы или «силы устрашения» (Суэцкий (1956 г.) и Карибский (1962 г.) кризисы); е) участие в составе миротворческих сил (Таджикистан, Босния, Абхазия и др.); ж) участие в приграничных вооруженных столкновениях (конфликты с Китаем (1969—1972 гг.); з) участие отдельных граждан в качестве наемников (несанкционированное участие) в бывшей Югославии, Нагорном Карабахе, Чечне (Усиков А.В., Яременко В.А. Указ. соч. С. 4).

² В Положении о транзите вооружения, военной техники и военного имущества через территорию Российской Федерации (п. 2), утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2000 г., понятия «вооружение» и «военная техника» определяются как комплексы различных видов оружия и средств обеспечения его боевого применения, в том числе средств доставки, системы наведения, пуска, управления, а также другие специальные технические средства, предназначенные для оснащения вооруженных сил, боеприпасы и их компоненты, запасные части, приборы и комплектующие изделия к приборам, учебное оружие (макеты, тренажеры и имитаторы различных видов вооружения и военной техники). Под «военным имуществом» понимаются системы обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил, материалы специального назначения и специальное оборудование для их производства, коллективные и индивидуальные средства защиты от оружия массового поражения, средства профилактики и лечения последствий применения оружия массового поражения, специальное тыловое оборудование, военная форма одежды и ее атрибуты.

средствам МГП относят те, которые причиняют излишние страдания своими поражающими свойствами: а) пули, легко разворачивающиеся или сплюсывающиеся в человеческом теле; б) снаряды весом менее 400 граммов, начиненные взрывчатыми или горючими веществами; в) яды или отравленное оружие; г) снаряды, имеющие единственное назначение — распространять отравляющие вещества; д) удушающие и другие ядовитые газы и бактериологические средства; е) бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие; ж) средства воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда; з) конкретные виды обычного оружия неизбирательного действия и оружия, использование которого вызывает чрезмерные повреждения или страдания.

Под *методами ведения вооруженной борьбы* следует понимать порядок использования средств ведения вооруженной борьбы для уничтожения живой силы и военной техники противника¹. В международном гуманитарном праве четко проводится различие между вероломством² и военными хитростями. В отличие от вероломства *военные хитрости* считаются правомерными и означают любое действие, не являющееся в конечном счете вероломным, но направленное на то, чтобы ввести противника в заблуждение или вынудить его действовать опрострачиво (п. 2 ст. 37 Дополнительного протокола I)³.

Анализ норм, содержащихся в ст.ст. 35, 53, 75, 85 Дополнительного протокола I, позволяет выделить следующие группы запре-

¹ К сожалению, в Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном приказом министра обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г., содержится указание на способы (методы) ведения боевых действий (ст. 7), что вносит терминологическую путаницу.

² Примерами вероломства (как это предусмотрено в ст. 37 Дополнительного протокола I) могут служить следующие действия: а) симулирование намерения вести переговоры под флагом перемирия; б) симулирование капитуляции; в) симулирование выхода из строя вследствие ранения или болезни; г) симулирование обладания статусом гражданского лица или некомбатанта; д) симулирование обладания статусом, предоставляющим защиту, путем использования знаков, эмблем или форменной одежды Организации Объединенных Наций, нейтральных государств или других государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте. Однако симуляция имеет целью лишь введение в обман, заблуждение, поэтому обязательной составляющей вероломства, безусловно, должны быть последующие действия, для осуществления которых и применялась симуляция.

³ Примерами военных хитростей могут служить следующие действия: а) маскировка (природная, с использованием красителей, сеток, дыма); б) проведение мероприятий по активной маскировке (ложные цели, отвлекающие удары); в) демонстративные действия, ложные операции; г) дезинформация, ложная информация; д) использование технических средств (электронных, средств связи) (Мулинен Ф. де. Право войны. Руководство для вооруженных сил. М., 1993. С. 116—117).

щенных методов ведения вооруженной борьбы: 1) направленные против комбатантов противника¹; 2) направленные против гражданского населения²; 3) направленные против объектов³; 4) направленные против собственности⁴.

В арсенале средств, к которым может обращаться Россия с целью установить факты нарушений МГП, числятся: система защитных полномочий, специальная процедура расследования, институт Держав-покровительниц, субституты (МККК). Конвенциональный институт индивидуальной ответственности за нарушения норм МГП кодифицирован в Римском статуте МУС. Вместе с тем, международные судебные учреждения могут осуществлять юрисдикцию лишь на условиях субсидиарности (дополнительности), когда «не срабатывает» или разрушена национальная судебная система; при этом эффективность национальных правовых и судебных систем, основанная на нюрнбергской юриспруденции, противостоит международному правосудию.

Выполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере международного гуманитарного права. Правомерное поведение государств и иных субъектов международного права, направленное на осуществление целей международных норм и выражающееся в их соответствующих действиях или в воздержании от таких действий, составляет процесс, обозначаемый в международ-

¹ В частности: а) предательское убийство или ранение лиц, принадлежащих к войскам противника; б) убийство парламентаря и сопровождающих его лиц (трубача, горниста, барабанщика); в) убийство или ранение лиц неприятеля, которые, сложив оружие или не имея возможности защищаться, сдались в плен; г) нападение на лиц, вышедших из строя вследствие болезни или ранения, а также на лиц, покинувших терпящий бедствие летательный аппарат (за исключением лиц, относящихся к воздушно-десантным войскам); д) принуждение лиц противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны; е) отдание приказа не оставлять никого в живых, угрожать этим или вести военные действия на этой основе; ж) взятие заложников.

² В частности: а) осуществление геноцида, апартеида; б) террор в отношении местного населения; в) использование голода среди гражданского населения.

³ В частности: а) атака, бомбардировка или уничтожение санитарных учреждений, госпитальных судов (санитарных транспортов), санитарных самолетов, имеющих надлежащие отличительные знаки; б) бомбардирование военными самолетами, морскими кораблями незащищенных городов, портов, селений, жилищ, исторических памятников, храмов, госпиталей при условии, что они не используются в военных целях; в) уничтожение культурных ценностей, исторических памятников, мест отправления культа и т. д., составляющих культурное или духовное наследие народа, а также их использование для обеспечения успеха в военных действиях.

⁴ В частности: а) истребление или захват неприятельской собственности, кроме случаев, когда такие действия вызываются военной необходимостью; б) захват судов, предназначенных для берегового рыболовства или потребностей местного мореплавания; госпитальных судов, а также судов, выполняющих научные и религиозные функции; в) разграбление города или местности.

но-правовой науке и практике как *имплементация норм международного права*¹. Международное право в целом, за исключением тех норм, которые адресованы международным организациям², реализуется с помощью внутригосударственного права. Нормы МГП налагают обязательства на государство в целом, а не на отдельные его органы или должностных лиц. Законодательство Российской Федерации призвано конкретизировать международно-правовые обязательства, определяя органы государства (и должностных лиц), ответственные за выполнение норм МГП. Имплементацию норм МГП призваны обеспечивать нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, административного и военного права Российской Федерации.

МГП обязывает государства обеспечить безусловное соблюдение всех его норм, для чего предпринять различные меры правового, организационного характера, меры по обучению и распространению знаний и др. (всего более 40).

Мерами правового характера являются: а) принятие законов и постановлений в целях обеспечения применения норм МГП (ст. 48 Первой Женевской конвенции; ст. 49 Второй Женевской конвенции; ст. 128 Третьей Женевской конвенции; ст. 145 Четвертой Женевской конвенции; ст. 84 Дополнительного протокола I); б) установление запретов на использование частными лицами, фирмами и компаниями защитных эмблем и знаков (ст.ст. 53—54 Первой Женевской конвенции; ст.ст. 43—45 Второй Женевской конвенции); в) разработка специальной судебной процедуры для определения статуса лиц, в отношении которых имеются сомнения в их статусе военнопленных и, следовательно, в возможности предоставления соответствующей защиты (ст. 5 Первой Женевской конвенции; ст. 45 Дополнительного протокола I); г) определение перечня лиц, принадлежащих к личному составу вооруженных сил, утверждение званий и должностей военнослужащих, конкретизация категорий лиц, пользующихся защитой международного гуманитарного права (ст. 13 Первой Женев-

¹ Термин «имплементация» получил широкое распространение в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и ее органов, во многих международных конвенциях и других международно-правовых актах и буквально означает «претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой», «обеспечение практического результата и фактического выполнения конкретными средствами».

² Эти нормы для своей реализации могут нуждаться в дополнительных нормах, регулирующих внутреннюю деятельность организации (т. е. нормах внутреннего права международной организации).

ской конвенции; ст. 13 Второй Женевской конвенции; ст. 43 Третьей Женевской конвенции); д) меры по реализации права военнопленных на переписку, получение посылок и денежных переводов (освобождение от уплаты таможенных, почтовых, транспортных и других сборов), денежного довольствия (ст.ст. 58—65, 70—74 Третьей Женевской конвенции) и др.

Мерами организационного характера, принимаемыми в мирное время, являются: а) размещение военных объектов, насколько это возможно, вне густонаселенных районов (ст. 58 Дополнительного протокола I); б) всесторонний учет особенностей размещения (проектирования, строительства, защиты) и обозначения установок и сооружений, содержащих опасные силы (атомные электростанции, плотины, дамбы и др.) (ст. 56 Дополнительного протокола I); в) размещение медицинских учреждений и формирований таким образом, чтобы они, по возможности, не подвергались опасности в случае нападения на военные объекты (ст. 19 Первой Женевской конвенции); г) использование отличительных эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца для обозначения медицинских учреждений и формирований, санитарных транспортных средств и их личного состава (ст.ст. 38—44 Первой Женевской конвенции; ст.ст. 41—45 Второй Женевской конвенции; ст. 18 Четвертой Женевской конвенции); д) разработка для опознавания медицинских учреждений и формирований специальных световых, радио- и электронных сигналов необязательного использования (Дополнительный протокол I, приложение 1, ст.ст. 5—8); е) разработка удостоверений личности медицинского персонала и персонала, приданного вооруженным силам (ст. 40 Первой Женевской конвенции; ст. 42 Второй Женевской конвенции); ж) определение порядка использования и опознавания санитарных летательных аппаратов, а также меры по их защите (ст.ст. 24—31 Дополнительного протокола I); з) подготовка данных о госпитальных судах для сообщения сторонам в конфликте (регистрационный брутто-тоннаж, длина от носа до кормы, число мачт и труб и др.) (ст.ст. 22, 24, 25 Второй Женевской конвенции); и) разработка механизма создания и деятельности санитарных зон и местностей для раненых и больных военнослужащих (ст. 23 Первой Женевской конвенции), санитарных и безопасных зон и местностей для гражданского населения (ст. 14 Четвертой Женевской конвенции); к) утверждение правил

регистрации и погребения погибших и умерших военнослужащих (в том числе в море), оказавшихся во власти противника (ст.ст. 16—17 Первой Женевской конвенции; ст.ст. 19—20 Второй Женевской конвенции); л) организация службы регистрации могил (ст. 120 Третьей Женевской конвенции); м) введение в войсках должностей юридических советников, определение их функциональных обязанностей, распределение ответственности с командованием за принимаемые решения (ст. 82 Дополнительного протокола I); н) определение порядка использования органов гражданской обороны для решения гуманитарных задач (ст. 63 Четвертой Женевской конвенции; ст.ст. 61—67 Дополнительного протокола I); о) учреждение Национального справочного бюро по делам военнопленных и гражданских лиц, а также службы по розыску пропавших лиц, определение порядка их деятельности (ст.ст. 122—124 Третьей Женевской конвенции; ст.ст. 136—141 Четвертой Женевской конвенции; ст.ст. 33, 78 Дополнительного протокола I); п) регламентация процедуры предоставления военнопленным свободы «под честное слово» (ст. 21 Третьей Женевской конвенции) и др. Организационные меры, принимаемые в случае вооруженного конфликта, определяются теми нормами МГП, которые регламентируют вопросы контроля и обязанности государств.

На различных уровнях необходимо принимать *меры по распространению знаний* об МГП как среди личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, так и среди гражданского населения (ст.ст. 47, 48, 127, 144 четырех Женевских конвенций, ст. 83 Дополнительного протокола I, ст. 19 Дополнительного протокола II). Меры по распространению знаний включают в себя: а) подготовку различных категорий служащих органов государственного и военного управления, военнослужащих и гражданского населения к принятию решений с соблюдением норм международного гуманитарного права (ст. 47 Первой Женевской конвенции; ст. 48 Второй Женевской конвенции; ст. 127 Третьей Женевской конвенции; ст. 144 Четвертой Женевской конвенции; ст. 82 Дополнительного протокола I), что влечет изменение большого числа инструкций, положений, типовых правил и др.; б) установление ответственности за незнание должностными лицами норм международного гуманитарного права, их невыполнение и непринятие мер по их выполнению подчиненными службами (ст.ст. 86—87 Дополнительного протокола I) и др.

§ 4. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕБЫВАНИЯ ВОЙСК ЗА ГРАНИЦЕЙ И МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Международно-правовое положение войск и военнослужащих за границей определяется комплексной системой правовых норм, состоящей из универсальных и региональных международных договоров, законодательства страны, предоставившей воинский контингент, и национального законодательства государств, принимающих войска.

Правовыми основами размещения войск за границей являются международные договоры, заключаемые в рамках реализации ст.ст. 1, 2, 51, 52 и 102 Устава ООН и Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г., Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., Хельсинского Заключительного Акта от 1 августа 1975 г., а правовой основой непосредственного размещения воинских контингентов является двусторонний международный договор субъектов международного права, заключаемый с целью защиты суверенитета и безопасности государства флага и государства пребывания на длительный срок и включающий нормы о привилегиях и иммунитетах военного объекта и лиц, входящих в его состав¹. Договоры о размещении военных баз должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, гарантировать уважение суверенитета государств, принимающих войска, соблюдение прибывшими войсками национального законодательства, традиций, невмешательство во внутреннюю и внешнюю политику этих стран, неприменение в отношении их силы или угрозы силой. При этом нормы национального права государства пребывания и государства флага служат вспомогательным источником правового регулирования и не должны противоречить содержащимся в договорах нормам.

¹ Например, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия (Москва, 7 апреля 2010 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан (2012 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики (2012 г.) и др.

Традиционно, если речь идет о размещении войск за границей, то используется термин «военная база», под которым, как правило, понимается комплекс технических и иных средств, обеспечивающих поддержание в готовности определенного рода вооруженных сил на занятой территории¹. В практике заключения международных договоров этот термин рассматривается, прежде всего, не как правовая категория, а как военно-техническое определение, которое не влияет на существо соглашения о военной базе. Кроме того, используется ряд смежных понятий, таких как «место дислокации», «полигон», «опорный пункт». Но в эпоху глобализации правовое регулирование вопросов, которые связаны с функционированием военных баз за рубежом, с позиций современного международного права требует выработки нового определения понятия через установление признаков, присущих военной базе, и путем определения основных элементов, характеризующих «военную базу» как таковую. Можно утверждать, что любая военная база состоит из трех элементов: персонального — воинских формирований, обладающих особым правовым статусом; территориального — участка территории, отводимого под военную базу, в пределах которого ограничивается территориальное верховенство государства пребывания; имущественного — движимого и недвижимого имущества базы, имеющего специальный правовой режим². Кроме этого, находясь за границей, воинские подразделения выполняют оборонительно-гарантийные, специальные и представительские функции, в связи с чем можно выделить основные функциональные признаки военной базы. Деятельность «базы» осуществляется от имени и в интересах Российской Федерации в составе Министерства обороны Российской Федерации. Выполнение публичных функций реализуется в соответствии с международным и внутригосударственным правом, установленной в Российской Федерации компетенцией (например, в части управления воинскими формированиями, входящими в ее состав).

Таким образом, можно сказать, что военная база представляет собой государственный орган, учреждаемый для обеспечения инте-

¹ Российская Федерация имеет действующие военные базы в девяти государствах: Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии (Приднестровье), Сирии, Таджикистане, Южной Осетии.

² *Сильвестрова О.И.* Международно-правовой режим военных баз Российской Федерации за рубежом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 5.

ресов Российской Федерации в области безопасности на иностранной территории¹.

При характеристике содержания международно-правового режима военной базы следует учитывать две юридические концепции — концепцию юрисдикции флага и концепцию юрисдикции территории.

В отношении базы и ее сотрудников действует одновременно юрисдикция государства флага и юрисдикция государства пребывания, а это вызывает различные правовые коллизии, связанные с неопределенностью в решении вопроса о том, какая из юрисдикций имеет приоритет в той или иной ситуации. Смешанное регулирование режима военных баз, таким образом, делает весьма актуальной проблему определения природы и пределов юрисдикции обоих государств, соотношения норм их внутреннего законодательства с нормами международного договора о военной базе. Решению коллизионных вопросов, порождаемых столкновением юрисдикций, должна способствовать их четкая регламентация в двухстороннем договоре.

Государство флага базы осуществляет на занимаемой территории эффективный контроль (права военной администрации, военного управления, юрисдикционные права и др.), что имеет специфические правовые последствия, главным из которых является обязанность соблюдать права человека на соответствующей территории. Теоретическое определение критериев осуществления эффективного контроля, его влияния на режим территории, переданной под размещение военной базы, необходимо для решения практических вопросов об ответственности государства в отношении обеспечения прав и свобод лиц на контролируемой территории.

Государство, в котором размещается военная база, предоставляет государству, которому принадлежит база, право на осуществление экстерриториальной юрисдикции. Объем экстерриториальной юрисдикции устанавливается международным договором. В зависимости от объема осуществления юрисдикции государством флага все многообразие форм размещения военных баз на территориях иностранных государств можно дифференцировать на два основных международно-правовых режима: «жесткий» и «мягкий». «Жесткий» режим предполагает исключительное распространение юрисдикции госу-

¹ Сильвестрова О.И. Указ. соч. С. 7.

дарства флага в отношении военной базы и ее персонала. «Мягкий» режим предполагает совместное осуществление юрисдикции направляющим и принимающим государствами. Выбор международно-правового режима военной базы осуществляется договаривающимися государствами и зависит от целей ее размещения, состояния взаимоотношений, политических мотивов и интересов договаривающихся государств¹. Экстерриториальная юрисдикция государства флага основана на персональном принципе.

Современные тенденции правового регулирования размещения военных баз базируются на признании того, что юрисдикция государства флага имеет строго выраженный функциональный характер. Юрисдикция государства флага обладает приоритетом над территориальной юрисдикцией государства пребывания при решении вопросов, связанных с режимом территории базы, осуществлением публично-правовых актов сотрудниками базы. Юрисдикция государства флага уступает территориальной юрисдикции государства пребывания при решении вопросов, связанных с частноправовыми отношениями базы и ее сотрудников. При этом военная база и ее сотрудники пользуются привилегиями и иммунитетами, которые представляют собой особые права и изъятия из территориальной юрисдикции государства пребывания. Данные привилегии и иммунитеты предоставляются преимущественно на договорной основе, в силу функциональной необходимости, имеют ограниченный характер. Если говорить о тенденциях развития обычно-правового регулирования иммунитетов при размещении военных баз, то можно отметить повсеместное признание за иностранными военнослужащими иммунитета от юрисдикции государства пребывания в делах, касающихся воинской дисциплины и внутренней организации базы, а также по отношению к действиям, предпринятым во исполнение их служебных обязанностей².

Вне зависимости от «жесткости» международно-правового режима представители военной базы обязаны уважать суверенитет и соблюдать законодательство страны пребывания, не допускать вме-

¹ Сильвестрова О.И. Указ. соч. С. 8.

² В соответствии со ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики (Бишкек, 20 сентября 2012 г.) «Объединенная российская военная база (курсив мой. — И. Х.) пользуется полным иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции Киргизской Республики...».

шательства во внутренние и внешние дела, не участвовать во внутренних конфликтах, не применять силу или осуществлять угрозу силой, не допускать прохождения специальной военной подготовки в местах своей дислокации гражданами третьих стран.

Таким образом, вопросы внутреннего функционирования иностранных войск в местах дислокации регулируются нормами права страны, предоставившей воинский контингент, а правоотношения, в которые вступают иностранные войска в период своего пребывания за границей, регулирующие: порядок применения иностранных войск в боевых действиях; проведение плановой учебно-боевой и оперативной подготовки; осуществление передвижений войск; выполнение полетов воздушных судов иностранного контингента в воздушном пространстве; порядок плавания их военных кораблей в территориальных и внутренних водах; пользование средствами связи, земельными участками; особый порядок ответственности, регламентируются нормами международного права и на их основе — законодательством страны пребывания.

Правовое положение военнослужащих, проходящих военную службу на военной базе, регламентируется нормами международного права, законодательством государств, предоставивших воинский контингент, и государства, принимающих войска¹. При этом военнослужащие, проходящие военную службу на территории иностранного государства, могут быть разделены на группы: проходящие военную службу в составе иностранных войск, находящихся на территории государств, принимающих войска; входящие в состав Коллективных миротворческих сил; проходящие службу в составе Коллективных сил по поддержанию мира; направленные в вооруженные силы стран в порядке военного сотрудничества (военные советники и специалисты); военные атташе; а также иностранные граждане, заключившие контракт о прохождении военной службы в вооруженных силах государств, предоставивших воинский контингент².

¹ Например, Протокол № 1 к Договору между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения 1995 г. (в редакции 2010 г.) фактически закрепляет «национальный режим» в отношении лиц, входящих в состав российской военной базы.

² Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в ст. 2 предусматривает прохождение военной службы иностранными гражданами — по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях.

Власти страны пребывания должны уважать правовое положение иностранных войск и принимать согласованные с органами военного управления этих войск меры, обеспечивающие нормальное их функционирование и безопасность. Иностранные военнослужащие проходят военную службу в составе войск на территории иностранного государства, как правило, в добровольном порядке. На них распространяется принятая в 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами государства, на территории которого они проживают. Правовое положение военнослужащих определяется международными договорами и национальными законодательствами государств. Личный состав вооруженных сил иностранного контингента обязан уважать и соблюдать традиции и обычаи населения. В случае нарушения национального законодательства иностранцы несут ответственность в соответствии с законами страны пребывания наравне с ее гражданами. Иностранцы имеют право на дипломатическую защиту со стороны своего государства. Государство может выслать иностранца-военнослужащего, если его действия противоречат интересам внутреннего порядка и безопасности страны. Согласно международным договорам иностранным военнослужащим предоставляются специальные права: носить установленную для них форму одежды, табельное оружие, находиться на охраняемых территориях. Кроме того, установлены пределы распространения на них юрисдикции принимающего государства (безопасность, охрана жизни и здоровья).

Специальный правовой статус военнослужащих в рамках международного военного сотрудничества или миротворческих операций определяется целью миссии вооруженных сил, поэтому юрисдикционный иммунитет военнослужащих может быть ограничен, а юрисдикция в отношении их распределена между посылающим и принимающим государствами в период несения службы на территориях других государств. Правовое положение вооруженных сил в работах по общему международному праву подробно рассмотрено в контексте общих тем, но вопросы юрисдикции и иммунитета обычно рассматриваются в отношении военнослужащих, дислоцированных на территориях других государств, в контексте международного военного сотрудничества или в рамках международных соглашений

и организаций, например Североатлантического договора (НАТО), Организации Объединенных Наций (ООН)¹. Однако «в целом такой уровень детализации и анализа можно найти только в работах ученых и военных юристов, занимающихся узкоспециализированной областью военного оперативного права»². Регулирование отношений по нахождению вооруженных сил в других государствах осуществляется по специальным документам — соглашениям о статусе сил, определяющим статус воинских контингентов и военнослужащих, положения которых применяются в соглашениях об участии контингентов Вооруженных Сил Российской Федерации в рамках международного военного сотрудничества.

В США Соглашения о статусе сил (the Status of Forces Agreement) — это двусторонние или многосторонние соглашения, в соответствии с которыми военнослужащие США действуют в другой стране и которые определяют то, как внутренние законы иностранной юрисдикции применяются к военнослужащим США. В них решается вопрос о том, какая страна может осуществлять уголовную и гражданскую юрисдикцию в отношении военнослужащих США, но часто предусматривается совместная юрисдикция США и принимающей страны, приводятся положения о ношении формы (униформы) и оружия, обеспечении помещениями и материалами, использовании радиочастот и др. В настоящее время США являются участником более ста таких соглашений согласно спискам договоров и других международных соглашений США³.

Юрисдикционный иммунитет государства — это одно из проявлений принципа суверенного равенства государств. Декларация о принципах международного права, относящихся к дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами в соответствии с Уставом ООН устанавливает, что все государства пользуются суверенным равенством, имеют одинаковые права и обязанности и юридически равны как члены международного сообщества. В отно-

¹ Fox, Hazel and Philippa Webb. *The Law of State Immunity*. 3d ed. Oxford University Press, 2013; URL: <https://brill.com/view/book/edcoll/9789004386242/BP000054.xml> (дата обращения: 01.07.2021).

² Oxford Bibliographies. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0191.xml> (дата обращения: 01.07.2021).

³ Status of Forces Agreement (SOFA). URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL34531.html#_Toc319586811 (дата обращения: 01.07.2021).

шении правового статуса военнослужащих эти вопросы решаются с учетом национального права.

Соглашения о статусе сил не являются соглашениями о взаимной обороне или безопасности и, как правило, не предусматривают проведение военных учений, так как являются соглашениями мирного времени, поэтому правила вооруженных конфликтов к ним не применяются в отличие от соглашений по участию во всех видах военных операций¹. Их отличие состоит в том, что положения международного гуманитарного права как часть обычного международного права обязательны для всех государств и вооруженных сил, вовлеченных в вооруженный конфликт и в миротворческие операции за пределами территорий их государств, а в соглашениях о статусе сил применимое право состоит также из различных отраслей и норм права отправляющего государства и права принимающего государства в сочетании, достигнутом сторонами при их заключении. При этом нормы МГП начинают действовать с началом миротворческой операции, а условия соглашения о статусе сил — с момента пересечения государственной границы военным контингентом направляющего государства. Это правила фактического развертывания вооруженных сил, которые вместе составляют военное операционное право — «внутреннее, иностранное и международное право, связанное с планированием и проведением военных операций в мирное время или в боевых действиях»². Данные правила формулируются также в доктринах оперативного права военных операций — источниках права.

Например, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе военной базы на территории Республики Таджикистан от 5 октября 2012 г. ратифицировано Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 68-ФЗ и основано на Договоре о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г.³ Согласно ст. 13 Соглашения лица из числа личного состава российской военной базы и члены их семей неприкосновенны и без согласия уполномоченного органа Рос-

¹ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 3. С. 57 — 63.

² Agreement for the Training in Canada of Personnel of the Armed Forces of Nigeria; Lagos, 3 July 1963, Vol. 529 UNTS 1965. №. 7656.

³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902383806> (дата обращения: 01.07.2021).

сийской Стороны эти лица не подлежат задержанию, за исключением случаев задержания их на месте совершения преступления.

Согласно ст. 16 названного Соглашения возмещение ущерба, причиненного юридическим или физическим лицам Республики Таджикистан, если этот ущерб был причинен в результате действий личного состава российской военной базы, членов их семей, осуществляется в порядке, определенном законодательством Республики Таджикистан. В Соглашении не указано, в результате совершения каких видов деликтов (уголовно-правовых или гражданско-правовых) был причинен ущерб, но все вопросы его причинения регулируются законодательством Республики Таджикистан. При этом Таджикистанская Сторона не предъявляет Российской Стороне претензий, касающихся возмещения ущерба, нанесенного юридическим или физическим лицам, недвижимому имуществу, природным ресурсам, культурным и историческим ценностям Таджикистанской Стороны, за действия личного состава российской военной базы, совершенные при выполнении им задач по отражению внешней военной агрессии и ликвидации террористических вооруженных формирований. Из таких положений Соглашения можно сделать вывод о том, что распределение юрисдикции между сторонами Соглашения в основном произведено в пользу Республики Таджикистан недостаточно обоснованно.

Вопросы правового статуса военнослужащих военно-следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (ВСО СК РФ), проходящих военную службу в республиках Абхазия, Армения, Казахстан, Таджикистан, Южная Осетия и в Сирийской Арабской Республике, наделения их юридическим иммунитетом от уголовной и гражданской ответственности, анализ норм международных договоров Российской Федерации со странами пребывания российского ограниченного контингента подробно рассмотрены А.О. Осиповым¹. Соглашение о статусе сил и иммунитета российского военного контингента в базовом Соглашении о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, которое было ратифицировано Федеральным законом от 1 декабря 2009 г. № 209-ФЗ, представляет как теоретический,

¹ Осипов А.О. Вопросы правового статуса военнослужащих следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, проходящих военную службу за ее пределами // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 2. С. 68—73.

так и практический интерес. В нем приведены определения: «формирования сил и средств системы коллективной безопасности», «статус формирований», т. е. «статус сил» и «личный состав формирований», в которых военнослужащие ВСО СК РФ не указаны. В определениях понятий «формирования сил и средств системы коллективной безопасности» и «личный состав формирований» указание на категорию «военнослужащий» лишь предполагает, что оно в равной степени относится к военнослужащим ВСО СК РФ и к другим служащим.

Как верно указано, с 1 января 2017 г. в соответствии с внесенными в Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» изменениями военнослужащие ВСО СК РФ, ранее включенные в штатную численность Вооруженных Сил Российской Федерации, других воинских формирований и органов, переведены для дальнейшего прохождения службы в ВСО СК РФ, в котором с указанного времени предусмотрено прохождение военной службы. Основы правового положения военнослужащих ВСО СК РФ определены Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» и Федеральным законом от 28 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Военнослужащие ВСО СК РФ проходят военную службу в местах дислокации ограниченного воинского контингента Российской Федерации, в том числе и в указанных выше республиках.

Данные военнослужащие не могут быть включены в перечень лиц, относящихся к «формированиям сил и средств системы коллективной безопасности» и «личному составу формирований», указанных в Соглашении о статусе формирований, сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в целях наделения их иммунитетом от уголовной и гражданской ответственности, за исключением ответственности по ряду вещных исков. Например, военнослужащие ВСО СК РФ, проходящие военную службу в Киргизской Республике, «специального правового статуса не имеют и приравнены к гражданам Российской Федерации, постоянно (или временно) проживающим на территории Киргизской Республики»¹, что, возможно, связано с их служебным статусом.

Заключенный Российской Федерацией с Республикой Армения договор о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Феде-

¹ *Осипов А.О.* Указ. соч. С. 72.

рации, находящихся на территории Республики Армения, не наделяет военнослужащих ВСО СК РФ каким-либо статусом. Вместе с тем, действие любого должностного лица государственного органа, в том числе военнослужащих ВСО СК РФ, рассматривается как деяние Российской Федерации по международному праву независимо от того, какие функции они осуществляют, и от положения, которое они занимают в системе государства, поэтому наделение военнослужащих ВСО СК РФ иммунитетом от уголовной и гражданской ответственности, за исключением ряда вещных исков, недопустимо. В отношении сотрудников ФСБ России эти положения могут быть применены в зависимости от функции, выполняемой сотрудником, поскольку в Республике Таджикистан несут военную службу военнослужащие Группы Пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан, т. е. в составе боевого, а не вспомогательного контингента Вооруженных Сил Российской Федерации.

Опыт США и других стран показывает, что в вопросах международных соглашений о статусе сил допустимы и могут быть применены иные подходы, в том числе в отношении миротворческих операций.

Миротворчество относится к сложнейшей политической деятельности, связанной с использованием всех возможностей мирной дипломатии, невоенных средств, а нередко многонациональных вооруженных сил в сфере контроля над конфликтами как внутри суверенных государств, так и между ними.

В настоящий момент накоплен значительный практический опыт проведения миротворческих операций, однако нормативно-правовые основы данного вида деятельности ООН продолжают вызывать споры среди субъектов международного права. Несмотря на то что Устав ООН содержит положения, являющиеся правовой основой миротворческой деятельности, единый документ, в котором бы интегрировались концептуальные и практические аспекты проведения миротворческих операций ООН, в настоящее время отсутствует, хотя отдельные положения, касающиеся миротворчества, можно найти в различных документах ООН, принятых в разные периоды¹.

¹ Сазонова К.Л. Правовые аспекты применения вооруженной силы в миротворчестве Организации Объединенных Наций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

Сложность состоит в том, что в самом Уставе ООН термины «операция по поддержанию мира» или «операция по принуждению к миру», равно как и «миротворчество», отсутствуют, что делает актуальным анализ документов ООН, затрагивающих различные аспекты миротворческой деятельности.

Интерес к миротворчеству ООН связан с появлением в научных исследованиях таких терминов, как «превентивные миротворческие операции», «превентивная самооборона», «превентивная самозащита», затрагивающих различные аспекты осуществления миротворческой деятельности¹.

Важным элементом миротворческой концепции ООН является взаимодействие ООН и региональных организаций в сфере миротворчества. В этой связи одной из важнейших проблем сегодня является вопрос о разграничении компетенций и возможности проведения операций по поддержанию мира или операций по принуждению к миру со стороны региональных организаций под контролем и с санкции Совета Безопасности ООН².

Миротворчество включает в себя широкий спектр операций, главной целью которых является содействие миру, безопасности, борьбе с международным терроризмом.

Правовое регулирование применения вооруженной силы при реализации миротворческой функции ООН осуществляется на основе Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1988 г. 43/51 «Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области», Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. 36/103 «Декларация о недопустимости

¹ Бигуаа Б.Г. Вооруженные силы превентивных миротворческих операций // Вестн. Моск. гос. открытого ун-та. 2003. № 4. С. 114—118; *Его же*. Превентивные миротворческие операции. М., 2003. 102 с.; Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженных сил государствами, как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Моск. журн. междунар. права. 2004. № 4. С. 45—58.; Котляр В.С. Право на превентивную самооборону и современное международное право // Государство и право. 2005. № 10. С. 75—83.

² Айманбетова А.С. Региональные организации коллективной безопасности. М., 2004. 223 с.; Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002. 312 с.; Самойлов К.А. Роль региональных организаций в обеспечении безопасности в Европе. СПб., 1996. 170 с.; Сидоров В.В. Мирное разрешение местных споров в региональных организациях (по Уставу ООН). Роль международного права в современной внешней политике. М., 1990. 165 с.; Штайнигер П. ООН и проблема региональной безопасности. ООН. Итоги. Тенденции. Перспективы. М., 1978. 120 с.; Эмин В.Г. Региональные конфликты и международные организации. М., 1991. 73 с.

интервенции и вмешательства во внутренние дела государств», Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 ноября 1987 г. 42/22 «Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях».

Необходимо также отдельно выделить документы, содержащие важные для миротворческой деятельности ООН положения. Во-первых, для развития миротворчества значима Резолюция Генеральной Ассамблеи 2006 (XIX) «Об учреждении (специального комитета по операциям по поддержанию мира» от 18 февраля 1965 г., в названии которой впервые употреблен термин «операции по поддержанию мира». Кроме того, данная Резолюция санкционировала появление отдельного органа, известного как «Комитет 34» (по числу входящих в него стран), ответственного за операции по поддержанию мира.

Большой резонанс имело заявление Председателя Совета Безопасности ООН от 3 мая 1994 г. 1994/22 «Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира», а также «Дополнение к Повестке дня для мира» от 25 января 1995 г. В данных документах впервые были закреплены и классифицированы ключевые термины сферы миротворчества¹.

Необходимо также отметить Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», содержащую семь из десяти основополагающих принципов международного права, которые составляют основу миротворческой концепции ООН и фундамент всего международного права в целом.

Среди документов, изданных Департаментом операций по поддержанию мира, необходимо отдельно отметить следующие пособия: «Ten Rules: Code of Personal Conduct For Blue Helmets»², а также «United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines»³, в которых содержатся общие начала учреждения и проведения миротворческих операций ООН. Необходимо отметить, что перечисленные документы, являющиеся нормативно-правовой основой миротворче-

¹ Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 13.

² URL: <https://police.un.org/en/ten-rules-code-of-personal-conduct-blue-helmets-1999> (дата обращения: 10.10.2020).

³ URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/capstone_eng_0.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

ской деятельности, носят рекомендательный характер. Лишь Устав ООН, уникальный документ, объединивший основные прогрессивные достижения в сфере международного права, накопленные к 1945 г., продолжает оставаться императивной правовой основой миротворческой деятельности. Но он мало в чем может помочь, когда речь идет о конфликтах внутри государства, межэтнических, межнациональных столкновениях, так как регулирует главным образом межгосударственные отношения, включая конфликты между странами¹.

Существуют различные классификации типов миротворческой деятельности, осуществляемой ООН. Автором одной из первых типологий стал Б. Бутрос-Гали. Его типология состоит из пяти компонентов: превентивная дипломатия, содействие миру, установление мира, поддержание мира и принуждение к миру². В доктрине также можно встретить типологию миротворческой деятельности ООН, основанную на делении не на пять частей, а на две, более общие: во-первых, не силовое миротворчество без использования вооруженной силы, к которому относятся превентивная дипломатия, миростроительство и средства мирного разрешения споров; а во-вторых, миротворчество, связанное с привлечением вооруженных контингентов, к которому можно отнести поддержание мира и принуждение к миру, при этом под «принуждением» понимаются «меры и действия с использованием вооруженных сил или военных наблюдателей, принимаемые Советом Безопасности ООН для поддержания мира или восстановления международного мира и безопасности»³.

Одним из разногласий субъектов международного права по поводу концептуального видения миротворчества ООН являются многочисленные терминологические расхождения. Как отмечают некоторые исследователи, существует проблема аутентичного перевода на русский язык терминов, касающихся миротворческой деятельности ООН. В документах ООН можно встретить ряд терминов, которыми обозначаются различные усилия ООН по поддержанию международного мира и безопасности: «предотвращение конфликтов» (conflict prevention), «превентивная дипломатия» (preventive diplomacy), «со-

¹ *Адамишин А.* На пути к мировому правительству // Россия в глобальной политике. 2002. № 1.

² *Boutros-Ghali.* Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking, and Peace — Keeping. New York: United Nations, 1992. P. 5.

³ *Хохлышева О.О.* Механизм международно-правового регулирования операций ООН по поддержанию мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.

хранение мира» (peacemaking), «поддержание мира» (peacekeeping), «принуждение к миру» (peace enforcement); «миростроительство» (peacebuilding)¹. Термин, который бы дословно переводился как «миротворчество», в английском языке отсутствует и является термином только русского языка, при этом иногда в отечественной доктрине понятием «миротворчество» обозначают как непосредственно всю деятельность ООН, связанную с поддержанием мира и безопасности, включая мирные средства разрешения споров, превентивную дипломатию, постконфликтное миростроительство, так и операции, связанные с применением силы. Точки зрения по этому вопросу различны.

Например, Ш. Брайерли основывает право на применение силы с учетом положений гл. 6 и 7 Устава ООН, предполагает также возможное создание ограниченных форм международных полицейских подразделений в особо опасных зонах и сохранение в этом процессе монополии за ООН. В.И. Федоров считает, что правовой основой всей миротворческой деятельности ООН и соответственно операций ООН по поддержанию мира является Устав ООН в целом и особенно его гл. 6, 7 и 8 со ст. 40, в соответствии с которой была проведена первая операция по поддержанию мира на Ближнем Востоке в 1947 г.² Подобного мнения придерживаются ряд ученых. Некоторые исследователи обосновывают проведение операций по поддержанию мира положениями Устава ООН, не входящими в гл. 7. В «Повестке дня для мира» Б. Бутрос-Гали операции по принуждению к миру отличаются от принудительных мер, предусмотренных гл. 7 Устава ООН, но, вместе с тем, специально рекомендуется создать подразделение по восстановлению мира и поддержанию прекращения огня на основе ст. 40 Устава ООН³.

Многие юристы-международники считают, что под действие гл. 7 подпадают только межгосударственные конфликты и что принудительные меры предпринимаются Советом Безопасности в целях подавления агрессора. Принуждение к миру во внутреннем конфликте не может проводиться с помощью мер по принуждению к миру, предусмотренных положениями гл. 7 Устава ООН. Обычно считается, что если нет согласия заинтересованных сторон, то операции

¹ United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines. UN, Department of Peacekeeping Operations, Department of Field Support. NY, 2008. P. 17—18.

² Федоров В.И. ООН и проблемы войны и мира М., 1998.

³ Boutros Ghali B. An Agenda for Peace. NY, 1992.

ООН с использованием вооруженных сил становятся принудительными (на основе решения Совета Безопасности в соответствии с гл. 7 Устава ООН)¹.

Таким образом, принудительные меры допустимо применять и в международных вооруженных конфликтах, и во внутренних спорах. Весьма распространенным является суждение, что юридическое определение операции по поддержанию мира можно найти в ст. 40 Устава ООН. Разумеется, первые попытки проведения операций по поддержанию мира Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН начались с выполнения временных мер, принятых в соответствии со ст. 40 Устава ООН. Но Э.Х. Арчага справедливо считает, что временные меры, о которых говорится в ст. 40, являются мерами, которые должны быть непременно выполнены враждующими сторонами по указанию Совета Безопасности. К ним относятся прекращение огня, отвод вооруженных сил, приостановление военных действий и достижение соглашения о перемирии. Напротив, операция по поддержанию мира — это такие действия, которые подлежат выполнению не участниками конфликта, а руководящими органами ООН. Следовательно, ст. 40 Устава ООН не является достаточным юридическим основанием для миротворческих операций. Хотя слова «Совет Безопасности должным образом учитывает невыполнение этих временных мер» подразумевают потенциальную возможность для жесткого контроля за их выполнением².

Некоторые юристы-международники пытаются обосновать законность операций по поддержанию мира только отдельными положениями гл. 6 Устава ООН, и в частности ст. 34, создающей предпосылки для проведения расследования обстоятельств конфликта в рамках миротворчества с четко определенной целью. Однако положения гл. 7 касаются только процедур, связанных с мирным разрешением споров. Операция же по поддержанию мира осуществляется, как правило, либо до, либо после введения в действие методов мирного разрешения споров, предусмотренных в гл. 6 Устава ООН. С.В. Черниченко справедливо считает, что «более правильным было

¹ Морозов Г.И. Международное право и международные отношения (проблемы взаимосвязи). М., 1997.

² Арчага Э.Х. Современное международное право. М., 1983. С. 202.

бы признать, что любые операции ООН, связанные с использованием вооруженных сил, должны соответствовать положениям главы 7 Устава ООН»¹.

Кроме того, многие отечественные юристы признают, что операции по поддержанию мира классифицируются как действия и меры с использованием вооруженных сил или военных наблюдателей, предпринимаемые Советом Безопасности для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. А это соответствует всем мерам, перечисленным в ст. 7 Устава ООН².

Военные наблюдатели ООН относятся к особой группе военнослужащих, находящихся под командованием и руководством Главного военного наблюдателя, который взаимодействует непосредственно с центральными учреждениями ООН. Военные наблюдатели ООН не вооружены. Совет Безопасности ООН учреждает специальные миссии по наблюдению, к военным задачам которых относятся: осуществление контроля, подтверждение прекращения огня и наблюдение за прекращением огня и отводом войск к международно-признанным границам, предотвращение нарушений границ; наблюдение за демилитаризацией районов в сотрудничестве с УВКБ; наблюдение на любыми враждебными действиями, исходящими с территории одного государства и угрожающими другому; расследование сообщений о нарушениях прекращения огня; контроль за выполнением соглашений о разоружении и демобилизацией комбатантов; предоставление добрых услуг по осуществлению мирных соглашений; оказание политических услуг по связи и координации, которые могли бы способствовать оперативной гуманитарной помощи; наблюдение за действиями сил по поддержанию мира; наблюдение за добровольным и безопасным возвращением беженцев и перемещенных лиц в свои дома; наблюдение за разминированием территории и содействие ему. Примечательно, что Российская Федерация входит в первую десятку по количеству военных наблюдателей в ООН.

Операции по поддержанию мира могут также представлять собой комбинированное явление, например использование гражданского персонала наряду с военным³. Также показательным является то, что

¹ Черниченко С.В. Правовое обоснование операций по восстановлению международного мира и безопасности (опыт и проблемы). Аналитическая разработка. М., 1995. С. 10.

² Федоров В.И. Указ. соч. С. 212—214.

³ Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 75.

название «миротворцы ООН» возникло не сразу, в разное время использовались наименования «стража ООН», «полевые кадры ООН», «легион ООН», «международные полицейские силы ООН», «чрезвычайные вооруженные силы ООН», «вооруженные силы по поддержанию мира». Только в 1988 г. после формирования «Комитета 34» термин «операции по поддержанию мира» был закреплен окончательно.

Рассматривая правовые основы миротворчества, необходимо обратить внимание на руководство «Десять правил: кодекс поведения «голубых касок», изданное Секретариатом ООН в 1998 г.¹ В этом документе сформулированы приоритетные задачи миротворца. Согласно данному документу к ним относятся: уважение правовой системы той страны, куда миротворцы прибыли с миссией, приоритет прав человека, а также нераспространение любой информации, которая может негативно сказаться на репутации ООН. Последнее представляется особенно важным, так как, по сути, эффективность миротворчества напрямую связана с авторитетом ООН в той или иной стране. В пособии «Общая доктрина», изданном Секретариатом ООН в 2008 г., определяются базовые принципы проведения миротворческих операций: «согласие сторон; беспристрастность; неприменение силы, за исключением случаев самообороны и защиты мандата»². Понятие «защита мандата» определяется тем, что развертывание операций по поддержанию мира происходит в нестабильных зонах, характеризующихся наличием криминальных групп, которые могут помешать миротворческому процессу или представлять угрозу гражданскому населению. В таких условиях Совет Безопасности дает миротворческой операции «жесткий мандат» (*robust mandate*), в рамках которого «миротворцы могут принимать все необходимые меры, в том числе и связанные с применением силы»³. Поэтому любая миротворческая миссия, проводящая операцию, должна обладать определенным военным потенциалом, который должен обеспечиваться привлечением вооруженных контингентов.

¹ Ten Rules: Code of Personal Conduct For Blue Helmets. URL: <http://cdu.unlb.org/UNStandardsofConduct/TenRulesCodeofPersonalConductForBlueHelmets.aspx> (дата обращения: 01.09.2021).

² United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines. UN, Department of Peacekeeping Operations, Department of Field Support. NY, 2008. P. 28.

³ United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines. UN, Department of Peacekeeping Operations, Department of Field Support. NY, 2008. P. 29.

При проведении миротворческих операций должны соблюдаться принципы: законности — строгое и точное соблюдение норм международного гуманитарного права всеми органами военного управления, военнослужащими и гражданским персоналом; прогнозирования возможных неблагоприятных ситуаций, провокаций, которые могут повлечь насилие; своевременности принятия мер по предотвращению инцидентов; полной беспристрастности и нейтралитета миротворцев; ясности намерений — когда конфликтующие стороны полностью осознали цели и устремления миротворческих сил; признания легитимности власти местного правительства — означает, что развертывание миротворческих сил в какой-либо стране осуществляется на определенное время, по просьбе ее законной власти; гуманности — предполагающей уважение и защиту людей, непосредственно не принимающих участия в вооруженном конфликте, включая и лиц из состава вооруженных формирований, сложивших оружие; военной необходимости — права выбора любых, не запрещенных резолюциями и мандатами ООН, а также нормами международного гуманитарного права, способов выполнения поставленной задачи; различия между гражданским населением и комбатантами, гражданскими, культурными центрами и военными объектами.

12 августа 1999 г. вступил в силу Бюллетень Генерального секретаря ООН от 6 августа 1999 г. (Doc. ST/SGB/1999/13) «Соблюдение войсками ООН международного гуманитарного права», излагающий основополагающие принципы и нормы, которые должны применять войска, проводящие операции по поддержанию мира под командованием и/или контролем ООН¹.

Основные цели миротворческих операций: выявление конфликтных ситуаций на ранних стадиях их развития; использование средств дипломатии для ликвидации источников опасности до того, как произойдет вспышка насилия; непосредственно в ходе конфликта — осуществление усилий по поддержанию мира после заключения перемирия или по выполнению условий соглашений силами воинских контингентов; в рамках усилий по поддержанию мира — содействие сохранению статус-кво там, где боевые действия остановлены; восстановление институтов и инфраструктур в странах, пострадавших в результате военных конфликтов; установление

¹ Холиков И.В., Бояринцев В.В., Яковлев С.С. Указ. соч. С. 14—19.

мирных взаимовыгодных отношений между воевавшими нациями и народами.

К содержанию деятельности по поддержанию мира относятся: наблюдение и контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и других враждебных действий, демаркационных линиях и выводе войск; разьединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование их подразделений; производство инженерных и иных работ; содействие в решении проблемы беженцев; выполнение полицейских и других функций по обеспечению безопасности населения и соблюдению прав человека; оказание медицинской помощи, предоставление медикаментов, продовольствия, средств связи, транспортных и других материально-технических средств; контроль за проведением выборов; доставка грузов гуманитарной помощи; содействие процессу национального примирения; восстановление социальной, экономической и административной инфраструктуры государства.

Современные вооруженные конфликты чаще имеют внутригосударственный характер, и представителям миротворческих сил ООН приходится иметь дело не с воюющими странами, а с различными национальными, этническими, политическими и общественно-экономическими группировками в пределах одного государства или региона.

В апреле 2002 г. Россия подписала с Секретариатом ООН специальный меморандум об официальном присоединении к так называемой системе резервных соглашений.

Система резервных соглашений, которая объединяет страны — поставщики военного персонала ООН, предусматривает, что каждое присоединившееся к ней государство формирует специальные воинские соединения, обеспечивает их необходимым снаряжением и оружием, а также гарантирует их постоянную готовность к участию в миротворческих операциях, санкционированных Советом Безопасности ООН.

После того как Генеральный секретарь ООН направит официальный запрос, в срок, не превышающий одну неделю, к месту проведения операции должны прибыть внесенные в так называемый дежурный список организации специально подготовленные офицеры-миротворцы. Две недели отводится для прибытия в назначенный район квартиреров — подразделений, обеспечивающих прием

основных сил миротворческого контингента. Для полного развертывания сил ООН быстрого реагирования дается один месяц¹.

Руководство миссией ООН возлагается на Специального представителя Генерального секретаря ООН.

При проведении операций по поддержанию мира под эгидой ООН статус военнослужащих закрепляется:

- а) в международных договорах, заключаемых ООН:
 - с государством, предоставляющим персонал для этой операции;
 - с государством, в котором проводится операция;
- б) в Мандате, выдаваемом Советом Безопасности ООН.

В целях подготовки военнослужащих Российской армии к участию в операциях по поддержанию международного мира и безопасности сформирована 15-я отдельная мотострелковая бригада. Ее бойцы могут входить в состав миротворческих контингентов по решению Президента Российской Федерации и в интересах СНГ, ООН, ОБСЕ, Совета Россия-НАТО и, при необходимости, ШОС.

В то же время Россия несет особую ответственность за сохранение безопасности на пространстве СНГ. Так, в Приднестровье в целях мирного урегулирования вооруженного конфликта и на основании соответствующего соглашения все еще находятся совместные миротворческие силы России и Молдовы. На сегодняшний день миротворческие задачи выполняют 441 военнослужащий от Российской Федерации, 453 военнослужащих от Республики Молдова, 490 военнослужащих от Приднестровской Молдавской Республики и 10 военных наблюдателей от Украины.

Основные задачи российского воинского контингента: обеспечение режима прекращения огня и безопасности в зоне конфликта; наблюдение за соблюдением условий перемирия и содействие поддержанию законности и правопорядка². Приднестровская Республика Молдова является единственным регионом на территории Восточной Европы, где после ввода миротворческого контингента военные действия были прекращены и не возобновлялись.

Кроме того, российские военнослужащие входят в миротворческий контингент Организации Договора о коллективной безопасности

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Указ. соч. С. 47—52.

² URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle (дата обращения: 20.06.2021).

сти. Этот контингент был сформирован в октябре 2007 г. Он предназначен, прежде всего, для участия в операциях по поддержанию мира на территориях государств — членов ОДКБ (по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ), а также за пределами этих государств (на основании Мандата, выдаваемого Советом Безопасности ООН)¹.

Военное миротворчество показало себя эффективным средством, но являющимся крайним в «арсенале» средств политического урегулирования. Результаты, достигнутые с использованием войск, часто оказываются весьма непопулярными в стране, в которую они были введены, и критически оцениваются мировым сообществом. Представляется, что для того, чтобы и постконфликтный процесс проходил компетентно и квалифицированно, в рамках международного права и накопленного международным сообществом опыта миротворческой деятельности, необходимо учитывать возможности использовать имеющийся опыт, творчески адаптируя его к конкретным условиям.

§ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Международный характер судоходства и военного мореплавания, сложность взаимоотношений между государствами в процессе морской деятельности стали объективной основой для создания единых правил на море и формирования современного международного морского права. Развитие международного морского права как совокупности юридических норм, регулирующих отношения в сфере морской деятельности государств, непосредственно связано с развитием судоходства, морской торговли, морского промысла, военного мореплавания, исследований континентального шельфа и других видов морской деятельности. Первоначально нормы международного морского права были нормами международных обычаев, которые, постепенно получая все большее признание, стали закрепляться в международных соглашениях. Позднее стали предприниматься попытки кодификации этих норм по отдельным аспектам отношений между государствами на море: охрана человеческой жизни на море, безопасность мореплавания, предупреждение

¹ URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm (дата обращения: 18.06.2021).

столкновения судов, особенности плавания в проливах и при подходах к портам и т. д.

Военное мореплавание¹ является важнейшей практической частью военно-морской деятельности государств в Мировом океане, которая регламентируется системой правовых принципов и норм международного права и национального законодательства, направленных на предотвращение возникновения при осуществлении военно-морской деятельности межгосударственных конфликтов, угрожающих международному миру и безопасности.

В соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года² военно-морская деятельность представляет собой целенаправленную деятельность государства по формированию и поддержанию военными методами благоприятных условий в Мировом океане для устойчивого развития Российской Федерации и реализации основных приоритетов ее национальной безопасности. Она является составной частью военной деятельности государства, осуществляемой в Мировом океане в целях предотвращения агрессии против Российской Федерации и в целях реализации ее национальных интересов, и относится к категории высших государственных приоритетов.

Военное мореплавание является сферой правового регулирования военного права и международного морского права, а международно-правовое регулирование военного мореплавания — объективно необходимый комплекс международно-правовых и национальных норм, позволяющий обеспечить применение сил Военно-Морского Флота вне зависимости от условий и района плавания (полетов) с учетом интересов и безопасности кораблей (судов) и летательных аппаратов государств³.

К основным угрозам международной морской безопасности в современном мире относятся: пиратство и захват судов, использование Мирового океана международными преступными и экстремистскими организациями в целях терроризма, наркоторговли, торговли людьми, контрабанды. Кроме того, дестабилизирующее

¹ Военно-морской словарь / под ред. В.Н. Чернавина. М., 1990. С. 256.

² Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327.

³ *Петров О.Ю.* Некоторые особенности международно-правовой регламентации военного мореплавания в территориальных водах и при заходе военного корабля (судна) в порт иностранного государства // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 9—10. С. 96—104.

действие могут оказывать низкоинтенсивные конфликты с участием иррегулярных морских вооруженных формирований, а иногда и обычных военно-морских сил, применяющих асимметричные тактики или работающих во взаимодействии с государственными или негосударственными организациями. Также к данному типу угроз можно отнести более «мягкие», не связанные с насилием угрозы, в числе которых нанесение ущерба окружающей среде морей и океанов, намеренный и незаконный сброс загрязняющих веществ, неурегулированное рыболовство, а также распространение инфекционных болезней¹ и деградация окружающей среды в результате различных аварий.

С падением биполярной системы мирового порядка угроза глобальной войны уступила место новым угрозам и вызовам, в том числе на море, которые, в свою очередь, обуславливают появление новых типов операций по обеспечению морской безопасности. Операции по обеспечению морской безопасности занимают промежуточное положение между морскими военными действиями и деятельностью по поддержанию правопорядка на море. Подобно действиям по обеспечению безопасности на суше и в воздухе, данный вид операций предполагает ликвидацию угроз без ущерба для разрешенной повседневной морской деятельности².

Правила, режимы и нормы, которые применяются при проведении операций по обеспечению морской безопасности, составляют предмет права морской безопасности, которое представляет собой симбиоз норм международного морского права, международного уголовного права, международного права прав человека и международного гуманитарного права, применяемого в вооруженном конфликте на море. Кроме того, право морской безопасности также регулируется нормами национального военного права, международными и национальными административными нормами по вопросам иммиграции, торговли и таможенного контроля.

¹ См. подробнее: *Холиков И.В., Сазонова К.Л.* Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-мед. журн. 2015. № 2. Т. 336. С. 93—95; *Холиков И.В.* Правовые аспекты химической и биологической безопасности в РФ // Совр. право. 2010. № 3. С. 23—28; *Kholikov I.V., Sazonova K.L.* Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York, 2018. С. 38—51.

² Report on the Work of the United Nations open-ended Informal consultative Process on oceans and Law of the Sea at its ninth meeting, July 25, 2008, para. 38.

По аналогии с вопросами применения вооруженной силы и географией военных действий в международном гуманитарном праве право морской безопасности ставит новые вопросы, связанные с юрисдикцией операций по поддержанию правопорядка на море или применением военной силы в различных частях морей и океанов.

Говоря о современных гибридных угрозах, в качестве примера можно с легкостью представить классический морской театр военных действий с одновременным вовлечением в него международных криминальных организаций, негосударственных вооруженных групп и мятежников, а также террористов. Так, летняя война 2006 г. между Израилем и Хезболла была одновременно конвенционной и асимметричной, при этом конфликт происходил и на суше, и на море, нередко одновременно в одном месте действовали правовые нормы и мирного и военного времени¹. Иначе обстоят дела с наднациональными вооруженными группами, контролирующими дельту реки Нигер и Гвинейский залив, западную часть Индийского океана и морской коридор наркотрафика от Андского хребта до Карибского бассейна. Политический и экономический эффект от их деятельности по масштабу значительно превосходит обычную преступность, но уровень противодействия их деятельности не достигает масштаба классического вооруженного конфликта.

Обеспечение морской безопасности включает в себя поддержание правопорядка, применение конвенционных вооруженных сил, а также иррегулярных формирований и сил специального назначения, действующих скрытно. Силы и средства военно-морского флота, морской пехоты, береговых войск, морской полиции при поддержке авиационных и сухопутных компонентов объединенных командований действуют совместно с другими структурами и агентствами, включая службы, отвечающие за океанографию и рыболовство, разведывательное сообщество, и международными партнерами. Многогранность и сложность угроз морской безопасности, необходимость междисциплинарного подхода к реагированию на них требуют понимания политических позиций, особенностей нормативного регулирования, знания норм гражданского и уголов-

¹ Холиков И.В. Мамеев А.А. Виды и международно-правовая характеристика современных военных операций на море // Воен. право: электрон. науч. изд. 2020. Вып. № 6. С. 242—249.

ного права участвующих в обеспечении указанной безопасности государств, а также международного публичного права.

Со времен войны между Ираном и Ираком в 1980-х гг. международное право в морской сфере стало ориентироваться не на регулирование военно-морских операций, а на создание правовых условий для достижения стабильности и безопасности на море. Право морской безопасности направлено в большей степени на обеспечение сотрудничества между государствами, чем на их изоляцию посредством контроля вооружений, установления лимитов на применение силы и принятие мер по укреплению доверия. Современное правовое регулирование морской безопасности осуществляется через механизмы сотрудничества, объединяющие государства в общем стремлении к достижению глобальной безопасности морской системы. Государства выделяют свои военно-морские компоненты для обеспечения верховенства права на море, общественного порядка в Мировом океане. Серьезные изменения в международной политике привели к новой парадигме в праве морской безопасности, в соответствии с которой именно право оказывает решающее влияние на стратегическую, оперативную и политическую обстановку на море.

Право морской безопасности переживает свой ренессанс. За последние два десятилетия нормы международного права, регулировавшие вопросы обеспечения морской безопасности, трансформировались из набора правил, целью которых являлось недопущение морской войны за счет сдерживания морских держав на максимальном расстоянии друг от друга, в новую глобальную систему, нацеленную на обеспечение максимального сотрудничества в вопросах обеспечения морской безопасности за счет объединения усилий государств во имя достижения общих целей¹. Данные изменения имеют серьезный эффект — в отличие от практики последних ста лет современный фокус международного права морской безопасности стал конструктивным и нацеленным в будущее, расширяя международное партнерство в вопросах усиления безопасности портов, береговой инфраструктуры, повышения осведомленности о морских угрозах и их ликвидации².

¹ *Kraska J.* Grasping 'The Influence of Law on Sea Power', 62 *naval war coll. rev.*, Summer 2009, at 113, 113—114.

² *Kraska J., Pedrozo R.* International maritime security law. Martiuns Nijhoff, Leiden Meija MQ. 2013; *Kojima C., Sawyer M.* (2013) Piracy at sea. Springer, Heidelberg, 2013.

Вопросы международного морского права и военного права, а также проблемы международной морской безопасности исследовали в своих трудах ряд отечественных и зарубежных юристов. В частности, научные труды В.Н. Гуцуляка посвящены вопросам имплементации норм международного морского права в российское законодательство, касающиеся транспортной безопасности судов внутреннего плавания¹, институту транспортной безопасности на море в рамках международного права². Проблемам обеспечения международной безопасности на морском транспорте, пиратства и терроризма посвящены труды А.А. Варфоломеева, В.Н. Гуцуляка, А.Л. Колодкина, К.С. Лиховидова, Д.А. Михеевой, И.В. Холикова³. Вопросам правового регулирования военно-морской деятельности государства посвящены труды В.П. Серегина⁴, Р.А. Каламкаряна⁵, О.Ю. Петрова⁶. В.Н. Гуцуляк также освещает вопросы международ-

¹ *Гуцуляк В.Н.* Имплементация норм международного морского права в российское законодательство в части, касающейся транспортной безопасности судов внутреннего плавания // Актуальные проблемы транспортного права и транспортной безопасности в контексте современных вызовов и угроз: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 июня 2020 года / Рос. ун-т транспорта. М., 2020. С. 31—38.

² *Гуцуляк В.Н.* Влияние норм международного морского права на обеспечение транспортной безопасности судов внутреннего плавания // Прокурорский надзор за исполнением законодательства о транспортной безопасности: сб. материалов круглого стола, Москва, 22 ноября 2018 года / под общ. ред. Т.А. Дикановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. С. 111—118; *Его же.* Роль и место морской спасательной службы в международно-правовом обеспечении безопасности судоходства // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI Междунар. конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч., Москва, 14 апреля 2018 года / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2019. С. 39—45.

³ *Гуцуляк В.Н.* Правовые средства борьбы с пиратством и терроризмом на морском транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4. С. 41—44; *Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н.* Морское пиратство: новые вызовы и угрозы // Новые вызовы и международное право / Рос. акад. наук; Ин-т государства и права РАН; Ин-т обществ. проектирования. М., 2010. С. 125—139; *Холиков И.В.* Соотношение норм международного и национального уголовного права при обеспечении безопасности морского судоходства / Государство обязано создавать законы в уголовно-правовой сфере: от профилактики до приговора и социализации: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Москва, 17 декабря 2019 года. М., 2020. С. 172—178; *Холиков И.В., Лиховидов К.С., Плакса В.Н.* Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Воен. акад. журн. 2019. № 4. С. 144—149.

⁴ *Серегин В.П.* Военные проблемы международного морского и воздушного права. М., 1986. 150 с.

⁵ *Каламкарян Р.А.* Военно-морская деятельность государств: позитив наработанного международно-правового опыта // Государство и право. 2005. № 5. С. 119—127.

⁶ *Петров О.Ю.* Международно-правовое положение и юрисдикция военного корабля // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 10. С. 381—385; *Его же.* Некоторые особенности современного международно-правового статуса Каспийского моря и их влияние на международное судоходство и военно-морскую деятельность государств // Военно-правовое обозрение. Теория и практика. Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, ФСБ, ФСО, других органах и воинских формированиях. 2019. № 9. С. 76—84.

ной ответственности в морском праве¹ и анализирует морское законодательство зарубежных государств, в частности Китая².

Общие вопросы международного морского права и национальной безопасности достаточно подробно разработаны в научных трудах П.Д. Бараболи, Л.А. Иванашенко, Д.Н. Колесника³, В.П. Кириленко⁴, А.Н. Вылегжанина⁵, С.В. Молодцова⁶, Г.И. Тункина⁷, А.А. Прохожева⁸, О.В. Дамаскина⁹.

Следует обратить внимание на некоторых авторитетных зарубежных экспертов в области морского права. К ним относятся такие исследователи, как Д. Краска, профессор международного морского права Военно-морского колледжа имени Чарльза Х. Стоктона в Стоктонском центре международного права, в сферу научных интересов которого входят проблема морского пиратства¹⁰, вопросы обеспечения международной безопасности на море¹¹; его коллега профессор Р. Педрозо, который также является автором многочисленных статей по тематике международного военного морского права¹² и соавтором совместного с Д. Краской монументального научного труда «Международное право морской безопасности»¹³; доктор У. Бутби, исследовавший вопросы права вооруженных кон-

¹ Гуцуляк В.Н., Колодкин А.Л. Международный трибунал ООН по морскому праву — новое международное судебное учреждение // Транспорт. право. 2006. № 1. С. 13—16.

² Гуцуляк В.Н. Современное морское право Китая, его источники и особенности // Государство и право. 2020. № 3. С. 163—175.

³ Бараболя П.Д., Иванашенко Л.А., Колесник Д.Н. Международно-правовой режим важнейших проливов и каналов. М., 1965. 365 с.

⁴ Военное и международное морское право / под ред. В.П.Кириленко. СПб., 1996.

⁵ Вылегжанин А.Н. Системы (схемы) разделения движения: некоторые международно-правовые вопросы. М., 1985.

⁶ Молодцов С.В. Международное морское право. М., 1987. 272 с.

⁷ Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956.

⁸ Прохожев А.А. Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов // Безопасность: информац. сб. 1995. № 9; Общая теория национальной безопасности: учеб. / под общ. ред. А.А. Прохожева. М., 2002.

⁹ Дамаскин О.В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности. М., 2019. 344 с.

¹⁰ Kraska J. (2013). International and Comparative Regulation of Private Maritime Security Companies Employed in Counter-Piracy. URL: researchgate.net (дата обращения: 01.09.2021).

¹¹ Kraska J., Saito Y. (2020) The Law of Military Operations and Self-Defense in the U.S. — Japan Alliance // Naval War College Review. Vol. 73. No. 3. Article 8.

¹² Pedrozo R. (2009). Military Activities In And Over The Exclusive Economic Zone. 10.1163/ej.9789004173590.i-624.81. URL: <https://paperity.org/p/83232306/military-activities-in-the-exclusive-economic-zone-east-asia-focus> (дата обращения: 01.09.2021).

¹³ Kraska J., Pedrozo R. (2013). International Maritime Security Law. 939 p.

фликтов и применения различных видов вооружений¹; А. Вилли Даль, почетный президент Международного общества военного права и права войны, являющийся автором справочника по международному военному праву². Бруно Демейер, советник Юридического отдела МККК, специализирующийся на международном гуманитарном праве, является автором обновленных комментариев к Первой и Второй Женевским конвенциям³, а профессор Йорам Динштайн из Тель-Авивского университета известен своими научными работами в сфере права вооруженных конфликтов⁴. Доктор Мартин Финк из Амстердамского центра международного права широко известен исследованиями в области правового регулирования вооруженных конфликтов и применения силы на море⁵. Одним из крупнейших иностранных ученых-правоведов, имеющих разносторонние исследования в области международного морского права, является заведующий кафедрой публичного права Европейского университета Виадрина (г. Франкфурт-на-Одере) профессор В. Хентшель фон Хайнег⁶. Известны своими исследованиями в сфере обеспечения безопасности в международном морском праве Д. Леттс, директор Центра военного права и права безопасности Австралийского национального университета⁷, профессор Ф. Покар, почетный президент Международного института гуманитарного

¹ *Boothby William H.* Weapons and the Law of Armed Conflict. Second Edition, 2016.

² *Dahl A. Willy.* 'Military Justice and Self-Interest in Accountability' in Bergsmo, Morten and Song, Tianying (eds), *Military Self-Interest in Accountability for Core International Crimes* (Torkel Opsahl Academic EPublisher 2016).

³ *Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J., La Haye E., Niebergall-Lackner H.* (2015). The updated Commentary on the First Geneva Convention – a new tool for generating respect for international humanitarian law. *International Review of the Red Cross*, 97 (900), 1209—1226. doi:10.1017/S181638311600045X; *Demeyere B., Henckaerts J., Hiemstra H., Nohle E.* (2016). The updated ICRC Commentary on the Second Geneva Convention: Demystifying the law of armed conflict at sea. *International Review of the Red Cross*, 98 (902), 401—417. doi:10.1017/S1816383117000376

⁴ *Dinstein Y.* (2013). 'Direct Participation in Hostilities'. *Tilburg Law Review*. 18. 3-16. 10.1163/22112596-01801002; *Dinstein Y.* (2012). The Principle of Distinction and Cyber War in International Armed Conflicts. *Journal of Conflict and Security Law*. 17. 10.1093/jcsl/krs015.

⁵ *Fink M.* (2018). The Right of Visit of Foreign-Flagged Vessels on the High Seas in Non-international Armed Conflict. In J. Schildknegt, R. Dickey, M. Fink, & L. Ferris (Eds.), *Operational Law in International Straits and Current Maritime Security Challenges* (pp. 245—253). (Operational Maritime Law; Vol. 1). Cham: Springer; *Fink M.* (2018). Maritime interception and the law of naval operations: A study of legal bases and regimes of maritime interception. The Hague: Asser Press.

⁶ *Heinegg W.* (2017). Discontinuance of protection of hospital ships. 10.1017/9781108399913.040; *Fink, Martin, Heinegg W.* (2020). Controlling Migrants at Sea During Armed Conflict. 10.1007/978-94-6265-395-5_11.

⁷ *Letts D.* (2016). Naval mines: Legal considerations in armed conflict and peacetime. *International Review of the Red Cross*, 98(902), 543-565. doi:10.1017/S1816383117000285

права (г. Сан-Ремо)¹, а также Тень Сычен, директор Центра международного права военных операций в Пекине² и др.

Ключевая роль в обеспечении морской безопасности по-прежнему принадлежит таким структурам, как Совет Безопасности ООН и Международная морская организация (ИМО), которая является специализированным агентством ООН. Перспектива увеличения количества морских угроз и необходимость противодействия им заставили другие организации и учреждения принять лидерство ИМО в данной сфере. Так, в 2002 г. государства — члены ИМО (в том числе Российская Федерация) приняли масштабные изменения к Конвенции по безопасности человеческой жизни на море 1974 г.³, а в 2005 г. была полностью пересмотрена Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г.⁴ Спустя три года по призыву Генерального секретаря Международной морской организации Совет Безопасности ООН напрямую вмешался в борьбу с пиратством.

Морское пиратство является нарушением международного права и преступлением глобального характера. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) определяет морское пиратство как незаконный акт насилия или задержания, которые совершаются в личных целях, в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции государства, например неконтролируемые территории, такие как территориальное море Сомали. Обычные нормы международного права предусматривают, что любая страна может иметь юрисдикцию в отношении пиратства, в том числе государство регистрации или флага атакованного судна, государство гражданства любой из жертв, а в некоторых случаях и прибрежное государство, и государство порта. Эта сложившаяся норма нашла свое закрепление в UNCLOS, и в соответствии со ст. 100 данной Конвенции государства сотрудничают в максимально возможной степени в пресечении пиратства в открытом

¹ *Pocar F., Pedrazzi, M., Frulli M.* (2013). War crimes and the conduct of hostilities: Challenges to adjudication and investigation. 10.4337/9781781955925.

² Commentaries by Tian Shichen // CHINA US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/author/20661/tian-shichen.html> (дата обращения: 27.08.2021).

³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901765675> (дата обращения 22.08.2021).

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (дата обращения: 22.08.2021).

море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства.

Современные пиратские банды — сложные иерархические структуры, включающие в себя не только боевые группы, оснащенные современным оружием, средствами связи и транспорта, но и службы снабжения, обучения, транспортировки и хранения добычи, расквартирования, разведки и контрразведки, информационные, финансовые и юридические подразделения. Причем как в теневом, так и в «легальном» секторах. Пиратам известны маршруты и характеристики конкретных судов, характер перевозимых грузов, имена и адреса отправителей и получателей; они знают, есть ли на судах вооруженная охрана, в курсе маршрутов и графиков работы служб береговой охраны и пограничников. Операции готовятся с учетом нескольких сценариев, включая перевозку и размещение захваченных грузов и заложников. Все, как и должно быть в серьезном прибыльном транснациональном бизнесе¹.

Пиратство затрагивает все международное сообщество и поэтому является классической проблемой коллективных действий. Государства пытаются стимулировать коллективные действия путем разработки единых правил для пресечения пиратства. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву является сводным, рамочным договором, касающимся практически всех видов деятельности на море². Договор представляет собой результат четырех многосторонних усилий, предпринятых за прошедшее столетие по кодификации норм права, применимых к морской деятельности. Крупные многосторонние конференции в 1930, 1958 и 1960 гг. не увенчались успехами в серьезном пересмотре международного морского права. И только третья Конференция ООН по морскому праву, которая проходила в 1973—1982 гг., законодательно закрепила основные положения антипиратского права.

UNCLOS вновь подтвердила большую часть положений международного морского права, однако признание территориального моря расстоянием в 12 морских миль и создание исключительной экономической зоны (ИЭЗ) изменило характер отношений между при-

¹ URL: <https://www.svoboda.org/a/29797750.html> (дата обращения: 22.08.2021).

² URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

брежными государствами и международным сообществом. После принятия UNCLOS в 1982 г. и, особенно, после вступления в силу в 1994 г. Конвенция, по словам бывшего постоянного представителя Сингапура в ООН профессора международного права Т. Ко, была признана в качестве конституции Мирового океана¹. Она содержит нормы обычного международного права и является обязательной к выполнению для всех стран.

Первая успешная попытка кодифицировать универсальную юрисдикцию в отношении пиратства имела место в 1958 г. на Первой конференции ООН по морскому праву. Статьей 15 Конвенции об открытом море была предложена формулировка, разработанная еще на конференции 1930 г.²

Статьи 100—107 UNCLOS содержат как широкую философию, так и конкретные принципы, касающиеся морского пиратства. В своей современной форме морское пиратство — это любой незаконный акт насилия, задержания или лишения свободы, которые были совершены в личных целях (без разрешения лица, в отношении которого совершаются такие действия) экипажем или пассажирами частного судна или самолета против другого судна, отдельных лиц или экипажа, а также совершены за пределами государственных территориальных вод.

Волна нападений сомалийских пиратов вызвала новый интерес к ст.ст. 100—107 UNCLOS и связанным с ними правовым мерам, таким как принудительные действия Совета Безопасности ООН, дополнительные договоры, в том числе Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными на поддержание безопасности морского судоходства, а также межправительственная координация через Контактную группу по проблеме пиратства у побережья Сомали (CGPCS). Представляется, что современное право борьбы с морским пиратством состоит из комплекса правовых и институциональных мер, основанных на UNCLOS.

В соответствии со ст. 101 названной Конвенции пиратством является любое из перечисленных ниже действий:

¹ Конституция для океанов. Высказывания Председателя Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву Томми Т.Б. Ко. URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 22.08.2021)

а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

с) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотряваемого в подп. «а» или «б».

В соответствии со ст. 100 указанной Конвенции все страны несут общую ответственность касательно сотрудничества против морского пиратства, а другие положения, которые непосредственно следуют за ст. 100, определяют полномочия стран для того, чтобы принимать меры против пиратства. Во-первых, военные корабли или суда правоохранительных органов любой страны могут перехватывать пиратские корабли. Обычно юрисдикция в отношении судна в открытом море осуществляется исключительно государством его флага, в особых случаях государством порта или прибрежного государства. Однако в случае с пиратством правило юрисдикционной связи с государством флага не применяется — любая страна может осуществлять юрисдикцию в отношении пиратов, которых считают «врагами всего человечества». Пиратские нападения происходят в любых водах, кроме 12-мильной зоны территориального моря; в пределах территориального моря данные преступления классифицируются как «вооруженный разбой на море», и борьба с ними относится к исключительной компетенции прибрежного государства.

Общие полномочия всех стран касательно утверждения универсальной юрисдикции в отношении пиратских кораблей изложены в ст. 105 UNCLOS: «В открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный

аппарат либо судно или летательный аппарат, захваченные посредством пиратских действий и находящиеся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество».

Указанная статья лишней раз подчеркивает, что универсальная юрисдикция применима только в открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства, где все международное сообщество несет коллективную ответственность за обеспечение безопасности — не ущемляя при этом внутренней компетенции какой-либо конкретной страны. В этом смысле разрешения Совета Безопасности ООН на проведение антипиратских специальных операций на территории Сомали, в том числе в сомалийском территориальном море, есть по сути не что иное, как расширительное распространение универсальной юрисдикции на суверенное пространство этой африканской страны. По просьбе правительства Сомали Совет Безопасности ООН санкционировал практику, когда любое государство, сотрудничающее в борьбе с пиратством, с уведомлением Генерального секретаря ООН может направлять свои суда в сомалийские территориальные воды и *de facto* вести себя в них сообразно применению универсальной юрисдикции, т. е. при необходимости реализуя все антипиратские меры, предусмотренные международным правом, в отношении актов *de jure* вооруженного разбоя против судов (в значении этого термина, как его трактует ИМО).

Военно-морские силы могут производить высадку на торговые суда с правом осмотра в соответствии со ст. 110 вышеназванной Конвенции в случае, если существуют разумные основания подозревать, что такое судно занимается пиратством. В некоторых случаях полномочия государственного контроля порта могут быть расширены в отношении судна, которое заявило о намерении войти в порт. Однако пиратские корабли не могут быть захвачены в 12-мильной зоне территориальных вод, в архипелажных водах (таких как, например, индонезийские) и внутренних водах (например, в гаванях) без согласия прибрежного государства, даже за преступные пиратские акты, совершенные в открытом море. В районах, где национальные воды находятся в непосредственной близости от других стран, пиратские суда могут перейти в территориальное море соседнего государства и избежать захвата, если такое соседнее государство не сможет во-

время предпринять надлежащие меры. В таких случаях государства могут договориться о сотрудничестве.

Прибрежное государство может на законных основаниях преследовать судно из территориального моря, архипелажных вод или прилегающей зоны в открытом море в случае наличия оснований подозревать, что такое судно нарушило закон этого государства. Однако если преследование начинается в прилегающей зоне, оно может проводиться только после нарушения правил, которые касаются прилегающей зоны, например нарушения таможенного режима. Аналогичным образом, если иностранное судно нарушает законные правила прибрежного государства, относящиеся к исключительной экономической зоне (ИЭЗ), такие как государственные законы о рыболовстве, прибрежное государство может инициировать преследование судна из ИЭЗ в открытом море. Однако процесс преследования по горячим следам не может распространяться на территориальное море другого государства без получения разрешения этого государства.

Конвенция 1982 г. уже включила в себя новеллы об ИЭЗ, но на содержащейся в ней дефиниции пиратства это никоим образом не отразилось. Поскольку ИЭЗ была провозглашена территорией со смешанным режимом и в ней действуют как международно-правовые нормы, так и нормы прибрежного государства, мог бы возникнуть вопрос о возможности квалификации пиратства в зоне действия данного легального режима. Однако п. 2 ст. 58 Конвенции 1982 г. устанавливает, что нормы антипиратских статей (ст.ст. 100—107, 110) и другие соответствующие нормы международного права применяются к ИЭЗ постольку, поскольку они не являются несовместимыми с нормами, регулирующими этот особый правовой режим. Таким образом, насильственные действия, совершаемые за пределами территориального моря, но в ИЭЗ, с точки зрения международного права могут квалифицироваться в качестве пиратских — просто последующие меры по устранению угрозы не должны ущемлять или каким-либо иным образом затрагивать суверенные экономические права, другие права и обязанности, а также ограниченную юрисдикцию прибрежного государства

Заметим, что Конвенция 1982 г. закрепила в международно-правовом поле сразу несколько новых — по сравнению с предшествующими международными договорами по морскому праву — режи-

мов. Один из них — архипелажные воды как часть Мирового океана, на которую распространяет свой суверенитет то или иное государство-архипелаг. Если рассматривать положения об архипелажных водах, содержащиеся в части IV Конвенции 1982 г., в контексте международно-правового определения пиратства, становится очевидно, что пиратства в архипелажных водах, как и в территориальном море, быть не может, поскольку здесь реализуется полномасштабная юрисдикция конкретного государства¹.

Статьи о пиратстве касаются открытого моря, но они действуют на всей территории ИЭЗ за пределами территориального моря прибрежных государств. Хотя в ст. 86 UNCLOS указывается, что ИЭЗ является особой зоной, в ней также разъясняется, что это не влечет за собой какого-либо ограничения свобод, которыми пользуются все государства в исключительной экономической зоне.

Согласно ст. 56 (2) UNCLOS прибрежное государство обязано «должным образом» учитывать права и обязанности других стран в ИЭЗ. Таким образом, все государства могут проводить операции по борьбе с пиратством в ИЭЗ за пределами территориального моря любого государства или в открытом море. Однако на совершение конкретных операций по борьбе с пиратством или осуществление патрулирования судами под иностранным флагом необходимо получить согласие или разрешение прибрежного государства, в случае если они проводятся в проливах, которые используются для международного судоходства, или на архипелажных морских путях. В таких случаях на первую категорию будет распространяться режим территориального моря, а на последнюю — режим внутренних вод архипелагов.

Сотни инцидентов с судами десятков государств в Аденском и Гвинейском заливах, а также в других регионах открытого моря вновь сделали из пиратства одну из главных угроз международной безопасности. Такая констатация подтверждается интенсивностью антипиратских контрмер отдельных государств и всего мирового сообщества. С 2008 г. Советом Безопасности ООН были приняты более полутора десятка резолюций только лишь по одному сюжету — кризисной ситуации в Сомали.

¹ Варфоломеев А.А. Современное морское пиратство и действующее международное право // Междунар. жизнь. 2015. № 4. С. 151.

Обстановка в данной стране резко ухудшилась после того, как в 1991 г. там был свергнут диктатор Сиад Барре. После этого страна полностью погрузилась в хаос, так как новое правительство оказалось неспособно осуществлять эффективный контроль за пределами нескольких кварталов в центре столицы страны Могадишо. Вся остальная территория оказалась в руках многочисленных банд и вооруженных отрядов полевых командиров, которые вели непрерывную войну друг с другом и, кроме того, занимались морским пиратством, достигшим беспрецедентного разгула у берегов этой африканской страны¹.

Появление резолюции Совета Безопасности 1816 от 2 июня 2008 г. можно считать знаковым, поскольку главный орган по обеспечению международного мира и безопасности, каковым согласно Уставу ООН является Совет Безопасности, обратился к рассмотрению конкретного уголовно-правового феномена, т. е. угрозы, источником которой являются негосударственные субъекты. Таким образом, стало наблюдаться включение «тяжелого» инструментария права международной безопасности, генезис которого исторически был ответом на агрессивное поведение государств — субъектов международного права, для ответа на криминальные вызовы, имеющие негосударственное происхождение. Международное пиратство стало квалифицироваться в качестве угрозы для международного мира и безопасности, что имеет следствием возможное применение мер по гл. VII Устава ООН. Напомним, что ранее Совет Безопасности ООН квалифицировал подобным образом лишь две негосударственные угрозы — международный терроризм (резолюции 1368 и 1373) и незаконный оборот ОМУ (резолюция 1540).

Государствам также было предложено сотрудничать в определении юрисдикции, а также в проведении расследований и уголовном преследовании пиратов. Особенно важно, чтобы после того, как в море было совершено пиратское нападение, государства координировали свою деятельность по оказанию помощи в определении актуального местоположения и оказанию материально-технической помощи подозреваемым в пиратстве лицам, жертвам и свидетелям. Резолюция Совета Безопасности ООН 1816 от 2 июня 2008 г. не обязывала ни одно

¹ Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестн. Акад. воен. наук. 2015. № 4. С. 9.

государство принимать подозреваемых в пиратстве лиц, жертв или свидетелей, а вместо этого послужила источником политической легитимности, которая способствовала обеспечению более активного участия в коллективных действиях. Резолюция 1816 также разрешила одну из самых сложных проблем, связанных с борьбой с пиратством на Африканском Роге, путем признания механизма, посредством которого военно-морские силы смогли проникать в территориальные воды Сомали для преследования пиратов, которые захватывали суда и выходили на мелководье, чтобы избежать ареста. Таким образом, Совет Безопасности ООН лишил сомалийских пиратов «убежища» в территориальном море Сомали. С целью прийти к долгосрочному решению резолюция 1816 также объединила отдельные страны, Международную морскую организацию и другие международные организации для увеличения потенциала партнерства на восточноафриканском побережье в целях создания эффективной региональной инфраструктуры по борьбе с пиратством¹.

К сожалению, морское пиратство не ограничивается сомалийским побережьем, акваторией Индийского океана и Аденским заливом. Практически не прекращались вот уже десятки лет пиратские нападения у берегов азиатских государств и островов в Тихом океане, в 2012—2021 гг. участились разбойные нападения на морские суда в Гвинейском заливе Западной Африки.

Таким образом, на сегодняшний день морское пиратство и тесно связанная с ним проблема терроризма являются новой мировой угрозой, и прежде всего для стран, имеющих выходы в открытое море и Мировой океан, в том числе и для России. Его инициаторы готовы на любые формы насилия и устрашения. Для эффективной борьбы с морским пиратством требуются усилия всего мирового сообщества, направленные на оснащение морских судов надежными средствами защиты и обороны, ужесточение норм международного права в отношении пиратов, создание соответствующих служб и подразделений для быстрого реагирования в случаях захвата судов².

В настоящее время международным сообществом применяются следующие основные способы противодействия морскому пиратству:

¹ URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1816\(2008\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1816(2008)) (дата обращения: 22.08.2021).

² Холиков И.В., Францкевич М.С. Современные угрозы и вызовы международной морской безопасности // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 6. С. 71.

- выдача рекомендаций капитанам судов об оптимально безопасных маршрутах прохода пиратоопасных районов;
- конвоирование гражданских судов через пиратоопасный район;
- патрулирование пиратоопасного района;
- вооруженная охрана гражданских судов сотрудниками частных морских охранных компаний¹.

Пиратство довольно тесно переплетается с таким явлением, как терроризм, в частности транспортный терроризм. Принято различать следующие типы терроризма на транспорте, имеющие собственные существенные особенности: терроризм на объектах железнодорожного транспорта, воздушный терроризм, автомобильный терроризм, терроризм на объектах речного транспорта, морской терроризм, терроризм на объектах трубопроводного транспорта, терроризм на городском общественном транспорте (метрополитене, автобусном транспорте), а также потенциально возможные типы, появляющиеся в результате быстрого развития новых типов коммуникаций — виртуальных, космических, которые также могут стать объектами террористических посягательств².

В настоящее время сфера действий террористов включает не только сухопутную территорию, но и воздушное и морское пространства, а также территории, находящиеся за пределами юрисдикции государства, — открытое море и воздушное пространство над ним. Морской терроризм, являясь одним из аспектов терроризма в широком понимании, отличается от него лишь тем, что сферой действия морских террористов являются открытое море, береговые сооружения, территориальное море, континентальный шельф и исключительная экономическая зона, т. е. охватывается пространство как в рамках юрисдикции государства, так и за ее пределами.

Очевидно, морской терроризм также можно классифицировать и как источник военной угрозы. Непосредственно военные угрозы можно рассматривать в широком плане как вероятность (реальную либо потенциальную) прямого или опосредованного применения военной силы одним государством (союзом государств, военно-по-

¹ См. подробнее: *Холиков И.В., Окоча В.А.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журн. рос. права. 2020. № 12. С. 147—158.

² См. подробнее: *Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму на транспорте: учеб. для вузов / А.И. Землин [и др.].* М., 2020. 156 с.

литических организаций террористического, сепаратистского, религиозного толка и т. п.) против другого государства в целях нарушения его независимости и территориальной целостности, подрыва жизни общества и граждан для реализации своих целей и получения экономических, политических, а также прочих привилегий при условии завоевания противоположной стороны¹.

К наиболее ярким примерам актов морского терроризма можно отнести нападение на американский эсминец «USS Cole» в 2000 г. возле берегов Йемена, в результате которого погибло 17 американских моряков, 30 получили ранения (ответственность на себя взяла террористическая организация «Аль-Каида»), подрыв с помощью начиненной взрывчаткой лодки, управляемой камикадзе из группировки «Тигры освобождения Тамил Илама», танкера «Silk Pride» в 2001 г. у берегов Шри-Ланки и взрыв на танкере «Limburg» в конце 2002 г. возле берегов Йемена, в результате которого было ранено 12 человек, а в море оказалось свыше 70 тыс. баррелей нефти (ответственность на себя взяла террористическая организация «Исламская армия Адена-Абина»).

При анализе соотношения морского терроризма и пиратства следует выявить общие черты данных явлений и определить различия между ними. Так, общей чертой, которая характерна как для пиратства, так и для морского терроризма, является тактика поведения, рассчитанная на то, чтобы вызвать сильный испуг с целью, чтобы терроризируемый был готов выполнить любое требование террористов². Другой общий признак заключается в том, что и те и другие выступают как частные лица или члены организации и во всяком случае формально не зависят от государства, которое, в свою очередь, не несет ответственности за их действия и причиненный ими ущерб.

Как правило, пиратские нападения и террористические акты совершаются представителями «несостоявшихся государств», для которых характерен развал политических институтов, законодательной системы. Подобные государства являются реальными или потенциальными очагами конфликтов.

Кроме того, объектами нападений как пиратов, так и морских террористов служат суда, имущество пассажиров и членов экипажа,

¹ Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Совр. право. 2003. № 6. С. 27—31.

² Михеева Д.А. Международно-правовая база борьбы с морским пиратством // Правовая культура. 2014. № 4. С. 67.

а в конечном счете — свобода морей и безопасность мореплавания, являющиеся основополагающими принципами международного права.

Различия же между данными явлениями заключаются в целях, которые преследуют исполнители. Для пиратов первоочередная задача заключается в получении денежной прибыли, обогащении, т. е. пираты преследуют личные цели. Цель морских террористов заключается в запугивании властей, как правило, с целью выполнения политических требований¹. Другими словами, цели террористов носят явно выраженный политический характер. Кроме того, пираты избегают афиширования своих действий и прибегают к силе в последнюю очередь, морские террористы, как правило, стремятся к афишированию творимого ими насилия.

Однако на практике границы между данными явлениями нередко оказываются размытыми. Единственное, что можно смело утверждать, — морской терроризм незначительно отличается от известного с незапамятных времен пиратства. В последнее время становится все сложнее определить четкую грань между ними. Так, например, в Сомали между пиратами и террористическими организациями давно существуют прочные связи. Регионы современного пиратства — Аденский залив, Аравийское море, Индийский океан и Южно-Китайское море — привлекают к себе все большее внимание террористических организаций. Используя пиратскую тактику, террористы стремятся распространить джихад и на морские рубежи.

Важным аспектом также является международно-правовой статус террористических организаций. Данный вопрос существенно осложняется тем, что подобные образования нередко находятся, подобно Аль-Каиде или ИГИЛ, одновременно на территориях нескольких государств, что неизбежно затрагивает сферу национальной юрисдикции данных государств. В странах с высоким уровнем внутренней нестабильности, в особенности переживших революции и гражданские войны, подобные организации начинают развиваться на весьма благодатной почве, представляя растущую угрозу региональной безопасности².

¹ Крикунов А.В. Современный морской терроризм // Воен. дипломат. 2008. № 2. С. 141.

² См. подробнее: Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые последствия включения «войны с международным терроризмом» в перечень правомерных оснований индивидуальной и коллективной самообороны (на примере борьбы с ИГИЛ) // Воен. право: Электрон. науч. изд. 2015. Вып. № 3. С. 322.

Также следует понимать, что терроризм и пиратство больше не являются обособленными проблемами и бороться с ними следует как с единым целым. Для подвергающихся нападению членов экипажа и пассажиров судов не имеет значения, являются ли они жертвами грабителей или лиц, преследующих политические или религиозные цели.

Таким образом, как пиратство, так и морской терроризм в широком понимании составляют основные угрозы международной морской безопасности. Особую опасность представляет симбиоз пиратства и различных преступных группировок. Беспокоят сообщения о связях пиратов с террористами. Пиратство, как источник подпитки исламистских террористов в районе Африканского Рога, может привести к эскалации террористической деятельности и ее распространению по миру¹.

При этом основную роль в борьбе с данными преступлениями играют международные организации. Доказательством этому являются действия по объединению и координации усилий международного сообщества в целях сдерживания и пресечения пиратства, предотвращения загрязнения окружающей среды, обеспечения более эффективной защиты судов и проведения единой политики для государств — участников ООН, заинтересованных в обеспечении безопасности и борьбе с пиратством, а также вооруженным разбоем на море.

Деятельность международных организаций, в первую очередь ООН и Международной морской организации, оказывает непосредственное влияние на формирование международно-правовых основ и дальнейшее развитие механизмов и форм сотрудничества государств в деле борьбы с угрозами международной морской безопасности.

§ 6. МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международное воздушное право. Формирование и эволюция международного воздушного права происходили и осуществляются параллельно с тем, как человечество становится технически способным «летать». В современном понимании международное воздушное

¹ Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность XXI века. Приоритетные направления противодействия: моногр. М., 2020. С. 431—459.

ное право — отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих отношения между субъектами этого права по поводу определения статуса и установления режима воздушного пространства в целях обеспечения эффективного и безопасного его использования, а также в области организации и осуществления международных воздушных перевозок, авиационных работ и противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации¹.

Источниками международного воздушного права являются международные обычаи, международные принципы и международные договоры, регламентирующие межгосударственные отношения в данной сфере.

Весомое место в системе источников международного воздушного права занимают международные авиационные регламенты, состоящие из более чем 5 000 стандартов, влияющих на установление единообразных правил и процедур международной гражданской авиации и осуществление рекомендуемой практики. Специфичность последних источников международного воздушного права проявляется в том, что они содержат нормы, непосредственно связанные с обеспечением международной авиации, принимаются в рамках Международной организации гражданской авиации — ИКАО по процедуре, соответствующей Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., и приобретают обязательную юридическую силу для государств после их «молчаливого признания»².

В качестве примера основных международных обычаев воздушного права в рамках военных аспектов следует привести следующие:

— установление воздушных границ (100 км над уровнем Мирового океана)³;

— признание воздушного пространства над сухопутной и водной территорией государства как государственной территории⁴;

¹ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.]; под ред. А.И. Травникова. М., 2020. 444 с. URL: <https://urait.ru/bcode/454807/p.13> (дата обращения: 30.05.2021).

² Процедура молчаливого признания состоит в том, что если государство в течение установленного срока (для международных авиационных регламентов этот срок — 60 дней) не заявило о своих возражениях или об отказе принять тот или иной регламент, то оно считается принявшим этот регламент.

³ Doc. ICAO AN-Conf /12-WP/1622.

⁴ Чикагская конвенция 1944 г. и другие международные договоры формально не относят воздушное пространство к государственной территории.

— объявление государствами опасных зон в международном воздушном пространстве для осуществления деятельности, представляющей угрозу для полетов воздушных судов¹;

— иммунитет военных воздушных судов и других государственных воздушных судов, используемых в некоммерческих целях, за пределами территории государства регистрации этих воздушных судов².

Основными источниками международного воздушного права можно назвать многосторонние и двусторонние договоры. На универсальном уровне заключены:

1) Чикагская конвенция о международной гражданской авиации 1944 г.;

2) Соглашение о транзите при международных воздушных сообщениях 1944 г.;

3) Договор по открытому небу 1992 г.;

4) Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 1963 г.;

5) Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.;

6) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г. с Монреальским и Вашингтонским протоколами;

7) Варшавская конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, 1929 г.;

8) Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г.

Названные документы содержат нормы, которые, с одной стороны, регулируют вопросы межгосударственного взаимоотношения по использованию воздушного пространства, а с другой — унифицируют нормы договоров воздушной перевозки и ответственности перевозчиков. Отдельное направление составляют договоры, действие которых направлено на обеспечение безопасности воздушных полетов от разного рода незаконных актов (угонов воздушных судов, например).

¹ К такой деятельности относятся: пуски баллистических и иных ракет, стрельбы, полеты боевой, прежде всего истребительной, авиации и т. п.

² Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

Ядро источников международного воздушного права образует Чикагская конвенция 1944 г., представляющая собой сложный документ, который, кроме основного текста, содержит 18 приложений.

Кроме указанных международно-договорных источников, также следует отметить международную Конвенцию по поиску и спасанию на море 1979 г.¹, Договор об Антарктике 1959 г.², который в п. 2 ст. 1 закрепляет запрет осуществления полетов военных летательных аппаратов и устройств над районом южнее 60-й параллели южной широты, за исключением «военного оснащения, используемого для научных исследований и для любых других мирных целей». Большой блок международных договоров устанавливает порядок противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации³.

В рамках СНГ также существует несколько договоров, в частности:

— Соглашение о принципах и условиях взаимоотношений в области транспорта 1991 г.;

— Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства 1991 г.;

— Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства 1995 г.

С 1992 г. действует Договор по открытому небу, в соответствии с которым государства допускали проведение наблюдательных полетов над территориями друг друга для получения информации о военной деятельности. Однако с учетом неконструктивной позиции США

¹ Международная конвенция по поиску и спасанию на море. М., 1982. Конвенция вступила в силу 22 июня 1985 г. СССР ратифицировал ее 3 марта 1988 г. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1988 г. № 8556-XI).

² Договор об Антарктике. Подписан 1 декабря 1959 г. Вступил в силу 23 июня 1961 г. // Действующее международное право / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривченкова. М., 1997. Т. 3. С. 664—669.

³ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токийская конвенция 1963 г.); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гагская конвенция 1970 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреальская конвенция 1971 г.); Протокол 1988 г. о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Монреальскую конвенцию 1971 г.; Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (Монреальская конвенция 1991 г.); Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекинская конвенция 2010 г.) и Протокол 2010 г., дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. (Пекинский протокол 2010 г.); Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов.

и ряда других стран, а также интересов национальной безопасности России 18 июня 2021 г. вступили в силу Федеральный закон и Постановление Правительства Российской Федерации о выходе России из группы государств — участников Договора по открытому небу¹.

В Российской Федерации основные положения международного воздушного права имплементированы в Воздушном кодексе Российской Федерации (далее — ВК РФ). В ст. 1 данного Кодекса закреплено, что Российская Федерация «обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации», под которым понимается (ч. 2 ст. 1) воздушное пространство над территорией Российской Федерации, в том числе воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем².

В международном воздушном праве существует деление воздушных судов на государственные и гражданские. В рамках научных исследований иногда используется другой термин — «авиация», и классифицируется она на три вида: гражданская, государственная и экспериментальная авиация. «Государственная авиация используется в целях осуществления функций государства. Например, в целях обороны страны создана государственная военная авиация. К выполнению особых задач в сфере обеспечения безопасности используется государственная авиация специального назначения. Таковую авиацию задействуют федеральные органы исполнительной власти, такие как ФСБ России, МВД России, ФСО России, Росгвардия и др.»³.

В соответствии со ст. 25 ВК РФ и пп. 2 и 6 Положения о подготовке федеральных правил использования воздушного пространства и федеральных авиационных правил, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 марта 1998 г. № 360, функция государственного регулирования деятельности в области государственной авиации возложена на Минобороны России⁴.

В ст. 32 ВК РФ воздушное судно определяется как «летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия

¹ URL: https://www.mid.ru/obsie-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzheniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/1137767 (дата обращения: 29.08.2021)

² Воздушный кодекс Российской Федерации (в редакции от 11 июня 2021 г.).

³ См. подробнее: *Егоров А.П.* О подходах к классификации воздушных судов в системе объектов недвижимого имущества // *Воен. право: электрон. науч. изд.* 2018. Вып. № 3.

⁴ *Холиков И.В., Вовкодав В.С.* Человеческий фактор безопасности полетов: военно-правовые аспекты // Там же. 2017. № 6. С. 177—179.

с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды)».

Классифицируя военные самолеты по их назначению, можно выделить «воздушные авианосцы, десантные, истребители, истребители-бомбардировщики, корректировщики, многоцелевые и специальные, перехватчики, ракетносцы, разведчики, топливозаправщики, транспортные, фронтовые бомбардировщики, штурмовики, госпитальные, боевые воздушные суда — воздушные суда, предназначенные для выполнения боевых задач»¹ и др. Не в полной мере урегулирован и вопрос использования беспилотных воздушных судов, включая, в частности, свободнолетающие модели и малоразмерные дистанционно пилотируемые летательные аппараты. Их возможности постоянно расширяются, и на практике активно развивается использование свободнолетающих моделей воздушных судов, предназначенных для выполнения военных задач².

Прямого запрета на военное применение беспилотных летательных аппаратов не существует. Фактически атака с беспилотника ничем принципиально не отличается от военной операции, осуществляемой с пилотируемого аппарата. Тем не менее, все большее число экспертов утверждают, что «проводимая армией стран — членов НАТО кампания по использованию беспилотников на территории Афганистана, Ливана, Пакистана, Йемена, Сирии, Ливии противоречит нормам современного международного права»³. Можно констатировать, что подобные заявления связаны не с самим фактом использования беспилотников, а с юридическими основаниями данных военных кампаний, а также с многочисленными случаями силовых злоупотреблений при проведении подобных операций.

Удар, осуществленный с помощью беспилотного летательного аппарата, без согласия государства, на территории которого осуществляется данный удар, является интервенцией, т. е. неправомерным применением силы, нарушающим параграф 4 ст. 2 Устава ООН

¹ Статья 5 приказа министра обороны Российской Федерации от 24 сентября 2004 г. № 275 «Об утверждении федеральных авиационных правил производства полетов государственной авиации».

² См. подробнее: *Ананенко А.О.* Некоторые вопросы формирования основ гражданско-правового регулирования применения воздушных беспилотных транспортных средств // *Воен. право: электрон. науч. изд.* 2020. Вып. № 3.

³ *Давыдов М.В.* Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в международном праве // *Алт. юрид. вестн.* 2014. № 3. С. 37.

1945 г. Циркуляр ИКАО № 328 относит беспилотные летательные аппараты к воздушным судам, находящимся под юрисдикцией конкретного государства. Согласно поправке № 43 2012 г., внесенной в приложение 2 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г., дистанционно пилотируемые авиационные системы должны сертифицироваться и обслуживаться в соответствии с национальным законодательством. Таким образом, действия беспилотного аппарата могут расцениваться как действия конкретного государства. При этом в данном контексте отсутствует принципиальная разница между «ситуацией, когда беспилотный аппарат управляется из Лэнгли, Вирджиния, за 11 тысяч километров от Афганистана, и тем, когда пилотируемый аппарат сбрасывает ракету с высоты в пять километров от цели»¹, поскольку самого факта физического присутствия беспилотника над территорией другого государства вполне достаточно, чтобы считать это интервенцией. Таким образом, наиболее принципиальным юридическим аспектом является вопрос о том, на каком основании данный беспилотный аппарат оказался в воздушном пространстве того или иного государства².

Военный самолет в соответствии со ст. 34 ВК РФ должен иметь знаки государственной принадлежности и учетные опознавательные знаки. Военно-транспортные воздушные суда, используемые для полетов за пределы Российской Федерации, должны иметь изображение Государственного флага Российской Федерации, а воздушные суда государственной авиации, используемые для осуществления военной, пограничной, полицейской, таможенной служб, а также для выполнения мобилизационно-оборонных задач, — знаки государственной принадлежности, установленные Правительством Российской Федерации. В качестве знака государственной принадлежности на воздушных судах государственной авиации, используемых для осуществления военной и пограничной служб, а также для выполнения мобилизационно-оборонных задач, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № 127 (в редакции от 18 февраля 2016 г.) «О зна-

¹ *Ochmannova P. Unmanned Aerial Vehicles and law of Armed Conflict Implications // Czech Yearbook of Public & Private International Law. 2011. P. 147.*

² *Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов. // Воен. право: электрон. науч. изд. 2017. Вып. № 4. С. 217—226.*

ках государственной принадлежности на воздушных судах государственной авиации» установлено изображение пятилучевой звезды.

Командиром военного самолета может быть только гражданин государства, отличительный знак которого несет данное воздушное судно. Иммунитет военного самолета означает свободу от юрисдикции иностранных властей и свободу от принуждения и каких-либо насильственных действий в какой бы то ни было форме (задержание, арест, конфискация, реквизиция и т. п.). Военный летательный аппарат является представителем вооруженных сил (т. е. относится к государственной авиации), действует по полномочию государственных властей и находится под юрисдикцией данного государства.

В мирное время военный самолет обладает иммунитетом независимо от того, находится он в открытом воздушном пространстве или суверенном.

Международно-правовой режим полетов военных самолетов над иностранной территорией закрепляется в ст. 3 Чикагской конвенции 1944 г., в которой говорится: «Никакое государственное воздушное судно Договаривающегося государства не производит полета над территорией другого государства и не совершает на ней посадки, кроме как с разрешения, предоставляемого специальным соглашением или иным образом, и в соответствии с его условиями». Как правило, специальное разрешение запрашивается через дипломатические каналы за 10—30 дней до предполагаемого полета.

Применительно к международному воздушному праву важным является определение пространственной сферы действия его норм. Очевидно, что этой пространственной сферой будет являться воздушное пространство, которое «можно определить, как пространство, простирающееся от поверхности Земли до высоты 100 км, что соответствует нижнему перигею орбиты искусственного спутника (космического объекта)»¹. Вопрос о верхнем пределе (границе) воздушного пространства часто является предметом дискуссий в рамках Комитета ООН по космосу и его подкомитетов (научно-технического и юридического) а также сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Это связано с тем, что в доктрине международного воздушного права существуют три точки зрения относительно понятия воздушного пространства: естественно-научное, нормативно-правовое и смешан-

¹ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

ное. К представителям первой точки зрения относится, например, А.Н. Верещагин, по мнению которого «воздушное пространство это — любое пространство, заполненное воздухом»¹, а А.М. Яковлев конкретизировал, что это «часть атмосферы, включающей ее основную массу (99,25 %), в которой химический состав и молекулярный вес воздуха остаются постоянными, при этом... верхний предел этой воздушной атмосферы равен 90—100 км от поверхности Мирового океана»². Однако наибольшее признание в теории международного права имеет смешанный подход (Ю.Н. Малеева, А.П. Мовчана, Г.П. Жукова) к определению границ воздушного пространства, в рамках которого «космическое пространство начинается с нижнего перигея искусственного спутника земли»³.

При этом если основываться на положениях Чикагской конвенции 1944 г., Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и доктринальных подходах, то воздушное пространство классифицируется следующим образом:

- суверенное воздушное пространство государства;
- воздушное пространство государства международного пользования, это воздушное пространство над международными проливами и архипелажными водами;
- международное воздушное пространство, расположенное за пределами сухопутной и водной территории государств.

В свою очередь, международное воздушное пространство можно подразделить на зональное воздушное пространство⁴, Антарктическое воздушное пространство⁵, открытое воздушное пространство⁶, Арктическое воздушное пространство, имеющее статус квазисуверенного и международного воздушного пространства одновременно.

¹ Верещагин А.Н. Международное право. М., 1969. С. 9.

² Яковлев А.М. Авиационная метрология. М., 1971. С. 12.

³ Жуков Г.П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. М., 2011. С. 52.

⁴ Международное воздушное пространство, расположенное над исключительной экономической зоной прибрежного государства, имеет статус *международного воздушного пространства с ограниченной нормами международного договора* (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.) свободой полетов.

⁵ Международное воздушное пространство, расположенное над Антарктикой, имеет статус международного воздушного пространства с ограниченной нормами международного договора (Договор об Антарктике 1959 г.) свободой полетов (*Антарктическое воздушное пространство*).

⁶ Международное воздушное пространство, расположенное за пределами исключительной экономической зоны прибрежных государств и Антарктикой, имеет статус неограниченной нормами универсального международного договора свободой полетов (*открытое воздушное пространство*).

Дифференциация видов воздушного пространства дает возможность определить содержание их правового режима. «В основе правового режима суверенного воздушного пространства лежит административный (т. е. государственный) разрешительно-уведомительный порядок использования воздушного пространства или отсутствие такого порядка»¹. Влет в суверенное воздушное пространство самолетов иностранных государств производится на основании международных договоров или разовых разрешений, выдаваемых компетентными органами государств.

Контроль за соблюдением режима осуществляется органами управления воздушным движением (УВД) в своем районе (зоне) ответственности и военными органами противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО-ПРО)², как правило, в районах вблизи воздушной государственной границы. Органы управления воздушным движением осуществляют контроль в целях обеспечения безопасности аэронавигации управления воздушным движением и идентификации воздушных судов, а органы ПВО-ПРО (в России это подразделения Воздушно-космических сил) — для обеспечения национальной безопасности и осуществляют принудительные меры при нарушении воздушной границы государства и порядка использования воздушного пространства.

Характер принудительных действий органов ПВО-ПРО государств в отношении самолетов-нарушителей определяется внутригосударственным правом и зависит от вида воздушного судна (гражданское или государственное). Цель действий — прекратить нарушение режима суверенного воздушного пространства. Если самолет-нарушитель своими действиями может причинить ущерб жизни или здоровью людей и не выполняет указания, силы ПВО-ПРО вправе применить силу, в том числе оружие³. В соответствии с положениями ст. 3bis Чикагской конвенции 1944 г. и «правилами перехвата», предусмотренными дополнением А к приложению 2 этой Конвенции, «государства должны воздерживаться от применения оружия против гражданских

¹ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

² В 2015 г. в Российской Федерации военно-воздушные силы объединены с войсками военно-космической обороны в новом виде вооруженных сил — Воздушно-космические силы (ВКС), в составе которых организационно выделен новый род войск — Войска противовоздушной и противоракетной обороны.

³ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

воздушных судов в полете», «применение трассирующих пуль для привлечения внимания является опасным, и ожидается, что будут приняты меры во избежание их применения, чтобы не подвергать угрозе жизнь находящихся на борту лиц и безопасность воздушных судов»¹. Необходимо обратить внимание на отсутствие императивного запрета на применение оружия против гражданских воздушных судов. Кроме того, положения Чикагской конвенции 1944 г. не распространяются на ситуации, предусмотренные ст. 51 Устава ООН (право на самооборону при вооруженном нападении). В свете событий, произошедших 11 сентября 2001 г. в США, ИКАО квалифицировала действие террористов как использование гражданских воздушных судов в качестве оружия для уничтожения людей и объектов². Поэтому воздушный терроризм может квалифицироваться как вооруженное нападение, что допускает применение оружия для самообороны против гражданских воздушных судов. В Российской Федерации эта позиция закреплена положениями ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которые требуют от Вооруженных Сил Российской Федерации «применения оружия и боевой техники в отношении воздушных судов (любых видов, принадлежности и предназначения), если их действия создают реальную опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы».

Национальным законодательством ряда стран и Чикагской конвенцией 1944 г. при осуществлении международных полетов за невоенными воздушными судами признается ряд «свобод воздуха»³.

Государства самостоятельно определяют правовой режим пересечения самолетами воздушной границы и осуществляют в отношении иностранных воздушных судов и их экипажей административную, уголовную юрисдикцию.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» воздушные суда пересекают Государственную границу по спе-

¹ Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации «Правила полетов». URL: https://dream-air.ru/tpl/docs/an02_cons_ru.pdf (дата обращения: 26.06.2021).

² Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму на транспорте: учеб. для вузов.

³ Необходимо учитывать, что «свободы воздуха» признаются государствами избирательно, к соглашению присоединились 133 страны. Бразилия, Индонезия, Китай (за исключением Гонконга и Макао) и Россия не присоединились к соглашению, а Канада вышла из него в 1988 г.

циально выделенным воздушным коридорам пролета с соблюдением правил, устанавливаемых Правительством Российской Федерации и публикуемых в документах аэронавигационной информации. Пересечение государственной границы вне выделенных воздушных коридоров, кроме случаев ее вынужденного пересечения (вынужденный влет), допускается только по разрешению Правительства Российской Федерации.

Опознавательные знаки воздушных судов иностранных государств и сведения о страховании или об ином обеспечении ответственности за причинение вреда третьим лицам и воздушным судам должны сообщаться эксплуатантами специально уполномоченному органу в области гражданской авиации до начала выполнения международных полетов.

Воздушным судам при следовании от государственной границы до пунктов пропуска через государственную границу и обратно, а также при транзитном пролете через воздушное пространство государства запрещаются как посадка, так и вылет из аэропортов, не открытых правительством для международных полетов. Внутренними нормами государства устанавливаются запретные для полетов районы. При необходимости вынужденной посадки на территории государства (несчастный случай, авария, стихийное бедствие) командир воздушного судна обязан немедленно сообщить об этом администрации ближайшего аэропорта и в дальнейшем следовать ее указаниям или указаниям воздушного судна, прибывшего для оказания помощи или выяснения обстоятельств случившегося.

Из вышеизложенного следует, что признание государством «свобод воздуха» при осуществлении международных воздушных полетов над своей территорией не дает иностранным воздушным судам права на свободу передвижения в пределах всей государственной территории. Правовой режим влета в воздушное пространство государства, передвижения в нем, режим вылета за пределы территории государства должен строго соблюдаться. При этом командир самолета-нарушителя обязан: немедленно выполнить указания самолета-перехватчика, подтверждая принятие сигналов-команд соответствующими сигналами-ответами; оповестить о перехвате орган управления воздушным движением, осуществляющий обслуживание (управление) полета данного воздушного судна; установить радиосвязь с перехватчиком.

При этом военным самолетам запрещается проводить учебные перехваты гражданских воздушных судов, а также других самолетов.

Принцип «свободы полетов» в международном воздушном пространстве составляет основу правового режима международного воздушного пространства над открытым морем (открытое воздушное пространство). Любые летательные аппараты любого государства имеют право на беспрепятственное осуществление полетов в этом воздушном пространстве при условии соблюдения установленных международным правом правил. Для обеспечения безопасности международной гражданской авиации в связи с отсутствием универсальных единообразных международных правил полетов в открытом воздушном пространстве «маршруты полетов военных воздушных судов, пилотажные зоны, зоны для дозаправки топливом, районы испытательных полетов, районы стрельб и пусков ракет устанавливаются на безопасном удалении (10—20 км) от международных воздушных трасс и треков, по которым осуществляется регулярное воздушное сообщение между государствами»¹. Как и в 70-е гг. прошлого столетия, в настоящее время участились случаи опасных «маневров самолетов» против кораблей и самолетов «вероятного противника» в открытом воздушном пространстве. Это является следствием ограниченности действия Чикагской конвенции 1944 г. и отсутствия правовых основ регламентации единого правового режима международного воздушного пространства. Кроме того, ряд государств фактически ограничивают право «свободы полетов» над открытым морем, устанавливая «зоны идентификации», которые расположены на удалении 150—170 км от своего суверенного воздушного пространства². В этих зонах могут быть перехвачены или принуждены к посадке любые воздушные суда, не заявившие соответствующим компетентным службам о своем полете и его цели, даже если воздушные суда не следуют в направлении государственной территории.

В структуре воздушного пространства во многих регионах мира можно встретить наличие так называемого военного сегрегированного воздушного пространства, под которым понимаются элементы структуры воздушного пространства, установленные для осуществления полетов военных самолетов и в целях иной деятельности

¹ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

² США, Канада, Франция, Италия, Япония, Южная Корея, Исландия, Филиппины.

в интересах обороны государства (районы военных аэродромов, зоны дозаправки топливом в воздухе, районы полетов на малых и предельно малых высотах и со сверхзвуковой скоростью и др.). К сегрегированному воздушному пространству также следует относить «элементы структуры воздушного пространства, установленные для полетов экспериментальных воздушных судов (районы и зоны испытательных полетов), а также районы, определенные в интересах предприятий оборонной промышленности (районы полигонов)»¹. В Российской Федерации использование указанного воздушного пространства осуществляется на основе Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации² и предусматривает стратегическое планирование (предварительное, не позднее чем за двое суток), предтактическое планирование (суточное для осуществления (стандартной) деятельности (учебно-тренировочные полеты, стрельбы и пуски ракет на полигонах, проведение взрывных работ при разработке полезных ископаемых открытым способом и т. п.) и тактическое планирование (текущее, как правило, для срочной безотлагательной деятельности на перехват нарушителей режима воздушного пространства, в том числе государственной границы, полетов для оказания помощи терпящим и потерпевшим бедствие, для оказания медицинской помощи и т. п.).

Принцип «свободы полетов» над открытым морем позволяет военным самолетам осуществлять полеты в воздушном пространстве над любой частью Мирового океана, имеющей статус открытого моря. В условиях мирного времени правовой режим международных полетов военных воздушных судов определен Чикагской конвенцией 1944 г. Они совершаются по маршрутам организации воздушного движения и выполняются по правилам контролируемых полетов. Полеты «особого рода (*sui generis*), связанные с ведением воздушной разведки, с отработкой способов и тактических приемов поиска и уничтожения надводных, подводных и воздушных судов вероятного противника, с выполнением боевого патрулирования и специальных заданий с учетом наибольшей скрытности, незамеченного и надежного выхода на цель, осуществляются с учетом правил, действующей

¹ Международное воздушное право: учеб. для вузов / А.И. Травников [и др.].

² Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138.

щих в конкретном районе воздушного пространства, и необходимости обеспечения безопасности других воздушных судов»¹. Полеты, связанные с проведением стрельб по воздушным и морским целям, пуском ракет, должны осуществляться в строгом соответствии с правилами ИКАО в районах, заранее объявленных как «опасные зоны».

В период вооруженного конфликта при ведении боевых действий в воздушном пространстве в полной мере применяются нормы права вооруженных конфликтов (международного гуманитарного права), закрепленные в положениях Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов к ним 1977 г., а также национальных наставлений для вооруженных сил. В частности, Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации² содержит отдельный раздел «Особенности применения норм международного гуманитарного права при ведении боевых действий силами авиации».

Международное космическое право. Запуск 4 октября 1957 г. СССР искусственного спутника на орбиту Земли и полет первого человека в космос 12 апреля 1961 г. показали реальную возможность осуществления космической деятельности. Эти исторические события выявили необходимость нормативного регулирования межгосударственных отношений, связанных с космической деятельностью, и с течением относительно небольшого времени стали основой для появления новой отрасли международного права — международного космического права.

«Международное космическое право — это совокупность специальных норм современного общего международного права, регулирующих отношения государств между собой, с международными межправительственными организациями, взаимоотношения таких организаций в связи с осуществлением ими космической деятельности, а также устанавливающих международно-правовой режим такой деятельности в пределах космического пространства, Луны и других небесных тел»³. Особенностью международного космического права является то, что оно имеет специфический предмет регулирования —

¹ *Стребков М.М.* Международно-правовое регулирование полетов военных воздушных судов над открытым морем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² Утверждено приказом министра обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г.

³ *Международное космическое право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / Г.П. Жуков [и др.]; под ред. Г. П. Жукова.* 2-е изд., стер. М., 2019. 527 с.

межгосударственные отношения при осуществлении космической деятельности, действие норм указанного права распространяется на особую пространственную сферу — космическое пространство, Луну и другие небесные тела, которые существенно отличаются от «Земных пространств»; основными и практически единственными субъектами, которые способны осваивать масштабы (стоимость, риски, новейшие технологии) космической деятельности и нести за нее ответственность, являются государства и их объединения.

Источниками международного космического права являются международные договоры и международно-правовые обычаи, принципы Устава ООН. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г. (Договор по космосу) является основным источником этой отрасли международного права¹. Этот Договор определил взаимосвязь деятельности в космосе с другими глобальными проблемами по сохранению цивилизации, экологии, которые нашли свое развитие в других соглашениях².

Страны СНГ 30 декабря 1991 г. заключили Соглашение о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства и создали Межгосударственный совет по космосу. Важными источниками являются двусторонние соглашения о сотрудничестве в космосе, которые Российская Федерация заключила с КНР, США, Францией, многими другими странами и с Европейским космическим агентством. Нельзя забывать также резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, прежде всего Декларацию о правовых принципах, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства 1963 г.

Большое значение для реализации норм международного космического права имеет национальное космическое право государств.

¹ Участниками Договора на январь 2014 г. являются 102 государства, 24 еще не завершили ратификацию.

² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г.; Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 22 апреля 1968 г.; Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г.; Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 14 января 1975 г.; Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.

Наиболее развитое космическое право, состоящее из законодательства и судебной практики, на наш взгляд, имеют США¹.

В Российской Федерации основы правового регулирования в данной сфере регламентированы в Законе от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности», кроме этого, в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности Роскосмос» определен основной субъект осуществления космической деятельности.

Основными принципами правового режима космического пространства являются следующие: исследование и использование космического пространства осуществляется на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития. Оно открыто для исследования и использования всеми государствами без какой-либо дискриминации; космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, согласно ст. II Договора 1967 г. не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами. Устанавливается, что космическое пространство является негосударственной, международной территорией.

Согласно ст. III Договора 1967 г. государства-участники осуществляют космическую деятельность в соответствии с международным правом, включая Устав ООН, а ст. IV закрепляет принцип демилитаризации космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Государства-участники обязаны не выводить на орбиту Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать оружие на небесных телах, включая Луну, и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом. В развитие этого принципа государства договорились осуществлять исследования в космосе и использовать его только в мирных целях. Договором

¹ Закон 1958 г. об авиации и исследовании космического пространства, Закон о коммерческих космических запусках 1984 г. с изменениями 1988 г.; Закон о коммерциализации дистанционного зондирования Земли 1984 г., замененный Законом 1992 г.; Закон о спутниках связи 1962 г. Кроме этого, достаточно много вносится дополнений в «некосмическое право» в целях распространения сферы его действия на регулирование отношений, возникающих в связи с освоением космоса. Закон США о связи 1934 г. применяется для регламентации космической связи, а положения американского уголовного законодательства 1948 г. распространяются на уголовные деяния, совершенные во время пилотируемых полетов на борту зарегистрированных в США космических объектов.

1967 г. и развивающим его положения Соглашением о Луне 1979 г. запрещаются применение силы, угроза силой или любые враждебные действия в космосе и из космоса в отношении Земли; запрещается использование космического пространства, Луны, небесных тел в качестве театра войны и военных действий, для размещения военных баз и укреплений. Особо оговаривается запрещение использовать небесные тела в целях применения силы и угрозы силой в отношении Земли, Луны, космических кораблей, персонала космических кораблей или космических объектов иного назначения, запрещается деятельность в мирное время в целях подготовки военных действий.

Вместе с тем, испытание и размещение в открытом космосе обычных видов вооружения и нетрадиционного оружия (электромагнитного, лазерного, плазменного и др.)¹, а также проведение военных маневров, создание военных баз, сооружений и укреплений за пределами небесных тел не запрещены. Понятие военного использования космического пространства охватывает не только перечисленные выше незапрещенные виды космической деятельности, но и другие — прямо разрешенные. Так, например, искусственные спутники Земли широко используются в военной деятельности как в мирное время, так и в боевых условиях — служат основой для систем противоракетной обороны, участвуют в решении разведывательных задач, обеспечивают связь и навигацию для вооруженных сил, в том числе оказывая поддержку в ходе военных операций на суше, на море и в воздухе.

Демилитаризация космического пространства определяется двумя терминами: «невоенное использование космоса»² и «неагрессивное использование космоса»³.

Сторонники применения термина «невоенное использование космоса» исходят из того, что космос должен быть абсолютно демилитаризован.

¹ Например, в 2007 г. Китай провел испытания противоспутникового оружия, в ходе которых с помощью баллистической ракеты наземного базирования был уничтожен вышедший из строя китайский метеорологический спутник Feng Yun 1C, находившийся на высоте 865 километров от поверхности Земли (см., напр.: Китай подвергся критике за испытание противоспутниковой ракеты (China Criticized for Anti-Satellite Missile Test. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/18/AR2007011801029.html> (дата обращения: 31.08.2021).

² *Markoff M.G.* Disarmament and peaceful purposes provisions in the 1967 Outer Space Treaty // *Journal of Space Law.* 1976. P.4; *Vlasic I.A.* Disarmament decade, outer space and international law // *Annual Air and Space Law.* 1981. P. 26.

³ *Dembling and Arons.* The evolution of outer space treaty // *Journal of Air Law and Commerce.* 1967. P. 419; *Meyer A.* Interpretation of the term peaceful in the light of the space treaty // *Zeitschrift für Luft-und Weltraum.* 1969. P. 28.

таризован. По их мнению, необходимо использовать «аналогию закона» относительно Договора об Антарктике 1959 г., текст которого использовался при написании проекта Договора по космосу 1967 г. Статья 1 Договора об Антарктике 1959 г. закрепляет, что «Антарктика используется только в мирных целях; запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия». С точки зрения сторонников применения указанного термина, ст. IV Договора по космосу 1967 г. следует толковать в свете ст. I Договора об Антарктике 1959 г.¹

Применение термина «неагрессивное использование космоса» активно поддерживают США, в соответствии с ним военная деятельность в космосе ограничена ст. 2 Устава ООН, которая устанавливает запрет на применение силы и угрозы силой. Но большая часть субъектов международного права допускает пассивное использование космоса в военных целях, например, как средство разведки для осуществления контроля над вооружением. Космос уже стал ареной гонки вооружений и будущей «областью военных действий». Ведущими государствами мира созданы в составе вооруженных сил космические подразделения. 29 августа 2019 г. создано Космическое командование в составе Министерства обороны США (SPACECOM) и планируется создание нового вида вооруженных сил — космические войска. 7 сентября 2019 г. Космическое командование (CDE) в составе Военно-воздушных сил создано во Франции².

Препятствием к полной демилитаризации космоса является также то, что в соответствии со ст. 51 Устава ООН государства смогут использовать космическое пространство в рамках реализации права на самооборону, в том числе и при применении противоспутникового оружия, что продемонстрировали США и Китай при проведении учений³.

¹ Международное космическое право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / Г.П. Жуков [и др.].

² *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

³ 21 февраля 2008 г. США запустили ракету SM-3 с крейсера «Лейк Эри» в Тихом океане, поразив на высоте 247 км аварийный разведывательный спутник USA-193. 11 января 2011 г. Китай провел успешные испытания противоспутниковой системы, осуществив кинетический перехват выпущенной с космодрома ракетой, которая уничтожила китайский функционирующий метеорологический спутник FY-1C, расположенный на орбите на высоте 537 км (Covault Craig).

Важное место в системе принципов международного космического права занимает принцип сохранения юрисдикции и контроля государством за объектом и любым экипажем этого объекта, запущенным в космическое пространство и внесенным в национальный регистр и реестр ООН¹. В дальнейшем по номеру, внесенному в реестр, ведется идентификация объекта или его частей, а в случае обнаружения их за пределами территории государства регистрации осуществляется их возвращение.

Под космическим объектом можно понимать искусственное небесное тело, средства его доставки, другие его части, запущенные или сооруженные в космическом пространстве или на небесных телах для их исследования или использования. Но в действующих международных соглашениях по космосу нет определения космического объекта, поскольку отсутствует консенсус государств по этому вопросу.

Необходимо отметить, что все космические объекты можно разделить на две основные группы: автоматические и пилотируемые космические объекты. В зависимости от места деятельности обе группы космических объектов, в свою очередь, дифференцируются на околоземные, орбитальные и межпланетные космические объекты.

Особенностью международного космического права по сравнению с международным морским и воздушным правом является то, что космические объекты военного назначения не выделяются в особую правовую категорию. Военные корабли и военные самолеты пользуются особым правовым режимом, отличным от правового режима торговых судов и гражданской авиации². На наш взгляд, это отличие необходимо учитывать, так как анализ национальных систем дистанционного зондирования земли из космоса свидетельствует, что наиболее совершенная аппаратура используется на военных спутниках по сбору разведывательных данных, для наблюдения за чрезвычайными ситуациями в отдельных регионах мира. В США широко

Chinese Test Anti-Satellite Weapon, Aviation Week, Jan. 17. 2007. URL: http://www.aviationweek.com/aw/generic/story_channel.jsp?channel=space&id=news/CHI01177.xml (дата обращения: 31.08.2021); Kelso T.S. Analysis of the 2007 Chinese ASAT Test and the Impact of its Debris on the Space Environment // 2007 Amos Conference. 2007. P. 321.

¹ Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г., которая вступила в силу 15 сентября 1976 г.

² Международное космическое право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / Г.П. Жуков [и др.].

используются военные спутники серии КН. В ведении Воздушно-космических сил Российской Федерации также находятся подобные спутники. Необходимо отметить, что военные спутники используют в коммерческих целях. В качестве примера можно сослаться на космическую систему НЕМО (NEMO — Naval Earth Mapobserver) ВМС США. Эта система призвана решать как «уникальные задачи ВМС по съемке прибрежных районов», так и коммерческие задачи. ВМС США осуществляют мониторинг береговой зоны стран мира, а коммерческие пользователи — суши¹. Российская Федерация старается не отставать от США, Японии, Китая в наращивании орбитальной группировки космических аппаратов дистанционного зондирования земли. С этой целью была утверждена Концепция развития российской космической системы дистанционного зондирования земли на период до 2025 г.²

Следует также отметить глобальные навигационные спутниковые системы GPS (США), ГЛОНАС (Россия), GALILEO (Европейский союз), COMPASS/BeiDou (Китай), IRNSS (Индия), которые являются системами двойного назначения и используются как в гражданских, так и в военных целях. Организационно-правовым отличием GALILEO от GPS и ГЛОНАСС является то, что GALILEO не контролируется непосредственно национальными военными ведомствами Европейского союза, но в соответствии с резолюцией Европейского парламента от 10 июля 2008 г., озаглавленной «Космос и безопасность», допускается использование спутниковых сигналов для военных операций, проводимых в рамках европейской политики безопасности³.

Важным в международном космическом праве является принцип оказания помощи космонавтам. Государства рассматривают космонавтов как посланцев человечества в космос, но это не предоставляет им особый наднациональный статус, они остаются гражданами государства, отправившего их в космическое пространство. Космонавтам оказывают всемерную помощь в случае аварии, бедствия или вынужденной посадки на территории другого государства или в открытом

¹ URL: <http://www.gisa.ru/file/file766.doc> (дата обращения: 23.06.2021).

² URL: <https://www.roscosmos.ru/24707> (дата обращения: 17.06.2021).

³ European Parliament resolution of 10 July 2008 on Space and security (2008/2030(INI). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P6-TA-2008-0365> (дата обращения: 01.09.2021).

море. Космонавты, которые совершают такую вынужденную посадку, должны быть в безопасности и незамедлительно возвращены государству, в регистр которого занесен их космический корабль.

Принцип не нанесения ущерба космосу обязывает государства контролировать деятельность, связанную с использованием в космосе ядерных установок, и нести международную ответственность за любую космическую деятельность в космическом пространстве, независимо от того, осуществляется она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, включая международную ответственность за ущерб, причиненный такими объектами или их составными частями на Земле, в воздушном или космическом пространстве другому государству, его физическим или юридическим лицам.

Еще одним вопросом, вызывающим озабоченность, является опасность, создаваемая космическим мусором, который появляется в результате различного вида деятельности человека в космосе. Например, уничтожение или повреждение спутника может привести к появлению гораздо большего количества мусора, чем в результате других видов космической деятельности. Мусор может продолжать перемещаться по орбитам в течение десятилетий. С учетом скорости, с которой он перемещается, обломки могут повредить спутники, поддерживающие гражданскую деятельность и обеспечивающие предоставление основных услуг населению¹.

На данный момент времени проблема космического мусора решается пока лишь посредством мониторинга и обмена информацией. Только Россия и США на постоянной основе ведут и обновляют Каталог наблюдаемых космических объектов (Российская Федерация) и Каталог космического командования (США). США пошли несколько дальше в решении проблемы наблюдения за космическими объектами и запустили в 2010 г. на околоземную орбиту специальный спутник, «который будет постоянно изучать траектории всех спутников и космического мусора». Его задача представить картину движения на орбите, чем до сих пор ученые и военные не располагали. Спутник будет наблюдать за передвижением более 1 000 действующих спутников и 20 000 обломков космического мусора,

¹ Холиков И.В., Плакса В.Н. Применение норм международного гуманитарного права в космическом пространстве // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6. С. 69—75.

расположение которых до сих пор фиксировалось несовершенной системой радаров и телескопами. Это первый спутник, основная задача которого — изучать деятельность других космических аппаратов, а не космос как таковой¹. Кроме этого, основные субъекты космической деятельности на национальном уровне принимают Стандарты безопасности космической деятельности и сокращения космического мусора, существует практика лицензирования разработчиков космической техники², но практически отсутствует международный контроль, а принятые в 2007 г. Руководящие принципы предупреждения образования космического мусора, разработанные Комитетом по использованию космического пространства в мирных целях и одобренные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, лишь отражают существующую практику государств и по своей сути являются диспозитивными³.

С учетом изложенного важность и реализация принципа международной ответственности государств за национальную деятельность в космосе и международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, не вызывает сомнения. В частности, согласно общему международному праву международно-противоправное деяние государства может повлечь международную ответственность в случае присвоения соответствующего поведения государству⁴. Поведение лица может быть присвоено государству, например, если лицо действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства⁵. Вместе с тем, ст. VI Договора по космосу устанавливает международную ответственность государства за национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую как правительственными органами, так и неправительственными юриди-

¹ URL: <http://www.isra.com/news/126159> (дата обращения: 01.09.2021).

² В Российской Федерации требование лицензирования космической деятельности содержится в ст. 9 Закона Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности». Порядок и условия выдачи лицензии регламентированы Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и Положением о лицензировании космической деятельности.

³ *Косенков И.А., Штодина И.Ю.* Международно-правовой режим борьбы с засорением космического пространства // Моск. журн. междунар. права. 2016. № 1. С. 19—34. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-1-19-34> (дата обращения: 18.06.2021).

⁴ См., например, ст. 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 18.06.2021).

⁵ См., например, ст. 8 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.

ческими лицами, независимо от ее присвоения государству¹. С учетом наличия двух указанных выше норм возникает вопрос, какая из них подлежит применению при установлении ответственности государства за деяние национального юридического лица, связанное с военным использованием космического пространства. Данный вопрос может быть решен путем применения принципа права *lex specialis derogat generali*, который означает наличие приоритета специальной нормы над общей. Поскольку в данном вопросе речь идет о космической деятельности, специальная норма международного космического права, как *lex specialis*, «вытеснит» норму общего международного права, что означает безусловную международную ответственность государств за национальную космическую деятельность.

На сегодняшний день наиболее эффективным механизмом минимизации неблагоприятных последствий от космической деятельности является страхование космической деятельности. Проблема страхования космических рисков в настоящее время наименее исследована в российской правовой науке, однако чрезвычайно актуальна в современных условиях глобальной коммерциализации космической деятельности².

Огромное значение в современном международном космическом праве в связи с заявлениями ряда государств³ приобретает принцип, согласно которому космическое пространство и небесные тела «не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». Это запрещение закреплено в Договоре 1967 г. (ст. II) и Соглашении о Луне 1979 г. (ст. XI). Космическое пространство, Луна, небесные тела являются общим достоянием человечества и не могут быть собственностью какого-

¹ Статья VI Договора по космосу: «Государства — участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами...».

² Международное космическое право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / Г.П. Жуков [и др.].

³ США планируют уже к 2022 г. отправить на Луну первые элементы станции и к 2024 г. разместить на ней до четырех астронавтов, с перспективой добычи полезных ископаемых на ее поверхности. Не менее амбициозная Лунная программа у Китая, который планирует в 2036 г. пилотируемый полет на Луну и создание там базы. Российский Роскосмос собирается регулярно отправлять космонавтов на Луну после 2030 г. К 2020 г. будет построена станция по добычке ресурсов на Луне. URL: <http://globalscience.ru/article/read/18880/> (дата обращения: 23.06.2021).

либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица. В случае обнаружения природных ресурсов на небесных телах государства должны информировать об этом Генерального секретаря ООН, общественность, международное научное сообщество¹.

Международное космическое право содержит правила нахождения космических объектов на естественных небесных телах, в частности на Луне. Государства могут осуществлять посадку своих космических объектов на Луну и их запуск с Луны, размещать свой персонал, космические аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения в любом месте поверхности Луны и ее недр. Персонал и космические объекты могут свободно передвигаться на поверхности Луны и в ее недрах. Такие действия не должны, однако, создавать помех для деятельности на Луне других государств. Государства могут также создавать на Луне обитаемые и необитаемые станции, информируя Генерального секретаря ООН об их месторасположении и целях размещения. Станции должны располагаться таким образом, чтобы не мешать свободному доступу персонала, аппаратов и оборудования других государств во все районы Луны. Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, станций, сооружений не создает права собственности на поверхность или недра Луны. Для того чтобы каждое государство — участник Соглашения 1979 г. о Луне могло убедиться в том, что другие государства-участники действуют в соответствии с ним, все космические аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения на Луне являются открытыми для контроля.

Таким образом, анализ основных источников международного космического права отражает «в целом договорной путь решения принципиальных вопросов космической деятельности», связанный с принятием необязательных для исполнения международных правил, а по существу рекомендаций, нарушение которых не вле-

¹ Ученые нашли свидетельства наличия на Луне урана, тория, калия, кислорода, магния, кремния, кальция, титана и железа. Psi scientist and kaguya team find first conclusive signature for lunar uranium. URL: <http://www.psi.edu/news/press-releases/2009/psi-scientist-andkaguya-team-find-first-conclusive-signature-lunar-uranium> (дата обращения: 23.06.2021).

чет за собой международно-правовой ответственности¹. Согласно одному из основополагающих принципов международного космического права исследование и использование космического пространства является достоянием всего человечества², что актуализирует потребность обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, в свою очередь, тесно связанной с другим принципом международного космического права, предполагающим использование космического пространства в мирных целях³.

В данном контексте следует признать, что международное сообщество нередко предпочитает замалчивать такой принципиально важный вопрос, как военное использование космического пространства. Нормы и принципы военной космической деятельности остаются вне рамок международного правового режима, а общее понимание ее пределов не достигнуто даже на уровне рекомендаций, что требует в том числе и от специалистов в области военного права активного участия в исследованиях военных проблем международного космического права и разработки правовых механизмов, совершенствующих дальнейшее регулирование космической деятельности.

¹ Международное космическое право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / Г.П. Жуков [и др.].

² Абзац 1 ст. I Договора по космосу: «Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества».

³ Статьи IX и XI Договора по космосу. См. также преамбулу: «Государства — участники настоящего Договора ... признавая общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях ... желая содействовать развитию широкого международного сотрудничества как в научных, так и в юридических аспектах исследования и использования космического пространства в мирных целях ... согласились о нижеследующем».